

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ»

На правах рукописи

СМИРНОВ Петр Александрович

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНОЙ
МАКЕДОНИИ В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Специальность 23.00.04 Политические проблемы международных отношений,
глобального и регионального развития

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, профессор
Баранов Николай Алексеевич

Санкт-Петербург – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ	29
1.1. Концептуальные основы внешней политики македонского государства ..	29
1.2. Западные Балканы как часть постъюгославского пространства: влияние распада СФРЮ на политические процессы в регионе	41
ГЛАВА 2. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ И «АЛБАНСКИЙ ВОПРОС»	52
2.1. Взаимодействие македонского государства с Албанией, ЕС и НАТО по «албанскому вопросу»	52
2.2. Российско-македонские отношения в контексте албанской проблематики	68
ГЛАВА 3. РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НА БАЛКАНАХ И ГРЕКО- МАКЕДОНСКИЙ СПОР О НАЗВАНИИ	79
3.1. Внешнеполитическая деятельность Республики Северной Македонии по разрешению «спора о названии»	79
3.2. Евро-атлантический вектор внешней политики Республики Северной Македонии	96
3.3. Турецкий фактор во внешней политике Республики Северной Македонии	103
ГЛАВА 4. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ И ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	110
4.1. Диалог Скопье и Софии и проблема македонского языка	110
4.2. Отношения с Сербией и проблема македонской Церкви	130
4.3. Проблематика формирования македонской нации	140
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	151
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	156
ПРИЛОЖЕНИЯ	184

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы исследования связана с политическими событиями на Балканском полуострове, многие государства которого либо находятся на пути к интеграции в Европейский союз и НАТО, либо уже успешно завершили этот процесс. Евроатлантический вектор внешней политики балканских государств был избран ими в качестве защиты от разрушительных процессов фрагментации («балканизации») и этнополитизации межгосударственных отношений в регионе. Фрагментация региона стала следствием распада социалистической Югославии, ввергнувшего в кризис все бывшие югославские республики. Обострение политической ситуации в балканском регионе после распада Социалистической Федеративной Республики Югославии (далее – СФРЮ) поставило вопрос этнической и национальной идентичности, острота которого подтверждается трагическими эпизодами боевых действий в Боснии и Герцеговине (далее – БиГ), Хорватии, Косово. Выходом из кризиса почти все региональные акторы считали и продолжают считать вступление в крупные международные организации, в первую очередь, в НАТО. Однако для вхождения в число стран-участниц Альянса каждому балканскому государству необходимо было разрешить как внутренние, так и внешние вопросы, не в последнюю очередь связанные с этничностью и идентичностью. То есть, наряду с процессами интеграции существуют процессы преодоления межнациональных конфликтов и демократизации межгосударственных отношений в регионе. Таким образом, этнический аспект в той или иной степени присутствует во внешней политике всех постъюгославских государств. За прошедшие тридцать лет они по-разному осуществляли демократический транзит и разрешали спорные вопросы, и «македонский кейс» в данном случае представляет несомненный интерес.

Исследование формирования внешней политики Республики Северной

Македонии (далее – РСМ) связано с тем, что в настоящее время эта республика является одним из важнейших (наравне с Сербией, Хорватией, Болгарией и Грецией) региональных акторов и членом НАТО с соответствующими обязательствами и правами. Внешняя политика Скопье пережила несколько этапов и на данный момент отличается стабильностью, имея четкие цели и перспективы. Несмотря на бескровный выход из СФРЮ, проблемы этнического характера в македонском государстве существовали непрерывно и спровоцировали острый кризис в начале XXI в., что несколько повлияло на курс внешней политики. Связанный с этническим аспектом вопрос самоидентификации стал для Скопье в равной степени насущным и болезненным. А его разрешение требует определенной гибкости без вреда для национальных интересов.

Нельзя также не подчеркнуть исключительное положение македонского государства в политическом пространстве региона: долгое время (до объявления независимости Косово) РСМ была самой молодой республикой, государственность которой брала свое начало в 1944 г. Не обладая «опытом» и политико-национальной традицией, Скопье оказалось после объявления независимости в более сложном положении, чем его соседи. Этот факт, несомненно, влияет на формирование внешнеполитической доктрины македонского государства и обуславливает актуальность исследования.

Македонская внешняя политика представляет особый интерес и в контексте присутствия Российской Федерации в Балканском регионе. Являясь одним из партнеров России на Балканах, в частности, в энергетической сфере, Северная Македония старается развивать двусторонние отношения с РФ, что позволяет предполагать сохранение некоего баланса сил в регионе в контексте евроатлантической интеграции многих государств постъюгославского пространства. Опыт российско-македонских отношений может быть экстраполирован на балканский вектор политики РФ в целом.

Помимо этого нужно подчеркнуть многополярный характер современных международных отношений, где каждый регион имеет потенциальную возможность стать центром силы, а каждое государство – стать региональным лидером. В таком контексте изучение внешней политики любого постъюгославского государства представляется необходимым и актуальным.

Все вышеизложенное повышает актуальность темы диссертационного анализа внешней политики Республики Северной Македонии.

Степень изученности темы исследования. В ходе подготовки диссертации были изучены труды российских, европейских и американских исследователей.

Российские специалисты долгое время не проводили специальных исследований по «македонскому вопросу», фокусируясь на более актуальных проблемах, связанных с боевыми действиями в Хорватии и БиГ, а также с ситуацией в Косово. Рассмотрение внешней политики Скопье шло в русле анализа общерегиональных тенденций. Первые попытки более глубокого анализа были предприняты в конце 1990-х гг. Е.Ю. Гуськовой и ее авторским коллективом с публикациями сборника «Македония. Путь к самостоятельности. Документы»¹ и монографии «Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии»². В данных исследованиях посредством обращения к историческому дискурсу был впервые поставлен вопрос о роли идентичности в современной македонской действительности и давались прогнозы относительно разрешения спора с Грецией.

В опубликованных позднее работах В.К. Волкова, К.В. Никифорова, Е.Ю. Гуськовой³ проблематика македонской внешней политики становилась более

¹ Македония. Путь к самостоятельности. Документы. / отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1997.

² Гуськова Е.Ю. Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии. М.: ИНИОН РАН, 1999.

³ Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы / под ред. В.К. Волкова. М.: Индрик, 2000. 368 с.; Волков В.К. Балканская западня и проблема столкновения цивилизаций. // Славянский мир: проблемы истории и современность (памяти В.К.Волкова). Под ред. А.В. Карасева. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. С. 40–59; Волков В.К. Трагедия Югославии (1991-1995 гг.). // Славянский мир:

актуализированной, однако акцент по-прежнему делался на общерегиональный контекст и на пути разрешения спора о наименовании с Грецией.

Переход к более детальной проработке вопроса внешней политики Скопье с выделением региональных векторов наблюдается в работах профессора МГИМО Е.Г. Пономаревой, где наряду с исследованием политического развития постъюгославских стран и участия в этом процессе внешнего фактора отмечалась особая роль албанского вопроса⁴. Также албанская проблематика в русле общерегиональных процессов исследовалась в специальном сборнике под редакцией Е.Ю. Гуськовой, отдельные статьи которого ставили вопрос албано-македонских взаимоотношений и предлагали различные взгляды⁵. Сборник примечателен тем, что в нем были опубликованы переводы статей албанских и македонских исследователей данного вопроса. Последующие публикации по албанской проблематике⁶ акцентировали внимание еще и на участии

проблемы истории и современность (памяти В.К.Волкова). Под ред. А.В. Карасева. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. С. 60–106; Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX-начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. Отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Нестор-история, 2015. 480 с.; Югославия в XX веке: Очерки политической истории. Отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Индрик, 2011. 888 с.; Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000) М.: Русское право. 2001. 717 с.; Гуськова Е.Ю. Вооруженный конфликт и политическое урегулирование: Кризис диалоговой модели на Балканах в 90-е годы XX в. Ч. 1 // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 83-100; Романенко С.А. Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 500 с.

⁴ Пономарева Е.Г. Политическое развитие постъюгославского пространства (внутренние и внешние факторы). М.: Издательство МГИМО-Университет. 2007. 233 с.; Пономарева Е.Г. Суверенитет новых государств Юго-Восточной Европы: внутренние и внешние вызовы. // Суверенитет. Трансформация понятий и практик. Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 155–171; Пономарева Е.Г. Новые государства на Балканах. М.: Издательство МГИМО-Университет. 2010. 252 с.; Пономарева Е.Г. Республика Македония: наступление албанского меньшинства. // Политическая наука. 2010. № 1. С. 138-172.

⁵ Степанова Е.А. Албанский фактор в македонском конфликте. // Албанский фактор кризиса на Балканах. Отв. ред. Е.Ю.Гуськова. М.: ИНИОН РАН, 2003. С.87-103; Искендеров П.А. Албания и кризисы на постъюгославском пространстве. // Албанский фактор кризиса на Балканах. Отв. ред. Е.Ю.Гуськова. М.: ИНИОН РАН, 2003. С.117-132; Димитров Д. Антропологический взгляд на албанский экстремизм. // Албанский фактор кризиса на Балканах. Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: ИНИОН РАН, 2003. С.104-110.

⁶ Иванова Ю.В. Албанцы и их соседи. М.: Наука, 2006. 367 с.; Туров Н.Л. Идеологический проект «Великая Албания» на современной политической карте мира. // Сравнительная политика. 2014. №4. С. 39–44; Клименко З.В. Албанский вопрос в Македонии. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2015. № 4. С. 38–47; Третьякова М.Ч. Как в Македонии закончился военный конфликт в 2001 г. Охридский договор. // Славянский мир в третьем тысячелетии: Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов. Отв. ред. Е.С. Узенева. М., 2015. С. 146–156; Сорокин Д.А. Генезис этнических противоречий в Республике Македония (албанско-македонский аспект). // Филологические заметки. Т. 2. №13. 2015. С. 31-41; Стамова М.Н. Албанский фактор в Республике Македония в последнее десятилетие XX в. – первое десятилетие XXI в. // Славянский мир в третьем тысячелетии. Том 14. №1-2. 2019. С. 92-109; Третьякова М.Ч. Албанский вопрос во внутренней политике Македонии (1991-2001). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических

евроатлантических структур в снятии напряженности между правительством РСМ и албанскими гражданами.

Перенос внимания отечественных исследователей на отдельные направления македонской внешней политики (в частности, исследовался вопрос греко-македонских противоречий в виде так называемого «спора о названии»⁷ и вопрос болгаро-македонских отношений⁸) наметился примерно с середины 2000-х гг. и закономерно привел к публикациям, посвященным всецело внешнеполитической деятельности македонской республики. Первой из них стала обстоятельная монография Е.А. Колоскова, посвященная внешней политике Скопье в первое десятилетие после объявления независимости⁹. Сделанные в ней выводы о значительном влиянии внешних факторов на внутригосударственное и внешнеполитическое поведение македонских властей в целом продолжили линию, заложенную в трудах Е.Ю. Гуськовой, но глубина анализа позволила данной работе стать основополагающей для дальнейших исследований македонской внешней политики (число которых растет¹⁰), в том

наук: 07.00.03. М., 2018. 291 с.

⁷ Парастатов С.В. «Македонский вопрос» в контексте современного геополитического процесса на Балканах. // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. №1. С. 128-133; Колосков Е.А. Македонско-греческий спор о названии: аспекты, этапы и поиски решения. // Славянский альманах 2010. М.: Индрик, 2011. С. 186-203; Кирчанов М.В. Греческие образы в македонском национализме второй половины 2000-х гг. // Среднерусский вестник общественных наук. №3. 2011. С. 123-130; Колосков Е.А. Александр Великий в контексте греко-македонского спора о наименовании. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2011. Вып. 4. С. 102-108; Довгялло М.С. Бывшая Югославская Республика Македония (БЮРМ) – становление, развитие и «македонский вопрос» во взаимоотношениях с Грецией // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.): материалы II Международной научно-практической конференции, Витебск, 23-24 апреля 2015 г., ВГУ им. П.М. Машерова, 2015. С.202–208; Квашнин Ю.Д. Преспанское соглашение и перспективы урегулирования вопроса о названии Македонии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. №5. 2018. С. 47-53; Квашнин Ю.Д. Македонский вопрос в современной греческой политике. // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. №2. С. 66-74; Колосков Е.А. От Бухареста до Преспы: греко-македонский спор о государственном наименовании Македонии в 2008-2018 гг. // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 207-232; Зеликсон Д. И. Интересы Греции на Западных Балканах. Большое Причерноморье: политика, экономика, безопасность // Доклады Института Европы РАН №363. М.: ИЕ РАН. 2019. С. 28-31.

⁸ Кирчанов М.В. Болгарская националистическая историография Македонии в начале 1990-х гг. // Международный научный журнал «Инновационная наука». №01-2/2017. 2017. С. 119-123; Колосков Е.А. «Македонское царство»: спор о праве на средневековую историю между Македонией и Болгарией. // Славянский альманах. № 1-2. М.: Индрик, 2018. С. 11-23; Сорокин Д.А. Македонский язык как объект межгосударственного спора (по материалам СМИ). // Журнал политических исследований. Т. 5. №4. 2021. С. 79-86.

⁹ Колосков Е.А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991-2001 гг.). М.: Институт славяноведения РАН, 2013.

¹⁰ Колосков Е.А. Национальная безопасность Македонии. // Вестник СПбГУ. 2016. Сер. 6. Вып. 3. С. 82-92;

числе и ее отдельных аспектов.

Взаимодействию официального Скопье с международными организациями (в первую очередь, с ЕС) посвящены труды П.Е. Канделя¹¹. Вклад в разработку проблемы евроинтеграции Северной Македонии (и Балкан в целом) представляют публикации П.С. Соколовой¹². Также вопрос контактов Европейского Союза и македонского государства затрагивался в коллективном труде под редакцией А.А. Языковой и ряде других исследований¹³. Проблематика взаимодействия македонского государства с НАТО нашла свое отражение в ряде

Головин Д.О., Складаров С.А. Новый македонский вопрос: современный этап развития. // Международная аналитика. 2020. №11 (2). С. 68-90; Салаватова А.В. Европейская интеграция как фактор македонской национальной идентичности. // Современная Европа. 2021. №1. С. 209-218; Приколота М.Д., Крылов И.С. Вступление Македонии в Североатлантический альянс как многоуровневая игра. // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. №1. С. 177-189.

¹¹ Кандель П.Е. Балканы: «Праздник непослушания» // Европейская аналитика 2017 / Отв. ред. К.Н. Гусев. СПб.: Нестор-История. 2017. С. 142- 152; Кандель П.Е. Брюссельские стратегии и балканские реалии // Современная Европа. 2018. №7. С. 122-127; Кандель П.Е. Грозит ли Балканам дестабилизация? // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. №3. С. 50-58; Кандель П.Е. Западные Балканы между «Старой» и «Новой Европой» // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях / Отв. ред. Л.Н. Шишелина. XII международная конференция. М.: ИЕ РАН. 2018. С. 147-153; Кандель П.Е. О «цветных» и «бесцветных» революциях в Юго-Восточной Европе. // Экспорт демократии» и сетевые технологии в современном социально-политическом процессе. М.: Фонд исторической перспективы. 2017. С. 114-121; Кандель П.Е. Что нового в Стратегии ЕС на Западных Балканах? // Современная Европа. 2018. №5. С. 17-24; Кандель П.Е. Экспоненты политической альтернативы на Балканах. // Партии и движения политической альтернативы в современной Европе. / Отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: ИЕ РАН, 2018. С. 128-132; Кандель П.Е. Балканские дилеммы ЕС. // Современная Европа. 2020. №2. С. 123-130.

¹² Соколова П.С. Евро-атлантическая ориентация Западных Балкан // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 7. С. 37-47; Соколова П.С. Балканский регион: на пути к стабилизации // Год планеты. 2004. С. 363-367; Соколова П.С. Балканская составляющая европейской безопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 11. С. 17-26; Соколова П.С. Влияние кризиса на политику расширения ЕС: Западные Балканы // Кризис ЕС и перспективы европейской интеграции (политические аспекты) / Отв. ред Н.К. Арбатова и А.М. Кокеев. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 31-48.

¹³ Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. / под ред. А.А. Языковой. М.: Весь Мир, 2007. 352 с.; Европейский Союз в XXI веке: время испытаний. Под ред. О.Ю. Потемкиной, Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. М.: Весь мир, 2012. 656 с.; Андропова И.В., Миновска М., Дюжева Н. В. Влияние соглашения о стабилизации и ассоциации на развитие внешней торговли Северной Македонии с ЕС. // Современная Европа. 2020. №2. С. 78-89; Власова К.В. Парадоксы балканской политики Европейского Союза. // Современная Европа. 2014. №3. С. 117-126; Федоров М.С. ЕС и урегулирование региональных конфликтов и кризисов: адаптация к новым вызовам. // Современная Европа. 2018. №5. С. 82-89; Максакова М.А. Страны Западных Балкан на пути в Европейский Союз: проблемы и перспективы. // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. №11. С. 42-55; Поскребышева Е.С. Охридские соглашения по Македонии в контексте этноконфессиональной политики Евросоюза. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 5 (1). С. 321-325; Федоров М.С. Деятельность Европейского Союза по урегулированию региональных конфликтов: потенциал, политические механизмы и практика. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.04. М., 2019. 184 с.; Ковач М. Сравнительный анализ деятельности международных организаций в конфликтах в Косово и Македонии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.04. М., 2009. 233 с.; Спасов А.А. Путь евроинтеграции Республики Северная Македония. // Социально-гуманитарные знания. №3. 2021. С. 299-305.

статей, в целом скептически оценивающих перспективы расширения Североатлантического альянса в регионе¹⁴.

Вопросам европейской и региональной безопасности посвящен обширный ряд исследований, выполненных отечественными специалистами в последние два десятилетия. При этом в фокусе внимания авторов находится как Балканский регион в целом, там и Северная Македония в частности. К данной группе работ¹⁵, можно также отнести исследования российско-македонских связей¹⁶. Примечательно, что фундаментального труда, содержащего анализ динамики российско-македонских связей за тридцатилетний период, в отечественной политической науке пока нет.

Особую значимость представляют труды российских политологов по проблематике этничности и национализма. Данную группу исследований можно подразделить на две категории: труды общетеоретического, методологического характера¹⁷ и практического, в которых явления этничности и национализма

¹⁴ Приколота М.Д., Крылов И.С. Вступление Македонии в Североатлантический альянс как многоуровневая игра. // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. №1. С. 177-189; Романенко С.А. НАТО и пост-югославские государства: новый этап. // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2003. Вып. 7. С. 8-11; Белоногов А.Л. Перспективы расширения программ партнерства НАТО в начале XXI века: постсоветское пространство, Балканы, «контактные страны». // Известия Российского Государственного Педагогического Университета им. А.И. Герцена. 2010. С. 299-310; Манойло А.В., Спасов А.А. Политические и военные аспекты операций НАТО в Республике Северная Македония. // Россия и современный мир. №3 (112). 2021. С. 235-253; Пророкович Д. Стратегическая нестабильность на Балканах как следствие внешней политики США. // Русская политология — Russian Political science. 2021. № 1 (18). С. 5-13; Пушкарева В.В. Западные Балканы в русле политики атлантизма. // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6. Вып. 1. С. 91-103.

¹⁵ Романенко С.А. Балканы / Юго-Восточная Европа: регион-загадка и регион загадок. // Актуальные проблемы Европы. 2021. №2. С. 22-58; Соколова П.С. Балканский регион и европейская безопасность (актуальные проблемы и пути их решения). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.04. М., 2007. 199 с.; Калоева Е.Б. Западные Балканы и кризис в Украине. // Россия и современный мир. 2015. №3 (88). С. 127-149; Калоева Е.Б. Балканы между Западом и Россией: взгляд сквозь призму общественного мнения. // Актуальные проблемы Европы. 2017. №3. С. 87-113.

¹⁶ Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. Начало XX в.-1991 год. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 1024 с.; Энтина Е.Г. Евро-атлантическая интеграция республик бывшей Югославии и российский фактор. // Актуальные проблемы Европы. 2018. №1. С. 192-208; Третьякова М.Ч. Новое название Македонии и позиция России. // Современная Европа. 2021. № 7. С.105-114.

¹⁷ Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности. // Политическая наука. 2020. №3. С. 74-97; Семененко И.С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса. // Мировая экономика и международные отношения. 2015. №11. С. 91-102; Кирчанов М.В. Этнические культуры как «изобретенные традиции» серийных национализмов (перспективы сравнительного анализа). // Этническая культура в современном мире. 2020. № 14

рассматриваются на конкретных примерах, в том числе и на македонском¹⁸.

Еще один топос в политологическом анализе, неразрывно связанный с проблематикой этничности – концепт идентичности, изучение которого в отечественной науке происходит также в двух направлениях – теоретическом¹⁹ (особое место занимают работы В.А. Ачкасова²⁰) и практическом, когда предметом анализа становятся общебалканские или внутримакедонские тенденции²¹.

Зарубежные исследования внешней политики РСМ можно разделить по национальной принадлежности их авторов, т.к. в большинстве случаев это и обуславливало тематику публикаций. Так, вопрос греко-македонского взаимодействия рассматривался в трудах греческих ученых Е. Кофоса, Т. Гуменоса и др.²². Примечательна содержащаяся в этих публикациях взвешенная

(3). С. 7-11.

¹⁸ Пономарева Е.Г. Узлы и модели балканских этнополитических конфликтов. // Пути к миру и безопасности. 2012. Вып. 1 (42). С. 60-75; Романенко С.А. Постъюгославское пространство 1992-2014 гг.: Проблемы национального самоопределения и непризнанных государств. // Актуальные проблемы Европы. 2015. №1. С. 154-171; Кирчанов М.В. Македонский национализм 2000-х годов: между идеалами гражданской нации и этнизацией. // Вопросы политологии. 2015. Вып. 2 (18). С. 55-62; Помигуев И.А., Салахетдинов Э.Р. Процесс национально-государственного строительства Северной Македонии: символические аспекты. // Власть. 2021. №5. С. 271-277;

¹⁹ Назукина М.В. Институционализация этничности в политике идентичности российских республик: концептуальный анализ. // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 78-92; Панов П.В. Национальная идентичность: варианты социального конструирования картины мира. // Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции, ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 47-50; Панов П.В. Политизация этнической идентичности в современном мире: проблемы и институциональные решения. // Вестник Пермского научного центра. 2014. № 5. С. 48-54.

²⁰ Ачкасов В.А. Политика идентичности в современном мире. // Вестник СПбГУ. 2013. Сер. 6. Вып. 4. С. 71-77; Ачкасов В.А. Этнополитический конфликт как конфликт идентичностей. // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 6. Вып. 1. С. 37-43.

²¹ Горшенева И.Б. Историческая память, историческая политика и идентичность в Европе. // Панорама. 2011. № 1. С. 120-128; Калоева Е.Б. Европейская и национальная идентичность. Борьба или взаимодействие (опыт Балкан). // Европеизм и национализм в странах Восточной Европы. / отв. ред. Ю.И. Игрицкий. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 66-94; Лабаури Д.О. Проблема македонской национальной идентичности в идеологии Крсте Мисиркова (1902-1905). // Славянский альманах. 2004. С. 148-154.

²² Kofos. E. Greek policy considerations over FYROM independence and recognition. // The New Macedonian Question (edited by James Pettifer). London, New York: Macmillan Press Ltd, 1999. Pp. 226-262; Macedonia. A Greek term in modern usage. Thessaloniki: Research Centre for Macedonian History & Documentation, 2005. 95 p; Armakolas I., Triantafyllou G. Greece and EU enlargement to the Western Balkans: understanding an ambivalent relationship. // Southeast European and Black Sea Studies. 2017. № 4 (17). Pp. 611-629; Aggelakis Y. Judges as Historians: The Macedonian Trials in the Early 1990's. // Balkan crossroads. 2017. Pp. 11-28; Anastsakis O. Post-1989 Political Change in the Balkan States: The Legacy of the Early Illiberal Transition Years. // Perceptions. Journal of international affairs. 2013. Vol.18. № 2. Pp. 91-113; Kokkolis G. How SlavMacedonians see themselves: birth and evolution of the «Macedonian» national identity.

оценка греческой политики в отношении македонской республики в наиболее острой фазе спора о названии. Турецкая политика в отношении македонского государства анализируется Б. Демирташем и Д. Екинджи²³, которые подчеркивают связь между контактами Анкары и Скопье и евроатлантической интеграцией РСМ.

Наиболее массивный объем научной литературы принадлежит македонским авторам, которые с первых дней существования своего государства осмысливали его политическое настоящее и будущее. Признавая в целом значительную роль внешнего фактора в формировании македонской внешней политики и становлении государственности в независимый период, авторы сосредотачивались на изучении отдельных аспектов македонской внешней политики. Так, конфликту с Грецией были посвящены труды Л. Фрчкоского, Е. Цветковской, В. Ортаковского, Д. Маролова²⁴. Отношениям с США посвятил свой обстоятельный труд Р. Никовский²⁵. Вопросу сближения с ЕС посвящен ряд статей, в том числе написанных действующим президентом республики С. Пендаровским²⁶. Беспристрастный скрупулезный анализ отношений Скопье с

²³ Bougarel X. The Role of Balkan Muslims in Building a European Islam. // European Policy Centre. 2005 [Электронный ресурс] URL:

https://www.researchgate.net/publication/32230189_The_Role_of_Balkan_Muslims_in_Building_a_European_Islam; Demirtas B. Turkish Foreign Policy towards the Balkans: A Europeanized Foreign Policy in a De-Europeanized National Context? // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2015. Vol.17. № 2. Pp. 123-140; Demirtas B. Turkey and the Balkans: Constructing a Common Future. // Perceptions. Journal of international affairs. 2013. Vol. 18. № 2. Pp. 163-185; Goral E. A Neo-Realist Analysis of Turkish Foreign Policy towards Balkans. // The Balkans Dialogue: Conflict Resolution and EU Accession Politics in the Balkans and Turkey. International Conference, 8–9 February 2013: Conference proceedings, Budapest, Institute for Cultural Relations Policy. 2013. Pp. 95-108.

²⁴ Frckoski D.L. The character of the name dispute between Macedonia and Greece. Scopje, 2009. 13 p.; Cvetkovikj J. The Name Issue and the Media. // Balkan crossroads. 2017. Pp. 52-70; Ortakovski V. 1995 Interim Accord and the name issue. // Меѓународна научна конференција «Македонија и Балканот 100 години од Првата светска војна: безбедност и евроатлански интеграции» Скопје: Факултет за безбедност. 2014. Pp. 17-36; Marolov D. The relations between Macedonia and Greece in the context of the name issue. // Balkan Araştırmaları Enstitüsü Dergisi Cilt. Vol. 2. № 1. 2013. Pp. 23-34; Klekovski S., Mihailovska J., Jovanov M. The Name Dispute – Public view in Macedonia. Skopje: MCIC, 2018. 52 p.; Karadjoski M. Cross-border Cooperation between Macedonia and Greece as an Instrument for Good Neighbourhood Relations. // The Balkans Dialogue: Conflict Resolution and EU Accession Politics in the Balkans and Turkey. International Conference, 8–9 February 2013: Conference proceedings, Budapest, Institute for Cultural Relations Policy. 2013. Pp. 116-127.

²⁵ Никовский Р. США и независимая Македония (1991-2013). М.: Институт славяноведения РАН, 2016. 234 с.

²⁶ Grizo M. European Union's Policy of «Regional Approach» 1996-1999: The Case of Macedonia. // Balkan Social Science Review. Vol. 3. 2014. Pp. 157-177; Stojanovski S. From «Balkanization» towards «West-Balkanization»: The Republic of Macedonia's Euro-Atlantic prospects. // Balkan Social Science Review. Vol. 1. 2013. Pp. 201-216; Dordeska

Софией и Белградом можно обнаружить в исследованиях Д. Маролова²⁷, он же провел наиболее емкие исследования по внешней политике Македонии в целом²⁸. Данные исследования носят явный апологетический характер по отношению к внешнеполитической линии Скопье. Вопросам региональной и национальной безопасности посвящены труды И. Симоновского, И. Ристова²⁹, отмечающие роль евроатлантических структур в региональных процессах. Надо отметить и наличие большого количества работ по данным вопросам, выполненных исследователями из других балканских государств³⁰.

M. Between Myths and Realty - Macedonia between Turkey and the EU. // Analytical. Vol. 4. 2011. Pp. 74-89; Река Б. Процесот на интеграција на Република Македонија во Европската унија. // Република Македонија на патот кон Европската унија (2020) – искуства, предизвици, перспективи: прилози од Меѓународната конференција. Скопје. 2016. С. 29-49; Gocevski T. The significance of Euro-Atlantic integration for regional peace and security. // International scientific conference security and Euroatlantic perspectives of the Balkans police science and police profession (states and perspectives) 25-26 May, 2012, Ohrid: Conference Proceedings, Bitola-Skopje, University St. Kliment Ohridski. 2012. Vol. 1. Pp. 61-73; Pendarovski S. The Balkan playground: Eastern «soft» power coming, Western not leaving. // Thirteenth annual international academic conference on European Integration «Europe and the Balkans» 17 May, 2018: Conference Proceedings, Skopje, University American College. 2018. Pp. 155-164; Ripiloski S., Pendarovski S. Macedonia and the Ohrid Framework Agreement: Framed Past, Elusive Future. // Perceptions. Journal of international affairs. 2013. Vol. 18. № 2. Pp. 163-185.

²⁷ Marolov D. The relations between Macedonia and Bulgaria. // Knowledge. International journal. 2014. Vol. 4. Pp. 406-411; Marolov D. The relations between Macedonia and Serbia. // Romanian journal of history and international studies. 2015. Vol. 2. № 1. Pp. 117-128.

²⁸ Marolov D. Republic of Macedonia Foreign Policy: Diplomacy in the Middle of the Balkans. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013. 89 p.; Маролов Д., Митев О. Создавањето на независна република Македонија. Внатрешни состојби и надворешна политика. Штип, Универзитет «Гоце Делчев», 2016. 294 с.; Маролов Д. Македонската јавна дипломатија и нејзините основни предности и слабости. // Трета меѓународна научна конференција «меѓународен дијалог: исток - запад». Свети Николе-Тамбов. 2012. С. 19-23.

²⁹ Simonovski I., Ece Unsal Z. Balkan region – battleground for a clash of the centers of power in a creation of a new world order. // Balkan Social Science Review. 2016. Vol. 8. Pp. 139-153; Ристов И. Турската моќ на Балканот и безбедносните импликации – случај Северна Македонија. Докторски труд. Скопје, 2020. 444 с.; Gjurovski M. Strategy for defense diplomacy of the Republic of Macedonia. // International Scientific Conference «Towards a Better Future: The Rule of Law, Democracy and Polycentric Development» 11-12 May, 2018: Conference Proceedings, Bitola, St. Kliment Ohridski University. 2018. Vol. 2. Pp. 44-54; Petreski A. Impact of globalization world on the Western Balkans. // International Scientific Conference «Towards a Better Future: The Rule of Law, Democracy and Polycentric Development» 11-12 May, 2018: Conference Proceedings, Bitola, St. Kliment Ohridski University. 2018. Vol. 2. Pp. 92-97; Tatalovic S., Malnar D. Migration in the security policies of the Central and South European countries. // Contemporary Macedonian defence. 2019. Vol. 19. №36. Pp. 25-48; Conev B., Ilieva J. The Republic of Macedonia and its recognition in the international community (1991-2015). // Macedonia: Social, political and economic issues. / ed. Pejnovic V.S., Stankovich M. 2017. Pp. 1-31; Рунчева Х. Република Македонија – регионалната соработка од аспект на дипломатските и економските односи. // Политичка мисла. 2010. №31. С. 27-32.

³⁰ Abdullai J. The political crisis in Macedonia and the relations with its neighbors. // The Balkans in the new millennium. From balkanization to eutopia. The Balkans sociological forum. Third International Conference, June 22-24, 2014: Conference Proceedings, Tetovo-Skopje, The Faculty of Public Administration and Political Science and Ss Cyril and Methodius University in Skopje - Institute for Sociological, Political and Juridical Research in Skopje. 2015. Pp. 45-56; Agir B.S., Akcay E.Y. An evaluation of the structural violence in the Former Yugoslav Republic of Macedonia's human security in the Post-Ohrid era. // 3rd International Conference on Human Security, May 2017: Conference Proceedings, Belgrade, University of Belgrade – Faculty of Security Studies. 2017. Pp. 19-26; Devetak S. Reconciliation – a prerequisite for the integration of Western Balkans in the EU stream of values. // Balkan Social

В англоязычной научной среде изучение вопросов становления македонского государства и формирования его внешнеполитического курса началось сразу же после выхода Северной Македонии из СФРЮ. Исследования носили как узкоспециализированный характер³¹, так и общий, где анализу подвергались все процессы в регионе³². Внимание западных исследователей было приковано к процессам демократизации молодого государства и его интеграции в международные структуры. Особо тщательному анализу подвергались этнические вопросы политики балканских государств, а также вопросы региональной безопасности³³. В связи со сложностями на пути к вступлению РСМ в НАТО исследовательский интерес сместился к вопросу спора о названии с Грецией³⁴, а затем и к другим направлениям внешней политики Скопье³⁵. Общим местом во всех исследованиях является признание македонской республики камнем преткновения различных геополитических устремлений других региональных акторов, что никак не умаляет самостоятельность и

Science Review. 2019. Vol. 14. Pp. 179-203; Doja A. In Hoc Signo Vincas: The Politics of Religion as a Source of Power and Conflict. // Politics, religion & ideology. 2019. Vol. 20. Pp. 447-466; Milanov V. The Bulgarian-Macedonian Conflict. // The Balkans Dialogue: Conflict Resolution and EU Accession Politics in the Balkans and Turkey. International Conference, 8–9 February 2013: Conference proceedings, Budapest, Institute for Cultural Relations Policy. 2013. Pp. 77-88; Ozerdem F. Europeanisation as a Tool of Border Conflict Resolution. // The Balkans Dialogue: Conflict Resolution and EU Accession Politics in the Balkans and Turkey. International Conference, 8–9 February 2013: Conference proceedings, Budapest, Institute for Cultural Relations Policy. 2013. Pp. 7-13; Valkov P. Policy of Russia and the «Albanian factor» in the Republic of Macedonia. // Journal of European and Balkan Perspectives. 2018. Vol. 1. № 1. Pp. 5-11; Yanakiev Y. The process of evaluation of national interests as the basis for security policy-making and strategy development. // Contemporary Macedonian defence. 2019. Vol. 19. № 36. Pp. 9-24.

³¹ Lefebvre S. The Former Yugoslav Republic of Macedonia (FYROM): Where to? // European Security. 1994. Vol. 3, №4. Pp. 711-733; Phillips J. Macedonia: Warlords and Rebels in the Balkans. New York, I.B. Tauris & Co Ltd., 2004. 240 p.; Poulton H. Who are the Macedonians? Indianapolis, 1995. 242 p.

³² Hayward R.A., Gurr T.R., Rupasinghe K. Journeys through conflict narratives and lessons. Boston, Rowman & Littlefield Publishers Inc., 2001; Nation R.C. War in the Balkans, 1991-2002. Pennsylvania: Strategic Studies Institute, 2003. 388 p.

³³ Larrabee F.S. Long memories and short fuses. // International security. 1990. Vol. 15. № 3. Pp.58-91; Gordon F.H. Europe's uncommon foreign policy. // International security. 1997. Vol. 22. № 3. Pp. 74-100; Meijer H., Brooks S.G. Illusions of Autonomy. // International security. 2021. Vol. 45. № 4. Pp. 7-43.

³⁴ Rossos A. Macedonia and the Macedonians. Stanford: Hoover Institution Press, 2008. 368 p.; Liotta P., Jebb R.C. Mapping Macedonia: Idea and Identity. Westport, Praeger Publisher, 2004. 192 p.

³⁵ Gangloff S. The relations between Turkey and Macedonia: The incoherencies of a political partnership. // Turkish Review of Balkan Studies. 2001. № 6. Pp. 38-57; Williams A. Preventing war: The UN and Macedonia. New York: Rowman and Littlefield, 2000. 224 p.; Troebst S. Germany and Macedonia – A 20th Century Special Relationship. // Thirteenth annual international academic conference on European Integration «Europe and the Balkans» 17 May, 2018: Conference Proceedings, Skopje, University American College. 2018. Pp. 25-30.

суверенность постъюгославской Македонии.

Отдельно следует указать массив работ зарубежных авторов (как переведенных и опубликованных на русском языке, так и на языке оригинала), посвященных проблематикам этничности и идентичности. Как и отечественные исследования, данные труды можно условно подразделить на две категории: теоретического характера³⁶ и практического, анализирующих вопросы этнонационализма в регионе и в РСМ³⁷. Среди вторых особое место занимают исследования проблематики взаимодействия исламской и славянской идентичностей на Балканах³⁸.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что в зарубежной научной литературе «македонский вопрос» подвергся более глубокому и всестороннему анализу, чем в отечественной; в российской политической и исторической науке, за исключением монографии Е.А. Колоскова, до сих пор нет обобщающего исследования по внешней политике македонского государства, что

³⁶ Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.; Калхун К. Национализм. М.: Территория будущего, 2006. 288 с.; Киссе А.И. Этнический конфликт: теория и практика управления. Политологический анализ. М.: Логос, 2016. 380 с.; Hogan P. K. Understanding Nationalism. On Narrative, Cognitive Science, and Identity. Columbus: Ohio State University Press, 2009. 386 p.; Wimmer A. The Making and Unmaking of Ethnic Boundaries: A Multilevel Process Theory. // *American Journal of Sociology*. 2008. Vol. 113. №4. Pp. 970-1022.

³⁷ Энциклопедия изгнаний. Депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке. / редкол.: Д. Брандес, Х. Зундхауссен, Ш. Требст. М.: РОССПЭН, 2013. 727 с.; Павловски М., Георгиевска-Яковлева Л. СМИ и национальная идентичность. // *Век информации. Медиа в современном мире*. Петербургские чтения: материалы 55-го международного форума (21-22 апреля 2016 г.) / отв. ред. С.Г. Корконосенко. 2016. № 2. СПб.: Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, 2016. С. 31-35; Dimitras P.E. Writing and rewriting history in the context of Balkan nationalisms. // *Southeast European Politics*. 2000. Vol.1. №1. Pp. 41-59; Gjorgjeovski G. Nurturing the Culture of Dialogue. A Macedonian Experience. // *Interdisciplinary Journal for Religion and Transformation in Contemporary Society*. 2020. Vol. 6. Pp. 385-412; Glenney M. The Balkans. Nationalism, War, and the Great Powers. 1804-2012. Toronto: House of Anansi Press Inc., 2012. 774 p.; Matevska D. The relationship between the political and religious elite in contemporary Macedonian society. // *Politics and religion*. 2011. Vol. 5. № 1. Pp. 129-140; Roudometof V. Nationalism and Identity Politics in the Balkans: Greece and the Macedonian Question. // *Journal of Modern Greek Studies*. 1996. № 14. Pp. 253-301; Sotirovic V.B. Nationalism and territorial claims of the Yugoslavs challenge to re-map the Balkans in the 21st century. Case-study. // *Journal of security studies and global politics*. 2017. Vol. 2. Pp. 69-81; Нетковски М. За колективната меморија и идентитетот. // *Историја*. 2010. №1-2. С. 115-125.

³⁸ Corradi E. Rethinking Islamized Balkans. // *Balkan Social Science Review*. 2016. Vol. 8. Pp. 121-139; Ghaffar Mughal A. Muslim Population of the Republic of Macedonia: A Demographic and Socio-economic Profile. // *Balkan Social Science Review*. 2015. Vol. 5. Pp. 87-129; Ilievski B. The Fluctuation in the National Identification of a Part of the Muslim Population in the People's Republic of Macedonia (Statistical and demographic analysis). // *Balkan Social Science Review*. 2014. Vol. 4. Pp. 275-295; Stojanovski S., Marolov D. The Balkan Muslim discourse: Identity among the Muslims of Slavic origin. // *New Balkan Politics*. 2015. Vol. 17. Pp. 70-81.

обуславливает актуальность данной работы.

Исследовательская гипотеза состоит в том, что внешняя политика Республики Северной Македонии в большей степени испытывала на себе влияние этнонационального фактора, чем политика других постъюгославских государств (за исключением БиГ). Под этнонациональным фактором понимается совокупность нациеобразующих концептов³⁹ (языка, религии, культуры, этнического происхождения), обоснование которых занимает существенное место во внешнеполитическом курсе государства. Также к этнонациональному фактору следует отнести этническую неоднородность населения республики, в которой стремительно происходит рост албаноязычного меньшинства. Другие постъюгославские республики в этом отношении более гомогенны, поскольку разрешили противоречия этнического характера в первые годы своего независимого существования в ходе вооруженных конфликтов. Напротив, бескровный выход РСМ из СФРЮ привел к «отсроченной» постановке этнического вопроса. В свою очередь, разрешение данного вопроса стимулировало процесс трансформации этнической нации в РСМ в гражданскую. Постепенное вытеснение вопросов этничности и национального самоопределения из внутривнутриполитического поля РСМ во внешнеполитическое способствовало консолидации македонской гражданской нации на основе внутривнутриполитического консенсуса. Перемещенный вовне этнонациональный фактор в результате стал определяющим для внешнеполитической линии Скопье.

Фактор идентичности, неразрывно связанный с этническим, также делает македонский случай уникальным на фоне других республик: большую часть своего независимого существования РСМ разрешала спорные вопросы названия государства и его языка с Грецией и Болгарией соответственно, что сделало этот аспект ключевым для внешней политики македонской республики.

³⁹ См.: Севруженко Н.С., Сковородников А.П. «Русская земля» как нациеобразующий концепт // Экология языка и коммуникативная практика. 2020. № 1. С. 30-46.

Сопоставление внешнеполитической линии РСМ с курсом, проводимым во внешней политике такими республиками, как Сербия, Хорватия или Черногория, подчеркивает особый, отличный от других, вектор внешней политики Скопье и превалирующее влияние на него вопросов этнонационального характера. В свою очередь, «идентичностный» аспект внешней политики Скопье может быть включен в этнический и, соответственно, являться предметом анализа.

При этом внешняя политика Скопье не имеет и никогда не имела ситуативного характера; можно предположить, что концептуально она сформировалась сразу после объявления независимости и имела целью интеграцию в европейские структуры, а затем в НАТО, что соответствовало общерегиональным тенденциям.

Цель исследования – выявить влияние этнического фактора на внешнеполитический курс Республики Северной Македонии в контексте глобальных и региональных связей.

Для достижения цели необходимо выполнить следующие исследовательские задачи:

1. Определить концептуальные основы внешней политики македонского государства и динамику их изменения.
2. Выявить роль региона Западных Балкан как части постъюгославского пространства и проанализировать влияние распада СФРЮ на политические процессы в регионе.
3. Обозначить основные этапы взаимодействия РСМ с Албанией, ЕС и НАТО по «албанскому вопросу».
4. Проанализировать динамику российско-македонских отношений в контексте албанской проблематики.
5. Дать оценку внешней политики Скопье в деятельности по разрешению «спора о названии».
6. Выявить роль евро-атлантического направления внешней политики

Республики Северной Македонии.

7. Охарактеризовать влияние турецкого фактора на внешнюю политику Республики Северной Македонии.
8. Проанализировать диалог Скопье и Софии в контексте проблемы македонского языка и перспективы ее разрешения.
9. Обозначить основные тенденции во взаимоотношениях с Сербией.
10. Определить ключевые понятия этничности и идентичности и через них проанализировать проблематику формирования македонской нации.

Хронологические рамки исследования охватывают 30 лет – с момента объявления македонским государством своей независимости в сентябре 1991 г. до января 2022 г.

Объект изучения – внешнеполитическая деятельность Республики Северной Македонии в период с 1991 по январь 2022 гг.

Предметом исследования является эволюция внешней политики македонского государства в условиях влияния этнического фактора в контексте решения внутривнутриполитических проблем.

Данное исследование **теоретически базируется** преимущественно на неореалистической и конструктивистской парадигме. Неореалистическая концепция предлагает категории национального интереса, системности международных отношений и безопасности. В более конкретном смысле в исследовании была использована концепция неореализма в варианте, предложенном *Копенгагенской школой исследований безопасности*. В данной работе используются теоретические категории, предложенные Б. Бузаном и О. Уэвером: региональная система, секьюритизация, комплексы и субкомплексы региональной безопасности⁴⁰. Этот теоретический подход интерпретирует внешнюю политику государств с точки зрения силы, защиты национальных

⁴⁰ См.: Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 588 p.

интересов и собственной безопасности, которая находится во взаимосвязи с безопасностью других государств. Несмотря на некоторую консервативность неореалистической парадигмы, именно в ее русле целесообразно рассматривать процессы, происходившие в Балканском регионе после распада СФРЮ. Нестабильность в регионе вынуждала каждое государство, в том числе и македонское, отдавать приоритет вопросам безопасности и национального интереса в своей внешней политике.

Анализ политических действий македонского государства, нацеленных на утверждение собственной идентичности, базировался на парадигме *конвенционального конструктивизма*, предложенной и разработанной А. Вендтом⁴¹. Рассмотрение спорных вопросов языка и названия РСМ следует осуществлять через усвоение социальных установок, созданных македонским государством и имеющих интерсубъективный характер. «Проекцией» данных установок и стала идентичность; в качестве категории конструктивизма она определяется как одна из идей, формирующих социальную реальность⁴². Процесс этнополитизации межгосударственных отношений РСМ с Грецией и Болгарией целесообразно анализировать как процесс институционализации идей, сконструированных македонским государством и гражданским обществом. При этом нужно иметь в виду, что сформировавшаяся идентичность является результатом процесса «познания себя по отношению к другому»⁴³, что сопряжено и с указанным выше процессом формирования гражданской нации в РСМ. Допускаем, что этнополитизация внешней политики Скопье достигла своего пика в период достижения македонским государством определенной идеологической стабилизации.

⁴¹ См.: Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. №46(02). Pp. 391-425.

⁴² Алексеева Т.А. Конструктивизм в международно-политических исследованиях. // Современная политическая наука. Методология. / отв. ред. Гаман-Голутвина О.В., Никитин А.И. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 304.

⁴³ Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. // International Organization. 1992. №46 (02). P. 402.

Необходимо подчеркнуть, что в анализе вопросов государственного интереса и безопасности неореалистический и конвенционально-конструктивистский подходы определенно близки: последователи обеих теоретических школ подчеркивают значимость данных концептов для понимания функционирования современных международных систем, но по-разному смотрят на природу данных явлений⁴⁴.

Методологической основой работы является системная теория, согласно которой непредвзято оценивается динамика развития внешней политики македонского государства с учетом всей совокупности и сложности проблем социально-политического характера. Международные отношения в Балканском регионе представлены как комплексное взаимодействие различных акторов: региональных государств, наднациональных и транснациональных структур.

Принцип научной объективности требует всестороннего учета факторов, определяющих стратегию внешней политики Республики Северной Македонии.

Одним из главных методов, использованных в ходе исследования, был метод анализа документов, к которым относились международные договоры и законодательные акты македонского правительства.

Особую важность для исследования имеет метод интент-анализа. Интент-анализ высказываний главных участников процесса урегулирования спорных вопросов македонской внешней политики (например, в споре о названии с Грецией) позволил сделать определенные выводы о намерениях тех или иных акторов.

В исследовании применялись историко-описательный и историко-сравнительный методы. Они позволяют сформировать четкое понимание основных тенденций внешней политики Скопье в первые годы независимого существования, сопоставить внешнеполитические действия в разные периоды и

⁴⁴ Алексеева Т.А. Конструктивизм в международно-политических исследованиях. С. 306-309.

сформировать целостную картину происходивших процессов. Также в исследовании применялся метод наблюдения. Они позволили сформировать представление об основных тенденциях внешней политики Скопье в последние годы.

Одним из эмпирических методов, задействованных в исследовании, стал метод опроса – в форме интервьюирования. Данный метод дополнил формирование общей картины внешней политики РСМ взглядом «изнутри» одного из участников внешнеполитического процесса македонского государства.

В рамках анализа внешней политики Скопье был также применен метод кейс-стади при изучении деятельности македонского руководства по выходу из кризисных ситуаций в отношениях с Болгарией и Грецией.

Источниковую базу исследования составляют, в первую очередь, документы по внешней политике македонской республики (двусторонние и многосторонние договоры⁴⁵). Высокую значимость представляют комментарии и заявления, опубликованные Министерством иностранных дел республики⁴⁶. Для понимания ключевых моментов внутривластной структуры республики были проанализированы основные правовые акты, включая Конституцию македонского государства⁴⁷. Все эти источники в совокупности помогли понять внешнюю политику РСМ и выявить ее главные направления. Также для работы представляли большую важность материалы международных организаций,

⁴⁵ См., например, Преспански договор 17 јуни 2018 // Викиизвор. [Электронный ресурс] URL: [http://web.archive.org/web/20080514000125/http://www.state.gov/p/eur/rls/or/104441.htm](https://mk.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8_%D0%B4%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80; Declaration of Strategic Partnership and Cooperation Between the United States of America and the Republic of Macedonia. May 7, 2008. // US Department of State. [Электронный ресурс] URL: <a href=); Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism. 16.V.2005. // Council of Europe. [Электронный ресурс] URL: https://web.archive.org/web/20060226091528/http://www.icj.org/IMG/pdf/CoE_Convention-2005.doc.pdf.

⁴⁶ См., например, Османи: Создаваме пример за добри соседи кој треба да го следат земјите од регионот. 16 септември 2020 // Министерство за надворешни работи. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mfa.gov.mk/mk/page/13/post/2351/osmani-sozdavame-primer-za-dobri-sosedi-koj-treba-da-go-sledat-zemjite-od-regionot>

⁴⁷ Конституция Республики Македонии. 17 ноября 1991. // Македония. Путь к самостоятельности. Документы. / отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1997. С. 111-145.

связанные с РСМ, в которых македонская сторона не являлась подписантом – к таким, например, относится решение комиссии Бадинтера, образованной при ЕС в 1991 г. или декларация по итогам саммита НАТО в Бухаресте в 2008 г.⁴⁸.

Пресс-релизы и комментарии представителей государств и организаций, взаимодействующих с официальным Скопье, также использовались в исследовании с соответствующими ссылками на официальные сайты представительств и организаций (ООН, МИД Греции, ЕС, МИД Албании, НАТО, МИД Болгарии и др.).

Отдельным комплексом источников послужили меморандумы и заявления неправительственных организаций, связанных с каким-либо вектором македонской внешней политики⁴⁹.

Важность для исследования представляют интервью с видными македонскими политиками, непосредственно определявшими внешнюю политику государства – Т. Гоцевским, Л. Георгиевским и др.⁵⁰ Данные интервью, проведенные Е.А. Колосковым, дают возможность сформировать представление об основных мотивах внешнеполитических действий в первые годы независимого существования македонского государства.

Одно интервью было проведено автором исследования с профессором Панде Лазаревским, кандидатом исторических наук, профессором Института

⁴⁸ См. Bucharest Summit Declaration. 03 Apr. 2008. // North atlantic treaty organization. [Электронный ресурс] URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_8443.htm; Conference on Yugoslavia Arbitration Commission: Opinions on questions arising from the dissolution of Yugoslavia. // The Arbitration Commission of the Conference on Yugoslavia. [Электронный ресурс] URL: https://www.pf.uni-lj.si/media/skrk_mnenja.badinterjeve.arbitrazne.komisije.1_10.pdf.

⁴⁹ См., например: Призив на БККС до Собранието и Владата на Република Македонија во врска со спорот за името. 14 февруари 2018 // Бугарски културен клуб. [Электронный ресурс] URL: <http://www.bkks.org/node/617>

⁵⁰ Интервью Б. Ристовского Е. Колоскову. 23.11.2010. // Колосков Е.А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991-2001 гг.). М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 204-215; Интервью Д. Димитрова Е. Колоскову. 07.12.2010. // Колосков Е.А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991-2001 гг.). С. 216-229; Интервью Д. Мирчева Е. Колоскову. 15.11.2010. // Колосков Е.А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991-2001 гг.). С. 241-247; Интервью Л. Георгиевского Е. Колоскову. 25.11.2010. // Колосков Е.А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991-2001 гг.). С. 230-240; Интервью Т. Гоцевского Е. Колоскову. 23.11.2010. // Колосков Е.А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991-2001 гг.). С. 248-274.

социологических, политических и юридических исследований Университета святых Кирилла и Мефодия в Скопье. Профессор П. Лазаревски является ярким представителем македонской интеллектуальной среды, авторитетным специалистом в области межвоенной и новейшей истории РСМ и экспертом в области международных отношений на Балканском полуострове. Помимо этого, П. Лазаревски продолжительное время выполнял дипломатическую работу в правительстве Г. Иванова, являясь послом македонской республики в Молдавии и Румынии. Суждения и прогнозы, сделанные П. Лазаревским, представляют несомненную ценность для исследования.

Научная новизна исследования определяется его целью и задачами, и заключается в следующем:

1. На основе анализа роли этнического фактора во внешней политике Скопье предложено конкретное понятие – этнополитизация внешней политики РСМ. Данный термин, концептуально схожий с понятием этнополитизации конфликта, в отечественной политической науке ранее задействован не был и в первую очередь характеризует приоритетность данного аспекта внешней политики македонского государства;
2. Обосновано, что этнический вопрос и неразрывно связанный с ним вопрос самоидентификации являются одними из основных факторов внешней политики Республики Северной Македонии в отношении соседних стран. Выявлено, что приоритеты внешней политики РСМ были сформированы под влиянием угроз для македонской этничности, исходивших от других государств региона;
3. В результате комплексного анализа македонской внешней политики была предложена ее периодизация, включающая пять этапов. Критерием периодизации внешнеполитической деятельности были определены значимые события во внешней политике Республики Северной Македонии с участием крупных, внерегиональных акторов;

4. Обоснована внешняя трансформация макрорегионального комплекса на Балканах, частью которого является Республика Северная Македония, под влиянием Европейского союза и НАТО.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. Внешнеполитические приоритеты и ориентиры Северной Македонии сформировались до объявления республикой независимости. Они заключались в скорейшей интеграции в европейские структуры, в первую очередь. Это было продиктовано соображениями безопасности македонского государства (согласно которым коллективный Запад представлялся наиболее надежным партнером) в условиях коллапса СФРЮ и боевых действий в Хорватии и БиГ. Безопасность македонского государства подвергалась большим рискам, нежели безопасность соседних государств, ввиду «молодости» македонской республики, отсутствия у нее длительного исторического «бэкграунда» и неопределенности идентичностных параметров государства;

2. Вопросы этничности и самоидентификации являются одними из основных факторов внешней политики Республики Северной Македонии в отношении соседних стран. Приоритеты македонской внешней политики были сформированы под влиянием угроз этнонационального характера, исходивших от других государств региона. Наиболее сложными являлись противоречия с Грецией и Болгарией, когда обсуждался вопрос названия страны и ее языка. Данный случай, уникальный для региона, иллюстрирует этнополитизацию внешней политики РСМ. Этнополитизация внешней политики – иррациональный процесс перемещения акцентов во внешнеполитическом курсе государства на вопросы этничности, национальности и идентичности, основанные на определенных представлениях о себе. Подобное явление обладает спецификой, присущей государствам Балкан, и македонский случай представляется наиболее ярким и показательным;

3. Охридские соглашения 2001 г. и Преспанские соглашения РСМ в

Грецией способствовали ускорению формирования государственной нации в македонской республике, что отражает объективный процесс преодоления этнических противоречий во внутренней политике и достижения внутриполитического консенсуса. Наряду с этим сохраняются идентичность национальная и идентичность государственная: смена названия государства не повлияла на самоидентификацию македонских граждан, напротив, новое название республики стало своеобразным символом сосуществования всех этнических групп и партий в РСМ, ориентированных на евроинтеграцию;

4. Периодизация внешней политики РСМ подразумевает наличие пяти этапов, в ходе каждого из которых решались насущные внешнеполитические задачи. Для первого этапа – это получение признания и гарантий безопасности со стороны НАТО, для второго – разрешение противоречий с Болгарией и установление более тесного контакта с НАТО, для третьего – втягивание в интеграционный процесс в Европейский союз и активное участие в региональных инициативах, для четвертого – разрешение спора с Грецией и вхождение в НАТО, пятый этап продолжается по сей день и связан с планами по вступлению в ЕС. Критерием периодизации внешнеполитической деятельности были определены значимые события во внешней политике Республики Северной Македонии с участием крупных внерегиональных акторов;

5. Интеграция государств Западных Балкан в ЕС и НАТО повлияла на региональную систему международных отношений. Республика Северная Македония, как одно из государств региона, нуждалось в гарантиях безопасности, и сближение РСМ с евроатлантическими структурами обеспечило (как минимум декларативно) безопасность македонского государства, и в целом способствовало установлению стабильности в регионе. Постепенность и синхронность процессов вступления западнобалканских государств в НАТО свидетельствует об установлении регионального комплекса безопасности;

6. Внутриполитические проблемы, несомненно, оказывали влияние на

внешнюю политику Скопье, и наибольшее значение имел албанский вопрос, превратившийся из внутриполитического во внешнеполитический. Кризис в соседнем Косово обострил национальный вопрос в самой Македонии, придав внешней политике соответствующую окраску: для урегулирования проблемы албанского меньшинства и затем для подписания Охридских соглашений македонскому правительству необходимо было прибегать к помощи извне и принимать во внимание позицию Албании. Так во внешнюю политику Скопье добавился этнический фактор.

7. Евroatлантический вектор внешней политики Скопье сочетается с устойчивыми тенденциями к взаимодействию с РФ, что является показательным в контексте ухудшения отношений России и Евросоюза. Поддержание контактов с РФ становится для РСМ «резервным планом» на случай задержки вступления в ЕС из-за разногласий с Болгарией; Скопье последовательно поддерживал экономические инициативы РФ в регионе, связанные, в основном, с экспортом нефтегазовых продуктов. «Нефтегазовая» тематика взаимодействия с РФ одновременно является площадкой для коммуникации между государствами региона, многие из которых также заинтересованы в упрочении экономических контактов с Россией. В свою очередь, и российская сторона заинтересована в РСМ как в потенциальном участнике договоров о зоне свободной торговле с ЕАЭС, что можно прогнозировать после подписания соответствующего договора ЕАЭС с Сербией.

Теоретическая значимость исследования. Введение в научный оборот не применявшегося ранее в российской политической науке понятия «этнополитизация внешней политики» является значимым теоретическим вкладом диссертации в развитие концептуальных представлений о межгосударственных отношениях на Балканах. В исследовании предложена и аргументирована периодизация внешней политики македонского государства, а также выявлена определяющая роль вопросов безопасности и этнической

самоидентификации во внешней политике балканских государств, в частности Республики Северной Македонии. Приоритет вопросов безопасности во внешнеполитической сфере, как показано в диссертации, оказал решающее влияние на трансформацию регионального комплекса на Балканах.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов работы при осуществлении деятельности органами государственной власти по разработке концепции развития международного сотрудничества с государствами Балканского региона, в частности, с Республикой Северной Македонией. Выводы и материалы, представленные в работе, могут быть использованы как в научной деятельности при проведении исследований по балканской проблематике, так и в образовательной – при подготовке учебных курсов в области региональных международных отношений или конкретно в Балканском регионе, а также в ходе лекционных и семинарских занятий по дисциплинам, касающимся международных отношений на Балканах.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования были представлены в виде докладов на научных конференциях: Восьмая международная научная конференция «Социальные изменения в глобальном мире» (секция молодых исследователей, Штип, Р. Северная Македония, 2 сентября 2021 г.); «Ломоносов-2021» – Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых (Москва, МГУ, 12-23 апреля 2021 г.); Седьмая международная научная конференция «Социальные изменения в глобальном мире» (секция молодых исследователей, Штип, Р. Северная Македония, 3 сентября 2020 г.); научная конференция «Косовские чтения» – секция молодых ученых (Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС, 13 марта 2020 г.).

Основные положения диссертационного исследования отражены в семи научных публикациях автора (объемом 6,15 п.л.), три из которых – публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, и одна в рецензируемом научном издании,

индексируемом в международной базе данных “Scopus”:

1. Смирнов П.А. Болгарский вектор внешней политики Северной Македонии: проблема идентичности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 2(36). С. 86-96. (1,0 п.л.)

2. Смирнов П.А. Внешняя политика Северной Македонии и региональная безопасность на Балканах: проблемы и перспективы // Управленческое консультирование. 2021. №6. С. 108-117. (0,8 п.л.)

3. Смирнов П.А. Македония и Россия после «Рамочных» соглашений: укрепление сотрудничества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 1. С. 188-196. (0,85 п.л.)

4. Baranov N.A., Smirnov P.A. The republic of North Macedonian foreign policy in the context of regional security policy in the Balkans // Balkan Social Science Review. 2020. V 15. Pp. 237-251. (1,0/0,5 п.л.)

Статьи в других изданиях:

5. Смирнов П.А. Влияние спора об именовании Македонии на внешнюю политику Македонской республики // Општествените промени во глобалниот свет: зборник на трудови / Петта меѓународна научна конференција. Штип: Универзитет «Гоце Делчев», 2018. С. 801-816. (1,0 п.л.)

6. Смирнов П.А. Диалог Скопје и Тираны и «Албанский вопрос»: разрешение противоречий на пути к евроинтеграции // Општествените промени во глобалниот свет: [политика, правници]: зборник на трудови: [Штип, 2 Септември, 2021] / Осма меѓународна конференција. Штип: Универзитет «Гоце Делчев», Правен факултет, 2021. С. 173-189. (1,0 п.л.)

7. Смирнов П.А. Сербское и турецкое направления внешней политики Северной Македонии: проблемные точки и перспективы // Општествените промени во глобалниот свет: [политика, правници]: зборник на трудови: [Штип, 3-4 Септември, 2020] / Седма меѓународна конференција. Штип: Универзитет

«Гоце Делчев», Правен факултет, 2020. С. 243-258. (1,0 п.л.)

Структура диссертационного исследования состоит из введения, четырех глав, включающих в себя десять параграфов, заключения, библиографического списка и приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ

1.1. Концептуальные основы внешней политики македонского государства

Рассмотрение внешнеполитического курса Республики Северной Македонии невозможно без обращения к концептуальным идеям, оказывающим влияние на содержание внешней политики Скопье. Можно допустить, что концептуальные основы внешнеполитического курса любого государства испытывают на себе влияние исторического опыта, географического фактора, политических традиций и т.д. Внешняя политика, таким образом, является не только и не столько последовательностью каких-либо решений на международной арене, сколько отражением особого видения государством своего исторического места в мире и своих целей.

Прежде чем обращаться к концептуальным основам внешней политики Скопье, необходимо указать основные этапы внешнеполитической деятельности македонского государства. Видится уместным выделить пять периодов:

1. 1991 г. - 1995 г.
2. 1995 г. - 1999 г.
3. 1999 г. - 2005 г.
4. 2005 г. - 2018 г.
5. 2018 г. - по сегодняшний день⁵¹.

Рубежами, отделяющими данные этапы друг от друга, являются ключевые для внешнеполитического курса македонской республики события, обозначившие завершение каких-либо приоритетных для Скопье процессов в определенный период времени.

⁵¹ Baranov N.A., Smirnov P.A. The republic of North Macedonian foreign policy in the context of regional security policy in the Balkans // Balkan Social Science Review. 2020. V 15. P. 240.

Охарактеризовать первый период македонской внешней политики можно несколькими тезисами: поиск признания, постановка острых вопросов, далее – принятие компромиссов. Видится уместным ограничить первый период присоединением в 1995 г. македонской республики к программе «Партнерство ради мира», так как это являлось успехом внешней политики молодого государства и утверждало ее евроатлантический вектор⁵².

Анализируя второй этап внешней политики Скопье, нужно подчеркнуть сближение с НАТО и некоторое вхождение в русло балканской политики данной организации, что можно объяснить представлениями македонского руководства о безопасности. Результатом этого стало присутствие сил НАТО в республике и статус кандидата в Североатлантический альянс. Окончанием второго периода внешней политики РСМ следует назвать получение в 1999 г. статуса, открывшего перспективы скорой интеграции республики в НАТО⁵³.

Третий этап македонской внешней политики мы условно ограничим 1999-2005 гг., нижней границей уместно считать получение статуса кандидата в ЕС. Данный период был отмечен ориентацией Скопье на еще более тесное сотрудничество с НАТО. Наряду с этим было подписано соглашение об ассоциации с ЕС, повысившее шансы македонской республики на вступление в Европейский Союз. Однако по-прежнему оставался нерешенным главный вопрос об именовании государства⁵⁴.

Четвертый период внешней политики македонского государства был одним из наиболее драматичных и при этом наиболее успешным: были урегулированы противоречия с Грецией, при этом сохранились связи с Россией и Турцией, что обеспечило балканской республике своего рода подстраховку на случай непредвиденного развития событий в регионе, а также возобновился

⁵² Baranov N.A., Smirnov P.A. The republic of North Macedonian foreign policy in the context of regional security policy in the Balkans. P. 241.

⁵³ Ibid. P. 242.

⁵⁴ Ibid. P. 244.

диалог с Болгарией. Интеграция Македонии в НАТО в данный период оказалась нужна уже не только самой македонской республике, что объяснило завершение спора о названии в 2018 г.⁵⁵

Пятый период македонской внешней политики отмечен вступлением в 2020 г. Северной Македонии в Североатлантический альянс, после чего македонское государство продолжило выполнять реформы для соответствия критериям вступления в ЕС, попутно выстраивая диалог с болгарской стороной по спорным вопросам идентичности (см. главу 4).

В схематичном виде периодизация внешней политики РСМ представлена в приложении 2.

Итак, отправной точкой в процессе построения внешнеполитического концепта македонского государства стала Декларация от 17 сентября 1991 г., зафиксировавшая волеизъявление македонских граждан на референдуме, прошедшем девятью днями ранее. Результаты референдума вполне отражали чаяния как македонского народа, так и руководителей молодой республики, видевших свое демократическое будущее отдельно от Югославии. Статья 2 Декларации подтверждала уважение Македонией международных норм⁵⁶ как основной принцип ведения внешнеполитической деятельности. Цель внешней политики официального Скопье была заявлена в статье 3, и македонское правительство неукоснительно следовало в этом направлении: это включение в интеграционные процессы в Европе и укрепление регионального сотрудничества⁵⁷.

Те же принципы были отражены и в Конституции республики, принятой 17 ноября 1991 г. Примечательно особое внимание, уделенное в документе

⁵⁵ Baranov N.A., Smirnov P.A. The republic of North Macedonian foreign policy in the context of regional security policy in the Balkans. P. 246.

⁵⁶ Декларация от 17 сентября 1991 г. // Македония. Путь к самостоятельности. Документы / Отв. ред. Е.Ю.Гуськова. М.: Радуга, 1997. С. 109.

⁵⁷ Там же. С. 109-110.

этническому вопросу: согласно статье 48, государство защищало этническую, религиозную и языковую идентичность национальностей, проживающих в Македонии, и охраняло право национальных меньшинств на создание культурных учреждений и начальное образование на родном для себя языке⁵⁸. Данные положения можно спроецировать на внешнеполитический концепт Скопье, а именно: создание добрососедских отношений с государствами региона, в особенности с теми, чьи уроженцы входят в национальные меньшинства на территории македонской республики. При этом правительство республики закономерно брало на себя обязательства по защите своих граждан за рубежом⁵⁹.

Помимо интеграции в европейские структуры безусловным концептуальным ориентиром внешней политики Скопье было вступление в ООН и признание мировым сообществом Республики Македонии под ее конституционным названием (подробнее это будет проанализировано в главах 2 и 3). О насущном характере данной тематики свидетельствует содержание специального праздничного обращения президента Республики Македонии (далее – РМ) Киро Глигорова в сентябре 1993 г. под названием «Самое тяжелое позади». В обращении Глигоров подчеркивал важность вхождения республики в ООН⁶⁰ и бескровный характер ее выхода из Югославии, а также необходимость присутствия на территории государства Сил превентивного реагирования ООН (СПРООН). Сделанное спустя два года после обретения независимости обращение президента зафиксировало внешнеполитические установки молодого государства: политика добрососедства в регионе, интеграция в европейское политико-экономическое пространство и опора на ООН и США в процессе проведения демократических преобразований.

⁵⁸ Конституция Республики Македония (17 ноября 1991 г.) // Македония. Путь к самостоятельности. Документы / Отв. ред. Е.Ю.Гуськова. М.: Радуга, 1997. С. 121.

⁵⁹ Там же. С. 122.

⁶⁰ Самое тяжелое позади. // Македония. Путь к самостоятельности. Документы / Отв. ред. Е.Ю.Гуськова. М.: Радуга, 1997. С. 204.

Курс на признание македонского государства привел к острой конфронтации с Грецией, надолго определившей внешнеполитическую стратегию Скопье. И об этом в своем новогоднем обращении в конце 1994 г. заявлял президент Глигоров, подчеркнув, что греческое эмбарго нанесло ущерб македонской экономике, и что «независимая, стабильная и миролюбивая Македония – ключ к миру и стабильности на юге Балкан»⁶¹. То есть, отталкиваясь от традиционных установок региональной стабильности и добрососедства, македонское руководство утверждало свою правоту в споре с Грецией и, в более общем смысле, провозглашало свою твердость в вопросах самоидентификации. Можно допустить, что это стало еще одним, менее явным, внешнеполитическим концептом македонского государства.

Нужно подчеркнуть, что в первых официальных документах, касающихся политики государства в области иностранных дел, прослеживается лишь одно направление внешнеполитической линии Македонии — западное, точнее, европейское. Мнение о евроатлантической интеграции разделялось всеми политическими силами в РМ, для которых это гарантировало бы необратимость демократического пути развития государства и невозвращение к союзу с Белградом. Немаловажен тот факт, что идея евроинтеграции имела значение не только для внешнеполитического, но и для внутривнутриполитического самоутверждения македонской республики, устремленной к демонстрации суверенности государства и ориентации на западную модель демократии.

Важнейшим документом, более конкретно определившим и подтвердившим внешнеполитические ориентиры РМ после Охридских соглашений, стала принятая в июне 2003 г. «Национальная концепция безопасности и обороны». Во введении документа конституировалось стремление Скопье к вхождению в «европейскую семью и членству в ЕС и

⁶¹ Самое тяжелое позади. // Македония. Путь к самостоятельности. Документы / Отв. ред. Е.Ю.Гуськова. М.: Радуга, 1997. С. 206.

НАТО»⁶² (впервые было указано, какие из международных организаций являются приоритетными для вступления). В этом же документе к *жизненно важным* интересам государства было отнесено вступление в ЕС, НАТО и другие системы коллективной безопасности⁶³, что вполне отражает опасения македонского правительства относительно возможной дестабилизации в регионе из-за неразрешенного косовского вопроса. Примечательно, что к *важным* интересам государства Концепция относит сохранение и развитие добрососедских отношений с прочими государствами региона и поддержание стабильности в Юго-Восточной Европе. Роль НАТО в поддержании порядка в регионе, согласно документу, является ключевой. Подчеркивая роль РМ как геополитического перекрестка евро-азиатских, евро-африканских и африкано-азиатских связей, правительство республики признает необходимость международного содействия разрешению региональных проблем, т.к. «Республика Македония не может в одиночку справиться с международными угрозами»⁶⁴. Защита прав и свобод македонцев, проживающих за пределами государства, также задекларирована как одна из внешнеполитических идей Скопье.

Еще один документ, который отражает внешнеполитическую идею РМ – это «Белая книга обороны», принятая македонским военным министерством в 2012 г. В ней повторяется основополагающий тезис о важности геополитического положения РМ как моста к трем континентам⁶⁵. Примечательно, что, в отличие от предыдущих документов, в тексте «Белой книги» впервые фигурирует геополитическая категория «Западные Балканы», наряду с традиционной «Юго-Восточная Европа», что свидетельствует о некоем пересмотре своего места в

⁶² Национална концепција за безбедност и одбрана. // Службен весник на Република Македонија. 23 јуни 2003. С. 14.

⁶³ Там же. С. 14.

⁶⁴ Там же. С. 16.

⁶⁵ Бела книга на одбраната. Скопје: Министерство за одбрана на Република Македонија, 2012. С. 17.

макрорегионе в контексте интеграционных процессов. Вновь подтверждается стремление к вступлению в ЕС и НАТО как инструмент стабилизации обстановки в регионе⁶⁶. Также подчеркивается «втягивание» РМ в международный процесс борьбы с терроризмом, свидетельством чему послужило участие македонских военных и медицинских специалистов в миссии НАТО в Афганистане⁶⁷ (РМ участвовала там в составе Адриатической группы наряду с Хорватией и Албанией).

Таким образом, при анализе основных официальных документов, касающихся внешней политики Скопье, можно обнаружить следующие основные концепты:

- твердая ориентация на вовлечение в интеграционные процессы в Европе, а затем на вступление в Европейский Союз и НАТО и проведение соответствующих преобразований, необходимых для получения членства в данных организациях;
- выстраивание партнерских отношений со всеми соседними государствами в целях построения системы региональной безопасности, при безусловном соблюдении собственного суверенитета и сохранении основных идентичностных параметров (которые, в свою очередь, основываются на конституционной формулировке «национальное государство македонского народа»⁶⁸);
- использование своего геополитического положения для налаживания и укрепления контактов не только с европейскими, но и азиатскими и африканскими акторами международных отношений.

Концептуально внешняя политика македонской республики может определяться понятиями неореалистических и конструктивистских теорий. Для

⁶⁶ Бела книга на одбраната. С. 18.

⁶⁷ Там же. С. 62-63.

⁶⁸ Конституция Республики Македония (17 ноября 1991 г.) // Македония. Путь к самостоятельности. Документы / Отв. ред. Е.Ю.Гуськова. М.: Радуга, 1997. С. 111

понимания сущности неореализма и конструктивизма, а также для обоснования применения данных теорий к анализу внешней политики Скопье необходимо сделать краткий обзор этих концепций.

Принято считать, что расцвет политической науки произошел после Второй Мировой войны, и в исследованиях, появившихся в конце 1940-х гг., господствовала теория политического реализма. Суть этой теории, ставшей позднее основой для неореализма, заключалась в том, что внешняя политика определяется не правовыми принципами, а мощью государства и его национальными интересами. Видными представителями школы политического реализма являлись американские ученые Г. Моргентау, Х. Томпсон, Д. Кеннан и другие.

Г. Моргентау, один из основателей политического реализма, в своей работе «Политические отношения между нациями» полагал, что цели внешней политики должны определяться в терминах национального интереса и поддерживаться соответствующей силой, а внешняя политика, как и любая политика, представляет собой способ борьбы за господство, но только на международной арене⁶⁹. Согласно реалистической концепции, существовало три варианта осуществления внешней политики: политика статус-кво, когда деятельность государства нацелена на сохранение влияния; империалистическая политика, благодаря которой возможно расширение сфер влияния и изменение баланса сил; а также политика престижа, где проявление силы может быть рассмотрено в контексте сохранения государством своей позиции в системе межгосударственных взаимоотношений. Таким образом, внешняя политика определялась как единственный для государства способ выражения своих интересов и применения своих сил в международном пространстве.

Длительная полемика между реалистами, модернистами и

⁶⁹ Morgenthau H. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. New York: Knopf, 1967. P. 440.

представителями неолиберальных теорий в научной среде привела к пересмотру традиционных реалистических концепций и возникновению нового течения – неореализма. Основоположник данной теории К. Уолтц предложил рассматривать отношения между государствами и международными организациями не абстрактно, а через систему, которую они образуют. Это отличает политический реализм, который представлял собой только теорию внешней политики, а не теорию международных отношений вообще, от неореализма. Внешняя политика отдельных государств помимо ряда традиционных факторов определяется и их местом в структуре системы международных отношений⁷⁰. При этом неореалисты продолжали применять традиционные категории силы и национального интереса. Несомненный интерес представляет теория баланса угроз С. Уолта, построенная на идеях К. Уолтца. Согласно данной теории, сущность внешней политики любого государства заключается в поиске такой конфигурации взаимоотношений с другими акторами международных отношений, которая позволит государству ощущать себя в безопасности⁷¹. Данная теория переместила фокус внимания на вопросы безопасности, существенно повлияв на дальнейшие неореалистические концепции.

Особое и очень важное место на сегодняшний день в неореалистической парадигме занимает вопрос безопасности, разработкой которого занимались ученые-основатели Копенгагенской школы исследований безопасности Б. Бузан и О. Уэвер. В своей работе «Регионы и державы: структура международной безопасности» эти ученые развили концепцию безопасности через обоснование теории региональных комплексов безопасности и введение категории «секьюритизация». Бузан и Уэвер определяют региональный комплекс безопасности как «совокупность акторов, процессы секьюритизации и

⁷⁰ Waltz K. Theory of International Politics. Reading: Addison-Wesley Publishing Co., 1979. P. 92.

⁷¹ Walt S. M. Alliance Formation and the Balance of World Power. // International Security. 1985. Vol. 9. № 4. P. 4.

десекуритизации которых настолько взаимосвязаны, что проблемы безопасности этих акторов нельзя анализировать или разрешить отдельно друг от друга»⁷². Иными словами, региональный комплекс безопасности является системой, жизненные интересы каждого из участников которой зависят друг от друга. Термин «секуритизация», предложенный учеными, определяется следующим образом: это процесс, в результате которого в сообществе конструируется субъективное восприятие какого-либо процесса или субъекта в качестве угрозы и признается необходимость неотложных мер для отражения этой угрозы⁷³. Говоря о региональных комплексах безопасности (которых насчитывается девять), авторы также вводят понятие субкомплекса безопасности, по сути, воспроизводящего механизмы функционирования комплекса безопасности и являющегося его частью⁷⁴. Примечательно, что категория субкомплексов региональной безопасности применена Бузаном и Уэвером при анализе постъюгославского этапа существования государств Балканского полуострова, что лишний раз подтверждает сложность и специфичность данного региона.

Конструктивизм как относительно новое течение в теории международных отношений, сущность которого еще не вполне определена (конструктивизм можно называть как теорией, так и подходом⁷⁵), возник на базе теории личностных конструктов американского психолога Д. Келли, впервые изложенной в середине XX в. в книге «Теория личности». Согласно Д. Келли, человек познает мир при помощи шаблонов (конструктов), создаваемых им самим, и на основе которых прогнозирует дальнейшие события⁷⁶. В

⁷² Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 44.

⁷³ Ibid. P. 491.

⁷⁴ Ibid. P. 378.

⁷⁵ Алексеева Т.А. Конструктивизм в международно-политических исследованиях. // Современная политическая наука. Методология. / отв. ред. Гаман-Голутвина О.В., Никитин А.И. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 297.

⁷⁶ Kelly G.A. *A theory of personality. The psychology of personal constructs*. New York: W.W. Norton & Company, 1963. P. 12.

исследованиях международных отношений первыми конструктивистами можно назвать Н. Онуфа и А. Вендта.

Н. Онуф в книге «Мир, который мы создаем», впервые опубликованной в конце 1980-х гг. ввел термин «конструктивизм» применительно к анализу политических действий, подчеркивая ключевую роль конструируемых индивидом правил в осуществлении политики, в том числе международной⁷⁷.

А. Вендт, которого относят к североамериканскому течению в конструктивизме⁷⁸ (представители данного течения сместили фокус исследования на вопросы идентичности в мировой политике), является одним из наиболее известных ученых-конструктивистов. В своей статье «Анархия это то, что из нее делают государства» Вендт утвердил основные положения конструктивизма в исследовании международной политики и ввел категорию идентичности (которая, по сути, близка к понятию социальной роли в психологии) как совокупности представлений о себе и о других. Эта совокупность обуславливает деятельность каждого актора⁷⁹. Примечательно, что, стремясь «построить мост»⁸⁰ между неолиберальными и неореалистическими концепциями, Вендт соглашается с неореалистическими посылами, что государство – это главный актор международных отношений, а состояние международных отношений носит анархический характер. Но в данном случае задача конструктивизма – объяснить природу и причины анархии.

В своем следующем труде «Социальная теория международной политики» А. Вендт развивает концепт идентичности, подчеркивая ее взаимообусловленность и взаимозависимость от национального интереса⁸¹. В той

⁷⁷ Onuf N.G. World of our making. Rules and Rule in Social Theory and International Relations. London: Routledge, 2012. P. 4.

⁷⁸ Алексеева Т.А. Конструктивизм в международно-политических исследованиях. С. 299.

⁷⁹ Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. // International Organization. 1992. №46(02). P. 397.

⁸⁰ Ibid. P. 394.

⁸¹ Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge University Press, 1999. P. 231.

же работе автор выводит три структурные роли государства, основанные на трех типах анархий (кантианской, локкианской и гоббсианской), – это роли врага, соперника и друга⁸². Надо подчеркнуть, что выполнение данных ролей является результатом социального конструирования. То есть, в случае, когда анархическая система содержит доминирующую роль врага, и все государства системы выстраивают свою политику по отношению друг другу, исходя из представлений о других как о врагах, неизбежно случается процесс конструирования угрозы. Этот вывод сближает конструктивистскую концепцию с неореалистической парадигмой.

Что касается российских исследований в области международных отношений, то в первую очередь нужно указать на аккуратное применение основных концептов зарубежной политической науки (в первую очередь, реалистической и неореалистической категории национального интереса) без слепого копирования. Например, П.А. Цыганков различает внешнюю и международную политику, подчеркивая, что внешняя политика проводится государством и отражает его национальные интересы⁸³. М.А. Хрусталева, занимавшийся международными исследованиями еще в советский период, отмечал, что внешняя политика представляет собой специфический вид общественной деятельности людей и всегда направлена на удовлетворение определенных потребностей, на которых покоится государственный интерес⁸⁴. Близость некоторых категорий и понятий конструктивизма и неореализма была отмечена А.П. Цыганковым, указавшим на необходимость конструирования нацией своих интересов⁸⁵.

⁸² Wendt A. Social Theory of International Politics. Pp. 246-247.

⁸³ Цыганков П.А. Мировая политика: содержания, динамика, основные тенденции // Общественные науки и современность, 1995. № 5. С. 134.

⁸⁴ Хрусталева М.А. Основы теории внешней политики государства: Учебное пособие. М.: Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1984. С. 43.

⁸⁵ Цыганков А.П. Внешняя политика России от Горбачева до Путина: формирование национального интереса. М.: Научная книга, 2008. С. 32.

Резюмируя анализ различных концепций внешней политики, необходимо подчеркнуть, что многие категории, используемые в теориях (государственный интерес, идентичность, безопасность), находят свое практическое применение во внешней политике Скопье.

1.2. Западные Балканы как часть постъюгославского пространства: влияние распада СФРЮ на политические процессы в регионе

Для определения места и роли Западных Балкан в постъюгославском геополитическом пространстве, необходимо выяснить, что собой представляют Западные Балканы как регион, а это потребует несколько уточняющих замечаний.

Понятие «регион» имеет множество значений, и в самом общем смысле представляет собой некое пространство, границы которого не совпадают с границами какого-либо государства. Наиболее подходящим для исследования кажется трактовка региона как пространства, занимающего положение между национальным и наднациональным уровнями, т.е. регион является макрорегионом в географическом понимании. Но четкого, признанного всеми, определения международного региона по-прежнему нет. К примеру, Б. Бузан и О. Уэвер определяют регионы через наличие формальной структуры, задающей их границы⁸⁶. Однако уместным видится более пространное определение, данное А.Д. Воскресенским: регион – «определенная территория, представляющая собой сложный территориально-экономический и национально-культурный комплекс, который может быть ограничен признаками наличия, интенсивности, многообразия и взаимосвязанности явлений, выражающихся в виде специфической однородности географических, природных, экономических,

⁸⁶ Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. P. 28.

социально-исторических, национально-культурных условий, служащих основанием для того, чтобы выделить эту территорию»⁸⁷.

При таком определении региона легко выделяется как Балканский регион, так и более локально – Западные Балканы. В него включаются страны, обладающие выходом к Адриатическому морю (Хорватия, Босния и Герцеговина, Черногория, Албания), т.е. имеющие географическую общность, и государства, тесно связанные с первыми четырьмя республиками: Сербия (исторически с Черногорией), частично признанное Косово (национально-этнически связанное с Албанией) и Северная Македония, имеющая прочные связи как с Албанией, так и с Черногорией в национальном, культурном и экономическом аспекте.

Таким образом, Западные Балканы составляют отдельный международный регион, а государства в нем находятся на небольшом расстоянии друг от друга, имея общую границу минимум с тремя другими странами данного региона. Его площадь составляет более 275000 квадратных километров, а население около 22 миллионов человек⁸⁸. Более детальный анализ специфики Западных Балкан выявляет их неоднородность; однако системообразующие параметры (общеславянская идентичность, историческое прошлое, политический курс) у государств одинаковы.

Во-первых, все государства находятся в состоянии (или успешно его завершили) демократического транзита, что объясняется общим социалистическим прошлым (шесть из семи республик региона входили в СФРЮ, албанский режим Э. Ходжи существовал в некоторой изоляции, но имел своеобразную социалистическую специфику).

⁸⁷ Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях. // Сравнительная политика. 2012. №2 (8). С. 46.

⁸⁸ См.: Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX-начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. Отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Нестор-история, 2015. С. 11, С. 76, С. 147, С. 254, С. 350, С. 377, С. 456.

Во-вторых, все государства региона переживали (или продолжают переживать) периоды экономической нестабильности, обусловленной рядом факторов. Кстати, по этой причине к Западным Балканам не относится преуспевающая Словения, обладавшая статусом самой зажиточной балканской республики еще со времен И. Броз Тито.

В-третьих, во всех этих государствах проживает (в разных пропорциях) южнославянское по своему происхождению население, несмотря на развившееся этнонациональное самосознание (хорват/серб/черногорец/македонец), хранящее память об общей антиосманской борьбе и, еще более фундаментально, о временах распространения православного христианства на Балканах.

В чем причина неоднородности Западных Балкан и какова роль этого региона в международных процессах? Нужно подчеркнуть, что различное социально-экономическое состояние стран региона напрямую связано с проявлением так называемой балканской специфичности, которую емко охарактеризовала А.А. Язькова: это одновременная принадлежность к двум разным макросообществам⁸⁹ – этническому (с опорой на культуру, религию, язык) и наднациональному (с опорой на «цивилизационный» контекст, общий для всех западно-балканских народов, кроме Албании). Эта специфичность стала очевидной еще в конце 1980-х гг. и в дальнейшем привела к разрыву старых культурных и экономических связей между государствами и обусловила разницу в их состоянии после обретения независимости.

Нужно подробнее остановиться на причинах распада СФРЮ и влиянии этого процесса на развитие западнобалканских государств. Балканы исторически занимали ключевое положение на политической карте Европы, и происходящие там процессы (безотносительно к тому, кто устанавливал свое господство на полуострове) всегда оказывали влияние на

⁸⁹ Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. / Под ред. А.А. Язьковой. М.: Весь мир, 2007. С. 91.

региональную европейскую и даже на мировую политику. Не случайно Первая Мировая война разгорелась из-за балканского вопроса и, по сути, началась на Балканах – в «пороховом погребе Европы»⁹⁰.

К концу XX века ситуация не изменилась: тенденции к демократическому транзиту, наблюдавшиеся в республиках-членах СФРЮ, были симптомом и предвестником изменений на более высоком, чем Балканский регион, уровне.

Что же собой представляла СФРЮ накануне распада? В первую очередь, это было объединение государств, не стремившихся или не сумевших осуществить интеграцию: экономически развитая Словения, ориентированная на торговлю с Центральной Европой, соседствовала (не географически, а политически) с кризисной Боснией и Герцеговиной. Характер федерации был формальным. Во-вторых, идеология югославизма, смягченная Иосипом Броз Тито в своей внутренней политике «титоизма», уже не могла служить объединяющей после кончины многолетнего правителя СФРЮ, и партийные лидеры в каждой республике постепенно склонялись к идеям большей автономии от Белграда, что рано или поздно приводило к вопросу о суверенитете республик-членов СФРЮ. В-третьих, ослабление коммунистической идеологии вкупе с центробежными инициативами республиканских лидеров создали благодатную почву для роста националистических настроений в республиках. Можно с уверенностью сказать, что социалистическая Югославия во второй половине 1980-х гг. пребывала в глубоком кризисе – кризисе государственной идентичности, кризисе экономики, кризисе идеологии.

Нельзя уверенно назвать главную причину сложившегося кризиса. Зачастую на первое место ставится рост национального самосознания в республиках СФРЮ, стимулировавший процессы автономизации и отделения от центра, но только лишь национальным вопросом причины кризиса не

⁹⁰ Задохин А. Г., Низовский А. Ю. Пороховой погреб Европы. М.: Вече, 2000. С. 139.

исчерпываются. Обострилось экономическое размежевание республик, развивавшихся совершенно в разном темпе, при том, что общегославская экономическая система сохраняла распределительный характер с некоторыми элементами рынка. Возникшая гиперинфляция обнажила несостоятельность административной системы Югославии, в которой либерально настроенные преемники Тито оказались бессильны уже что-либо предпринять. Несмотря на большую открытость и демократичность в сравнении с Советским Союзом, Югославия «болела» тем же недугом, что и СССР, и синхронность этих процессов более чем показательна.

Одним из первых проявлений «болезни» СФРЮ стало этнонациональное размежевание. Противоречия между сербским и албанским населением в Косово, имеющие давний, отчасти цивилизационный, характер, обострились в самую первую очередь. Менее чем через год после смерти Тито, весной 1981 г. в Приштине состоялись массовые демонстрации албанского населения (преимущественно молодежи), переросшие в беспорядки по всему Косово и в антисербские погромы⁹¹. Силовое подавление беспорядков перевело конфликт в латентную фазу, но не разрешило проблемы. Расширение территориальных автономий неизбежно стало происходить под националистическими лозунгами.

Следующим шагом, отчасти закономерным, стало сербское выступление антиалбанской направленности – так называемый Меморандум Сербской академии наук и искусств, опубликованный в 1986 г. и содержащий крайне резкие суждения относительно сложившейся в Югославии (в частности, в Косово) обстановки⁹². Несмотря на критику официальных властей, он получил широкое распространение, особенно среди сербской правой оппозиции. Дальнейшее развитие сербо-албанского конфликта связано с фигурой С.

⁹¹ Никифоров К.В. Сербия на Балканах. XX век. М.: Индрик, 2012. С. 82.

⁹² Митревска Я., Сельцер Д.Г. Дезинтеграционные процессы в СФРЮ и Социалистическая Республика Македония (1985–1990 гг.). // Вестник ТГУ, 2012. Выпуск 2 (106). С. 325.

Милошевича и его великосербской политикой, направленной одновременно на сохранение Югославии с изменением роли республик в ее составе в пользу гегемонии Белграда.

Помимо косовского вопроса остроту стали приобретать сецессионистские движения в Словении и Хорватии, поступательное развитие которых шло параллельно с обострением косовского вопроса и стало ответом на политику Милошевича. Поддержка словенским обществом косовских сепаратистов привела к экономическому конфликту Белграда и Любляны: в Сербии были запрещены к ввозу товары из Словении. Состоявшийся в начале 1990 г. съезд Союза коммунистов Югославии (СКЮ) стал последним в истории партии и ознаменовал разрыв республик друг с другом: в ходе съезда его покинули словенские, хорватские и боснийские делегаты. Наряду с этим происходили первые свободные выборы в республиках, в результате которых коммунистические партии уступили власть национальным партиям различной степени радикальности. Отражая национальные интересы, эти партии проводили политику, нацеленную на выход из состава СФРЮ.

Именно новоизбранные представители республик решили судьбу Югославии в 1991 г. В ходе переговоров о будущем устройстве СФРЮ, начатых весной 1991 г., делегации Словении и Хорватии заняли позицию бескомпромиссного конфедерализма. Напротив, сербские, а также черногорские деятели придерживались идеи сохранения югославской федерации. Относительно нейтральную позицию заняли боснийские и македонские делегаты. Безвыходность положения и невозможность республик достичь компромисса стали апогеем кризиса в СФРЮ. В июне 1991 г. парламенты Словении и Хорватии в одностороннем порядке провозгласили независимость.

Национально-самоидентификационные процессы наблюдались и в македонской республике. Например, в мае 1987 г. прошли протесты местных

жителей по поводу социально-экономических и политических перемен⁹³. Другим показательным эпизодом стало выступление осенью 1989 г. македонского коммуниста П. Гошева с предложением многопартийности – одно из первых в СФРЮ. Так же, как и в других республиках, в македонской в 1990 г. прошли выборы, по результатам которых коммунистическая партия потеряла власть, а победу одержала национальная консервативная партия ВМРО-ДПМНЕ (Внутренняя македонская революционная организация-Демократическая партия за македонское национальное единство), использовавшая в своем названии сакральную для македонской идентичности аббревиатуру. Однако курс на отделение от СФРЮ, в отличие от Хорватии и Словении, принят не был; умеренная позиция македонских делегатов на переговорах представителей республик весной 1991 г. заключалась в формуле «не оставаться в Югославии без Словении и Хорватии».

Выдвигались интересные предложения сохранения СФРЮ: четыре республики должны быть связаны федеративными отношениями, и две – конфедеративными⁹⁴. Однако, данная инициатива, выдвинутая македонской стороной, не устроила Загреб и Любляну. После провозглашения независимости Хорватией и Словенией македонские республиканские власти стали готовиться к одностороннему выходу из СФРЮ, что и произошло в сентябре 1991 г.

Итак, каково было состояние социалистической Югославии накануне распада? Отметим три основных аспекта: экономический – государство переживало кризис, вызванный распределительным характером экономики и необходимостью выплачивать кредиты; политический – после смерти Тито новое, коллективное, руководство не имело возможности и авторитета для разрешения накопившихся проблем; социально-национальный – слабость власти и кризис в экономике вызвали к жизни давние противоречия между этническими

⁹³ Митревска Я., Сельцер Д.Г. Дезинтеграционные процессы в СФРЮ... С. 326.

⁹⁴ Колосков Е.А. Страна без названия. С. 33.

группами, а национальный вопрос был взят на вооружение в каждой республике как инструмент политической агитации. Последний аспект отчасти можно объяснить отсутствием продолжительной демократической традиции, по точному замечанию М. Калдор: «...когда выбор между партиями мал, когда нет традиции политических дебатов, когда новые политики едва известны, национализм становится механизмом политической дифференциации»⁹⁵

Распад СФРЮ, таким образом, представляется закономерным и неизбежным итогом кризисных процессов в регионе, а объявление независимости Македонией стало одним из ряда эпизодов, повлиявших на политическую обстановку на постъюгославском пространстве. И если националистические тенденции со временем перестали быть препятствием для диалога западнобалканских стран, постепенно уступая место еврооптимистической парадигме, то экономические последствия распада СФРЮ каждое государство переживало по-своему. Здесь безусловное влияние оказали конфликты 1991–1999 гг., отразившиеся на состоянии Боснии и Герцеговины, Албании, Македонии.

Каждое из государств «унаследовало» свою экономическую нишу после распада Югославии, соответствующую той, что была в период пребывания в составе СФРЮ; к примеру, Босния и Герцеговина еще с 1970-х гг. была наиболее бедной и отсталой в экономическом отношении республикой, что усугубилось в ходе конфликта 1992-1995 гг. Поэтому к моменту начала евроинтеграционной кампании Западных Балкан (а этим моментом считается начало 2003 г.⁹⁶) все страны региона подходили совершенно в различном состоянии, имея несколько общих проблем в виде отсутствия инвестиций и высокого уровня безработицы. Без поддержки европейских и евроатлантических структур республики

⁹⁵ Калдор М. Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 175.

⁹⁶ The Road to Thessaloniki. Cohesion and the Western Balkans. Berlin, 12.03.2003. P. 1. [Электронный ресурс] URL: https://www.esiweb.org/pdf/bridges/bosnia/ESI_RoadtoThessaloniki.pdf. (дата обращения: 14.06.2022).

рисковали не выбраться не только из межэтнических конфликтов, но и из экономической и политической нестабильности⁹⁷. Тогда же, в 2003 г., был подготовлен документ «Западные Балканы 2004. Содействие, объединение и новые границы», где отмечалось, что «Европа должна предложить Западным Балканам больше, чем руку помощи с тем, чтобы этот регион не остался островом нестабильности в сердце Европы»⁹⁸.

Это свидетельствует об обретении регионом своего места в балканской, европейской и мировой политике: Европейский союз, как один из возможных центров силы, видел потенциал в данном проблемном регионе и, очевидно, был готов интегрировать западнобалканские республики на определенных условиях в целях постконфликтной реконструкции и стабилизации. Так, в 2004–2006 гг. государствам Западных Балкан ЕС выделил 500 млн евро (1% их ВВП)⁹⁹ для восстановления экономики. В 2010 г. Еврокомиссия предложила расширить план оздоровления экономики государств региона¹⁰⁰. В свою очередь западнобалканские страны заинтересованы в участии в европейских интеграционных процессах несмотря на то, что это предполагает выполнение многочисленных обязательств (установление рыночной экономики, приведение национального законодательства в соответствие с нормами ЕС и т.д.). Однако, помимо выгоды от вступления в ЕС государства региона понесут определенные убытки: высокая конкуренция со стороны продукции из других стран ЕС, неконтролируемая миграция рабочей силы, закрытие неконкурентоспособных предприятий и т.д.¹⁰¹.

Тем не менее, вхождение в ЕС Хорватии в 2013 г. и приобретение Македонией, Сербией, Черногорией и Албанией статуса кандидатов (Босния и

⁹⁷ Европейский союз в XXI веке: время испытаний / Под ред. О.Ю. Потемкиной, Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. М.: Весь мир, 2012. С. 341.

⁹⁸ Цит. по: Европейский союз в XXI веке. С. 342.

⁹⁹ The Road to Thessaloniki. P. 3. [Электронный ресурс] URL: https://www.esiweb.org/pdf/bridges/bosnia/ESI_RoadtoThessaloniki.pdf. (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁰⁰ Европейский Союз в XXI веке. С. 352.

¹⁰¹ Максакова М.А. Страны Западных Балкан на пути в Европейский Союз: проблемы и перспективы. // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. №11. С. 53.

Герцеговина также направила заявку на вступление в ЕС, но пока кандидатом не является; Косово в процессе не участвует) на вступление в Европейский союз свидетельствует об укреплении экономического и политического потенциала региона Западных Балкан как одного из европейских игроков.

Относительно роли НАТО в развитии региона можно отметить, что с середины 1990-х гг. республики Западных Балкан активно вовлекались в процессы сотрудничества с Североатлантическим альянсом (Албания и Македония одними из первых вступили в программу «Партнерство ради мира»), что объяснялось заинтересованностью НАТО в стабилизации обстановки на Балканах ввиду политики С. Милошевича.

В результате демократизации режимов в Сербии, БиГ и Косово можно утверждать, что интерес североатлантической организации к региону в 2000-х гг. несколько ослабел, а присутствие НАТО в Западных Балканах постепенно вытеснялось присутствием ЕС (в том числе и военным). Однако в последние годы НАТО вновь заинтересовано в расширении своего присутствия в регионе в контексте усиливающихся экстремистских исламских угроз¹⁰². В качестве примера данного интереса можно привести процессы вступления в НАТО Албании и Хорватии в 2009 г., Черногории в 2017 г. и Северной Македонии в 2020 г., или продолжение работы миротворческой миссии KFOR в Косово.

Нельзя не упомянуть и об интересе к региону со стороны ведущих акторов – Китая и России. Китайская сторона, планирующая и начинающая реализовывать масштабные экономические проекты, рассматривает Западные Балканы в контексте их интеграции в ЕС и, соответственно, рассчитывает использовать соглашения о свободной торговле между ЕС и странами региона для реализации своей продукции¹⁰³. Этим объясняется готовность Пекина к

¹⁰² Marusic D., Bedenbaugh S., Wilson D. Balkans Forward. A new US Strategy for the Balkan Region. // Atlantic Council. 2017. August №1. Pp. 16-18.

¹⁰³ Энтина Е.Г. Международный контекст евроинтеграции Западных Балкан. М.: Институт Европы РАН, 2016. С. 58.

инвестициям в инфраструктуру региона. Интерес РФ к Западным Балканам носит традиционный характер и основан, прежде всего, на устойчивых связях Москвы и Белграда. Включение Сербии в соглашение о свободной торговле с ЕАЭС призвано укрепить эти связи и дать российской стороне «продвинуться вглубь» региона, государства которого в том числе и заинтересованы в российских энергетических инициативах¹⁰⁴.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы: регион Западных Балкан, несмотря на видимую неоднородность и комплекс проблем, «унаследованных» от СФРЮ, обладает спецификой, общей для всех государств региона, и имеет определенный вектор развития (демократизация и евроатлантическая интеграция); место региона в европейской и мировой политике в последние годы делается более заметным в контексте присутствия в регионе ЕС и НАТО, а также, в меньшей степени, Китая и России. Каждый из ключевых акторов международных отношений взаимодействует с Западными Балканами на определенных условиях, в конечном итоге способствующих развитию стран региона, в том числе, и македонской республики.

¹⁰⁴ Клуб друзей "Газпрома" построит "Турецкий поток" в Европе. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2703855> (дата обращения: 14.06.2022).

ГЛАВА 2. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ И «АЛБАНСКИЙ ВОПРОС»

2.1. Взаимодействие македонского государства с Албанией, ЕС и НАТО по «албанскому вопросу»

После объявления независимости осенью 1991 г. македонская республика начала формировать самостоятельную внешнеполитическую стратегию, в которой важное место занимал «албанский вопрос». Сохранение стабильности внутри государства и соблюдение прав албанского меньшинства являлось показателем успешности демократического транзита и влияло на коммуникацию не только с крупными акторами международных отношений (например, ЕС и НАТО), но и с соседними государствами, к которым относится Албания. И если в контактах Скопье с Евросоюзом и НАТО вопрос албанского меньшинства долгое время находился далеко не на первом плане, то диалог Тираны и Скопье сразу же приобрел некоторую остроту.

В отношениях РМ и Албании уместно выделить два периода:

1. 1991-2001 гг.
2. 2001 г.-настоящий момент

Разделение этих этапов обусловлено ключевым событием в политической жизни независимой Македонии – подписанием в 2001 г. руководством республики Охридских (Рамочных) соглашений с албанскими политическими силами, согласно которому права албанского населения в Македонии несколько расширились, что повлияло на диалог двух стран. При анализе албано-македонских отношений необходимо принимать во внимание положение албанского населения в македонской республике, так как защита интересов соотечественников и албаноязычных лиц остается одной из главнейших задач

политики Тираны¹⁰⁵.

Предпосылки возникновения так называемого албанского вопроса существовали в социалистический период балканского региона: политико-идеологические расхождения режимов И. Броз Тито и Э. Ходжи не способствовали расширению прав албанского населения в СФРЮ и служили основой для роста межэтнической напряженности. Руководители республик в составе СФРЮ, в частности, в социалистической Македонии, и вовсе проводили меры ограничительного характера¹⁰⁶ по отношению к албанскому населению, вплоть до корректировки Конституции. Поэтому всплеск насилия под паналбанскими лозунгами, случившийся в отдельных районах в ходе распада СФРЮ, является закономерным следствием жесткой антиалбанской политики, господствовавшей в Югославии. Наиболее остро вопрос стоял в районах компактного проживания албанского населения – Косово, Черногории, Метохии и, с некоторыми оговорками, в Македонии. Для первого правительства независимой македонской республики, таким образом, стояла задача не допустить эскалации конфликта с албанским меньшинством и одновременно добиться признания от официальной Тираны.

Отношения Албании и РМ строились в условиях общебалканского кризиса и демократического транзита в двух государствах, при этом переход от социалистической модели власти в Албании протекал более болезненно, чем в Македонии, и занял порядка полутора лет. Албания признала своего соседа только в 1993 г., под названием Бывшая Югославская Республика Македония (БЮРМ), тогда же были установлены дипломатические отношения¹⁰⁷. Однако

¹⁰⁵ См. ст. 8: Конституция Республики Албания от 21 октября 1998 года. [Электронный ресурс] URL: <https://web.archive.org/web/20161230003552/http://juridiksi.e-monsite.com/faqe/legjislacion/kushtetuta-e-rsh>. (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁰⁶ Poulton H. Who are the Macedonians? Bloomington: Indiana University Press, 1995. Pp. 186-188.

¹⁰⁷ Билатерални односи на Република Северна Македонија со Република Албанија. // Министерство за надворешни работи. [Электронный ресурс] URL: <https://tirana.mfa.gov.mk/mk/page/57/bilateralni-odnosi-na-republika-severna-makedonija-so-republika-albanija>. (дата обращения: 14.06.2022).

первый договор между правительствами (в области безопасности) был заключен уже летом 1992 г.¹⁰⁸ Этому предшествовал эпизод, связанный с волеизъявлением албанского меньшинства в Македонии. Сначала на референдуме 8 сентября 1991 г. большинство македонских граждан высказалось за отделение от СФРЮ, а затем в январе 1992 г. албанское население северо-западных районов республики, игнорировавшее сентябрьский референдум¹⁰⁹, провело собственное голосование с целью отделения от Македонии и создания республики Илириды¹¹⁰. Возникла угроза раздробления македонской республики и появление второго Косова на карте Балкан, однако данная акция не имела последствий: сепаратистски настроенные граждане албанского происхождения из-за отсутствия лидеров умерили политическую активность. В дальнейшем македонское правительство прикладывало значительные усилия для вовлечения албанского населения в политическую жизнь государства.

Возвращаясь к факту установления двусторонних отношений Скопье и Тираны, необходимо кратко проанализировать обстановку в Балканском регионе в начале 1990-х гг.

Как для Македонии, так и для Албании наибольшую угрозу представляла собой деятельность С. Милошевича во главе Союзной Республики Югославии (далее – СРЮ). Албанское руководство, «унаследовавшее» от режима Э. Ходжи настороженное отношение к югославизму, было обеспокоено положением албанских граждан в Косово и Метохии. Расценивая политику Милошевича как геноцид албанского населения и воплощение великосербских идей, власти Албании в лице президента С. Бериши допускали возможную конфронтацию с СРЮ. Также у Тираны имелись некоторые сложности в отношениях с Грецией,

¹⁰⁸ Билатерални односи на Република Северна Македонија со Република Албанија. // Министерство за надворешни работи. [Электронный ресурс] URL: <https://tirana.mfa.gov.mk/mk/page/57/bilateralni-odnosi-na-republika-severna-makedonija-so-republika-albanija>. (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁰⁹ Маролов Д., Митев О. Создавањето на независна република Македонија. Внатрешни состојби и надворешна политика. Штип: Универзитет «Гоце Делчев», 2016. С. 90.

¹¹⁰ Тунтев А. Република Македонија. Прва декада (1990-1999). Скопје, 2005. С. 20.

поддерживавшей оппозиционного президенту политика Ф. Нано¹¹¹. Опасаясь изменения своего геополитического положения в свете упрочения сербо-греческих связей, албанская сторона налаживала контакты с теми государствами региона, безопасность которых могла пострадать от политики СРЮ. Одним из таких государств являлась Македония.

Македонское правительство в не меньшей степени, чем албанское, было заинтересовано в нейтрализации СРЮ и в поиске противовеса Греции, спор о названии с которой уже стал ключевым вопросом внешней политики македонского государства (подробнее об этом будет сказано в главе 3). Поэтому установление отношений с Албанией является закономерным и особенно разумным, если принимать во внимание планы югославских руководителей о разделе македонской территории между Союзной Республикой Югославией и Грецией¹¹². Также Греция получила от Милошевича поддержку в споре о названии с Македонией¹¹³. Причина признания Македонии со стороны Албании была кратко изложена самим С. Беришей: «Независимая Македония лучше, чем Македония под властью Милошевича»¹¹⁴. Таким образом, соображения национальной и региональной безопасности сблизили Тирану и Скопье, которые к тому же имели общую цель – евроатлантическую интеграцию.

Отношения правительства Македонии с албанским меньшинством (на которое в определенной мере пытался повлиять С. Бериша с целью стабилизации обстановки внутри Македонии¹¹⁵) время от времени осложнялись из-за различных инцидентов. В течение 1993 г. происходили межэтнические столкновения как в Скопье, так и на албано-македонской границе, приводившие

¹¹¹ Konidaris G. Examining policy responses to immigration in the light of interstate relations and foreign policy objectives: Greece and Albania. // *The New Albanian Migration*. / Edited by R. King, N. Mai and S. Schwandner-Sievers. Brighton: Sussex Academic, 2005. Pp. 80-81.

¹¹² Phillips J. *Macedonia: Warlords and Rebels in the Balkans*. New York: I.B. Tauris & Co Ltd., 2004. P. 54.

¹¹³ Liotta P., Jebb R.C. *Mapping Macedonia: Idea and Identity*. Westport: Praeger Publisher, 2004. P. 8.

¹¹⁴ Цит. по: Biberaj E. *Albania In Transition: The Rocky Road To Democracy* (Nations of the Modern World: Europe). New York: Routledge, 2018. P. 239.

¹¹⁵ Ibid. P. 240.

к жертвам среди македонского и албанского населения¹¹⁶. Македонским правительством было инициировано расследование в отношении ряда албанских политиков, которых обвиняли в антигосударственном заговоре, однако обвиняемые получили незначительные тюремные сроки, что объясняется нежеланием правительства Македонии ухудшать отношения с албанской стороной¹¹⁷. Одновременно с этим в Македонии стали возникать албанские политические партии, участию которых в жизни государства никто не препятствовал.

В албано-македонском диалоге в первый период независимого существования Скопье нужно отметить эпизод, связанный с греческим эмбарго в отношении Македонии: в 1994 г. албанское правительство разрешило македонскому использовать свои морские порты для импорта товаров в обход Греции¹¹⁸. Для не имевшей выхода к морю Македонии данная возможность представляла огромную важность. Одновременно с этим возникла напряженность из-за публичного призыва албанского руководства заменить руководителей македонской албаноязычной Партии Демократического Процветания¹¹⁹. Причиной этому стали недостаточные, по мнению С. Бериши, усилия партии по защите интересов этнических албанцев в Македонии. Данный шаг был справедливо расценен македонским руководством как вмешательство во внутренние дела страны, и для разрешения инцидента потребовалось вмешательство США¹²⁰. Можно говорить, что после этого инцидента, с 1994 по 1997 гг. отношения двух государств вошли в фазу «заморозки», т.к. обе республики занимались разрешением внутренних экономических вопросов и не были в достаточной мере заинтересованы в диалоге. К тому же

¹¹⁶ Колосков Е.А. Страна без названия. С. 105-106.

¹¹⁷ Там же. С. 107.

¹¹⁸ Marolov D. Republic of Macedonia Foreign Policy: Diplomacy in the Middle of the Balkans. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 64.

¹¹⁹ Elez Biberaj. Albania In Transition: The Rocky Road To Democracy. P. 241.

¹²⁰ Ibid. P. 241.

внешнеполитическое положение Македонии в этот момент уже значительно упрочилось: в 1995 г. было подписано Временное соглашение с Грецией, а также состоялось вступление в программу НАТО «Партнерство ради мира» (Албания присоединилась к программе годом ранее). В этот период был подписан лишь один договор – о научно-техническом сотрудничестве¹²¹. Тем не менее обе республики участвовали в нескольких региональных проектах – в Юго-Восточном Европейском процессе сотрудничества (SEECP, в 1996 г. как государства-основатели), Юго-Восточной Европейской инициативы сотрудничества (SECI, в 1996 г. как государства-основатели), Центральноевропейской инициативы (CEI, в 1993 г. присоединилась Македония, в 1995 г. – Албания).

Ярким эпизодом в албано-македонском взаимодействии стал албанский кризис 1997 г. Крах финансовых пирамид и закрытие нескольких банков в Албании в конце 1996 г. привели к массовым волнениям и фактическому коллапсу государственных институтов. Существует мнение, что в этот момент двусторонние отношения были прерваны по причине фактического (временного) исчезновения государства Албании¹²². Опасаясь «трансфера» волнений на свою территорию, македонское правительство усилило охрану границы с Албанией и приложило усилия по продлению миссии СПРООН на своей территории. Более того, в свете начавшихся волнений в приграничных с Албанией районах македонское руководство проводило консультации с представителями Греции на предмет возможной помощи Афин в случае ухудшения обстановки¹²³. Однако, факт волнений в Албании в итоге привел к укреплению сотрудничества двух республик, в первую очередь, в сфере безопасности. Так, в декабре 1997 г. было

¹²¹ Билатерални односи на Република Северна Македонија со Република Албанија. // Министерство за надворешни работи. [Электронный ресурс] URL: <https://tirana.mfa.gov.mk/mk/page/57/bilateralni-odnosi-na-republika-severna-makedonija-so-republika-albanija>. (дата обращения: 14.06.2022).

¹²² Marolov D. Republic of Macedonia Foreign Policy. P. 63.

¹²³ Тунтев А. Република Македонија... С. 20.

подписано несколько договоров о границе, а также торгово-экономический договор и соглашение о поощрении инвестиций в албанскую и македонскую экономики¹²⁴.

Публикация в 1998 г. так называемой Тиранской платформы Албанской Академии наук, где высказывались мысли об объединении всех албанцев Балкан в единое государство и звучали обвинения в адрес Скопье в ущемлении прав албанского меньшинства в РМ¹²⁵, обострила отношения двух государств и вновь поставила на первое место во внешней политике Скопье этнический аспект. Победа на парламентских выборах в Македонии правоориентированной партии ВМРО-ДПМНЕ усилила опасения из-за возможной конфронтации двух республик по этническому вопросу. Однако вопреки ожиданиям, македонские консерваторы образовали коалицию с албанскими партиями и взяли курс на более тесное взаимодействие с НАТО, в русле которого проходило и дальнейшее сотрудничество с Албанией.

В том же 1998 г. начинается косовский кризис, в ходе которого македонское правительство предоставило свою инфраструктуру для авиации Североатлантического Альянса¹²⁶, взамен получив гарантии собственной безопасности в виде присутствия контингента НАТО. Год спустя, по завершении операции НАТО против СРЮ, в Скопье был принят Х.Тачи, командующий косовской армией, что фактически обозначало признание независимости косовских албанцев. Стоит заметить, что сотрудничество с НАТО и косовскими сепаратистами было воспринято в македонском обществе довольно неоднозначно¹²⁷. Тогда же, в 1999 г. Македония и Албания в числе других

¹²⁴ Билатерални односи на Република Северна Македонија со Република Албанија. // Министерство за надворешни работи. [Електронный ресурс] URL: <https://tirana.mfa.gov.mk/mk/page/57/bilateralni-odnosi-na-republika-severna-makedonija-so-republika-albanija>. (дата обращения: 14.06.2022).

¹²⁵ Маролов Д., Стојановски С. Охридскиот Рамковен договор наспроти Тирана платформа. // Четврта меѓународна научна конференција Општествените промени во глобалниот свет: зборник на трудови. 2017. С. 869.

¹²⁶ Интервью П. Лазаревского П. Смирнову. 19.11.2021-18.01.2022. // из личного архива.

¹²⁷ Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. С. 184.

государств подписали Пакт стабильности Юго-Восточной Европы, что отражало общность взглядов на обстановку в регионе.

Косовский кризис и операция НАТО против СРЮ имели два важнейших последствия для албано-македонских отношений: во-первых, албанское население Косово, Метохии и северо-запада Македонии стало стремительно вооружаться, во-вторых, приток беженцев из Косово, существенно увеличивший долю албанского населения в Македонии, стал миной замедленного действия: беженцы с оружием становились потенциальными сепаратистами, и перед македонской республикой вновь возникла перспектива появления второго Косова, уже на своей территории. Осознавая это, правительство Л. Георгиевского и президента Б. Трайковского свело к минимуму контакты с Албанией в 1999-2001 гг., вместо этого укрепляя военное сотрудничество с Болгарией. Уже в 2001 г. был подписан договор о границе с Сербией, более того, есть мнение¹²⁸, он мог содержать секретный пункт о военной помощи со стороны Белграда в случае выступления албанских сепаратистов. Конфликт между армией и полицией Македонии и албанскими повстанцами на северо-западе Македонии случился тогда же, весной 2001 г.

Резюмируя анализ первого этапа албано-македонских взаимоотношений, можно сделать следующие выводы: контакты двух республик имели нестабильный характер и прямо зависели от положения албанского меньшинства в Македонии. При этом диалог Скопье и Тираны изначально строился на общих стремлениях к установлению безопасности в регионе в противовес политике СРЮ и отчасти Греции. Однако достижение определенных успехов македонской стороной (Временное соглашение, сотрудничество с НАТО) привело к снижению интенсивности контактов Албании и Македонии и обнажило проблемные точки, главной из которых стал «экспорт» албанского сепаратизма на территорию РМ.

¹²⁸ Колосков Е.А. Страна без названия... С. 119.

Конфликт македонской армии и полиции с албанскими сепаратистами начался в марте 2001 г. и был сосредоточен в северо-западных районах республики (Тетово, Куманово, Арачиново). Несмотря на применение боевой авиации, правительственные силы не могли переломить ситуацию в свою пользу ввиду хорошей организации Освободительной народной армии (боевой организации сепаратистов, далее – ОНА) и повсеместного сопротивления албанского населения.

Реакция Тираны в ходе конфликта была неоднозначной: осуждая насилие, албанские руководители не обсуждали правомерность требований сепаратистов¹²⁹. Требования же заключались в том, чтобы максимально расширить права албанского меньшинства, сделав из РМ конфедерацию. Только вмешательство ЕС и НАТО смогло остановить конфликт и усадить представителей ОНА и македонское правительство за стол переговоров. Их итогом стали Охридские (Рамочные) соглашения 13 августа 2001 г. Согласно этому документу, албанскому населению предоставлялись широкие права в области культурной автономии, представительства в выборных органах, а албанский язык постепенно должен был стать вторым официальным. В Конституцию Македонии были внесены фиксирующие эти изменения поправки. Также результатом посреднической деятельности ЕС, НАТО и США в конфликте РМ с ОНА стало присутствие миротворческих сил на территории Македонии, что несколько способствовало ускорению евроатлантической интеграции Скопье.

Необходимость вступления в НАТО и Евросоюз являлась общей для Албании и Македонии, и спустя некоторое время после Охридских соглашений была подписана Адриатическая хартия 2003 г., призванная ускорить интеграцию Албании, Македонии и Хорватии в НАТО. Затем были заключены албано-македонские договоры (2004-2005 гг.) в области культуры, туризма, охраны

¹²⁹ Пономарева Е.Г. Республика Македония: наступление албанского меньшинства. // Политическая наука. 2010. №1. С. 153.

Охридского озера и, что особенно важно, в вопросе противодействия международному терроризму¹³⁰. Также, в рамках Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы, Албания и Македония (при участии всех постъюгославских республик, кроме Словении) учредили в 2003 г. Региональную инициативу по миграции, убежищу и беженцам (MARRI), взаимодействие в которой было особенно интенсивным между Тираной и Скопье. В 2006-2007 гг. Македония и Албания присоединились к Центральноевропейской ассоциации свободной торговли.

Все эти инициативы и договоренности подчеркивали общность интересов двух республик и преодоление этнического кризиса как дестабилизирующего фактора двусторонних отношений. Важным аспектом диалога Тираны и Скопье является энергетическое сотрудничество: после появления в Македонии российской ТНК («Лукойл» в 2005 г.) государства региона активно вовлеклись в процессы транспортировки и распределения различных видов топлива, примером чего стала совместная конвенция 2007 г. Македонии, Албании и Болгарии о трансбалканском нефтепроводе¹³¹. Расширение культурных и туристических связей двух государств позитивно характеризует диалог Тираны и Скопье, на который оказало влияние отделение Косово от Сербии в 2008 г. Провозглашенная в одностороннем порядке, независимость края не была признана многими государствами-членами ООН, включая РФ и КНР. В то же время руководство македонского государства сразу объявило о признании Косово, де-юре закрепив существовавшие с 1999 г. контакты с кабинетом первого косовского премьера Х. Тачи. Причина признания правительством Б. Црвенковского независимости Косово в том, что, являясь очагом нестабильности в регионе, Косово и косовские сепаратисты перестанут представлять опасность, получив легитимацию.

¹³⁰ Билатерални односи на Република Северна Македонија со Република Албанија. // Министерство за надворешни работи. [Электронный ресурс] URL: <https://tirana.mfa.gov.mk/mk/page/57/bilateralni-odnosi-na-republika-severna-makedonija-so-republika-albanija>. (дата обращения: 14.06.2022).

¹³¹ Там же.

Признавая независимость Приштины и выстраивая с ней диалог, македонская сторона укрепляла безопасность своей северной границы. Для Албании подобный шаг РМ представлялся однозначно дружественным.

В 2009 г. Албания стала членом НАТО, а в 2014 г. получила статус кандидата на вступление в ЕС (Македония стала кандидатом в 2005 г.). В 2011 г. обе республики достигли договоренности о синхронизации процессов вступления в ЕС, хотя де-факто находятся на разных уровнях экономической готовности к интеграции в Европейский Союз¹³². Продолжая участие в уже действующих региональных организациях, обе республики присоединились к основанному в ноябре 2015 г. Западно-Балканскому фонду (WBF), нацеленному на укрепление политических и экономических коммуникаций в регионе и ускорению процессов интеграции государств региона с ЕС. Примечательно, что в число основателей фонда вошло и правительство Косово. Наконец, в 2018 г. македонское государство присоединилось к организации Адриатической и Ионической инициативы, где уже состоит большинство республик региона, включая Албанию. Совместная деятельность членов данной организации направлена на упрощение культурной и экономической коммуникации в регионе¹³³. События последних лет свидетельствуют о плотном взаимодействии двух республик: так, в 2019 г. была заключена декларация о сотрудничестве между Сербией, Албанией и Республикой Северной Македонией¹³⁴, а после землетрясения в Албании в ноябре 2019 года Северная Македония оказала Албании финансовую помощь и направила специалистов и оборудование¹³⁵. В

¹³² См. Польшанский Д.И. «Балканизация» и «европеизация» на Юго-Востоке Европы. // Современная Европа. 2015. №5 (65). С. 44.

¹³³ Activities. // Adriatic and Ionian Initiative. [Электронный ресурс] URL: <https://www.aii-ps.org/activities>. (дата обращения: 14.06.2022).

¹³⁴ Премиерите Заев и Рама и Претседателот Вучиќ на трилатерална средба во пресрет на утрешниот состанок со другите лидери од Западен Балкан ја утврдија декларацијата за соработка. // Влада на Република Северна Македонија. [Электронный ресурс] URL: <https://vlada.mk/node/19436>. (дата обращения: 14.06.2022).

¹³⁵ Përmes telefonatave janë mbledhur rreth 40 mijë euro. // Sharri.info. [Электронный ресурс] URL: <https://web.archive.org/web/20191129212402/http://www.sharri.info/2019/11/28/permes-telefonatave-jane-mbledhur-rreth-40-mije-euro>. (дата обращения: 14.06.2022).

последние полтора года сотрудничество двух республик включает в себя и борьбу с COVID-19.

В последние годы одной из проблемных точек в отношениях албанской и македонской республик стало положение македонского меньшинства в Албании. Оно пользуется всеми доступными правами, в том числе на образование на родном языке и правом представительства в парламенте Албании¹³⁶, но с 2017 г. в районе компактного проживания македонского населения (вблизи озера Преспа) усилилась болгарская пропаганда, сопровождаемая выдачей болгарских паспортов местным македоноязычным гражданам¹³⁷. Вмешательство Болгарии в вопрос проживания македонского меньшинства в Албании грозит стать головной болью для всех трех государств. Еще одной проблемой является неразвитость экономических контактов Скопье и Тираны, несмотря на большое количество договоров и меморандумов в экономической сфере (согласно албанским данным, товарооборот с Албанией в экономике РСМ занимает место за пределами первой двадцатки¹³⁸).

Если говорить о перспективах двустороннего сотрудничества, то нужно отметить следующее: после подписания Преспанского соглашения с Грецией и смены названия на Северную Македонию вступление македонского государства в НАТО и ЕС казалось неизбежным; это автоматически приближало к ЕС и албанскую республику. Однако после вступления в НАТО в марте 2020 г. и старта переговоров о вступлении Албании и РСМ в Евросоюз начались сложности, вызванные протестами со стороны Болгарии, и Тирана стала

¹³⁶ Marrëdhëniet me Vëndet e Rajonit. // Ministria për Evropën dhe Punët e Jashtme. [Электронный ресурс] URL: <https://punetejashtme.gov.al/shqiperia-ne-rajon/marredheniet-me-vendet-e-rajonit/>. (дата обращения: 14.06.2022).

¹³⁷ Ilinden: In Albania there is no Bulgarian minority, but Macedonians only. // Facebook.com. [Электронный ресурс] URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:TsbH0QBGLy8J:https://www.facebook.com/1VidiVidi/photos/ilinden-in-albania-there-is-no-bulgarian-minority-but-macedonians-onlyhttpstwitter/764054347327411/+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>. (дата обращения: 14.06.2022).

¹³⁸ Marrëdhëniet me Vëndet e Rajonit. // Ministria për Evropën dhe Punët e Jashtme. [Электронный ресурс] URL: <https://punetejashtme.gov.al/shqiperia-ne-rajon/marredheniet-me-vendet-e-rajonit/>. (дата обращения: 14.06.2022).

заложником болгаро-македонских этноидентификационных противоречий. Еще раньше, осенью 2019 г. президентом Франции Э. Макроном были высказаны сомнения в целесообразности принятия Албании в ЕС и сожаления о том, что евроинтеграцию Албании и РСМ нельзя проводить по отдельности¹³⁹, т.к. по мнению Макрона, Албания в меньшей степени готова ко вступлению в ЕС, нежели РСМ. Однако события зимы 2020-2021 гг., связанные с нарастанием идентичностных противоречий между Скопье и Софией, привели ЕС к мысли о раздельном принятии Албании и РСМ в Евросоюз¹⁴⁰. Поэтому перспективы диалога Тираны и Скопье будут сильно зависеть от успешности вступления какой-либо из сторон в ЕС.

Еще одним важным аспектом взаимодействия албанской и македонской республик является паналбанизм, точнее, его существование в политическом поле. В российском интеллектуальном пространстве господствовали скептические и не вполне корректные характеристики албанского этноса и оценки его деятельности в Македонии¹⁴¹, а МИД РФ и вовсе прогнозировал (в начале 2000-х гг.) превращение албанцев в преобладающий этнос в РСМ к 2025 г.¹⁴² Однако факты говорят об обратном – албанское население не стало преобладающим этносом в РСМ, а паналбанская идея, как и любая другая пан-национальная концепция, послужила скорее инструментом набора политических очков, нежели конкретной программой радикальных преобразований в Балканском регионе. Показательна риторика бывшего президента Албании С. Бериши, при котором были установлены контакты Скопье и Тираны и который проводил крайне умеренную и последовательную политику в отношении

¹³⁹ Кандель П.Е. Балканские дилеммы ЕС. // Современная Европа. 2020. №2. С. 125.

¹⁴⁰ Жирош Ш. Северная Македония может вступить в Евросоюз после Албании. // Euronews.com. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.euronews.com/2021/05/07/eu-enlargement-albania-macedonia>. (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁴¹ См. Пономарева Е. Г. Этнополитический конфликт в Македонии. // Обозреватель. 2006. №5 (196). С. 95-104; Филимонова А.И. «Великая Албания»: капкан для Сербии и России. // ИА Regnum. [Электронный ресурс] URL: <https://regnum.ru/news/polit/3113968.html>; Филимонова А.И. Страх Балкан: что такое «Великая Албания». // ИА Regnum. [Электронный ресурс] URL: <https://regnum.ru/news/polit/3175007.html>. (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁴² См. Колосков Е.А. Страна без названия... С. 100.

македонского государства: в 2012 г. он заявлял о проекте объединения албанцев в единое государство, но от указания конкретных шагов воздержался¹⁴³. И можно согласиться с одним из авторов Тиранской платформы, П. Миле, который признавал, что идея «великой Албании» вредна и бесполезна и только препятствует совместной евроинтеграции балканских государств¹⁴⁴.

Резюмируя анализ албано-македонских отношений в период после Охридских соглашений, нужно подчеркнуть главную тенденцию – совместное интенсивное движение к евроатлантической интеграции. Примером этому служат многочисленные экономические соглашения двух республик и участие в региональных организациях. Однако, разница между Скопье и Тираной в степени соответствия критериям Евросоюза и чрезвычайные обстоятельства в виде болгарского противодействия вступлению РСМ в ЕС в будущем могут привести к разделению совместного движения двух республик к евроинтеграции. Обе республики при этом возлагают большие надежды на участие ведущих государств ЕС в разрешении региональных противоречий Софии и Скопье.

Анализируя всю динамику албано-македонских отношений, можно отметить два фактора: первый – отношения Скопье и Тираны не отличались стабильностью и надежностью, испытывая на себе, в первую очередь влияние внутримакедонской ситуации с албанским меньшинством и внутриалбанской ситуации, например, в эпизоде кризиса 1997 г. Надо отметить поддержку, оказанную Тираной в первые годы независимого существования македонской республики. Объяснением этому может послужить наличие разногласий обоих государств с Грецией. Вторым фактором албано-македонских отношений – неоднозначность их перспектив после возможного вступления Тираны в ЕС и непопадания туда Скопье. Несмотря на консолидацию балканских государств на

¹⁴³ Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX-XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. / Под ред. К.В. Никифорова. М.; СПб.: Нестор-история, 2015. С.23.

¹⁴⁴ Миле П. «Великая Албания»-фикция или реальность? // Албанский фактор кризиса на Балканах. / Отв. ред. Е.Ю.Гуськова. М., ИНИОН РАН, 2002. С. 153.

почве евроатлантической интеграции (например, сближение Греции и Северной Македонии, договоренности Албании, Сербии и Северной Македонии, или же совместное участие Хорватии, Албании и РСМ в военных учениях Адриатической группы НАТО), делающую понятие регионального сотрудничества не пустым звуком, возможное «выпадение» РСМ из пула евроассоциированных балканских государств может иметь неблагоприятные последствия.

Также нужно отметить, что албано-македонское взаимодействие нацелено на сохранение собственной безопасности и на формирование системы региональной безопасности с одновременной подготовкой государств региона к евроинтеграции. Данный вектор развития характерен для политики всех постъюгославских государств, стремившихся интегрироваться в ЕС и НАТО, сохранив при этом региональные структуры¹⁴⁵.

Если же говорить об отношениях РМ с ЕС и НАТО в контексте «албанского вопроса», то наибольшую интенсивность они получили в ходе косовского кризиса 1998 г. и кризиса 2001 г. В первом случае имело место тесное взаимодействие РМ и НАТО в русле готовящейся операции НАТО против СРЮ, когда македонская инфраструктура была предоставлена в пользование военному контингенту Североатлантической организации. По сути, позиции НАТО и РМ в данный момент были идентичны: избежать дестабилизации в регионе при соблюдении прав албанского населения. Такая же стратегия была предпринята в 2001 г., когда был урегулирован конфликт македонского правительства и ОНА при посредничестве ЕС и НАТО. Являясь участником программы «Партнерство ради мира» и имея конечную цель – вступление в НАТО – македонская сторона следовала линии, избранной Североатлантическим альянсом в вопросе разрешения албанской проблемы, а именно предоставление широких прав

¹⁴⁵ Романенко С.А., Улуян А.А. Концепции национальной безопасности и внешней политики государств Западных Балкан. Преодоление конфликтности и евроатлантические перспективы. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 4.

албанскому населению в целях стабилизации обстановки в регионе. Именно поэтому в некоторых исследованиях встречается мысль об утрате РМ своего суверенитета после 2001 г. и о появлении т.н. Охридской Македонии, де-факто управляемой извне¹⁴⁶. Данный подход видится нам не вполне корректным, т.к. существование государства в качестве международного протектората автоматически сводит к нулю возможность политического консенсуса внутри страны и требует постоянного участия евроатлантических структур в судьбе республики; в то время как македонская политическая жизнь после 2001 г. свидетельствует об обратном: ЕС и НАТО не предпринимали попыток вмешаться во внутривнутриполитическую обстановку в РМ после Охридских соглашений, а консенсус между албанскими, консервативными и евроориентированными партиями в македонском Собрании достигался долго и болезненно, что является показателем суверенитета государства.

Взаимоотношения РМ и ЕС в контексте «албанского вопроса» строились примерно в том же виде, что и РМ с НАТО; после завершения операции НАТО по разоружению сепаратистов из ОНА военный контингент НАТО в 2003 г. был заменен на несколько сотен военных специалистов из ЕС, которые вскоре (конце 2003 г.) были отозваны. Помимо этого, Евросоюзом был инициирован механизм быстрого реагирования, подразумевавший финансовую помощь РМ в «пост-Охридский» период¹⁴⁷. Иными словами, Европейский союз видел необходимость контроля албанской проблемы и предоставлял свою помощь Скопье, что совпадало с целями РМ. В дальнейшем, «албанский вопрос» проявился в контактах РМ и ЕС после получения Македонией статуса кандидата в Евросоюз в 2005 г., когда балканская республика стала переходить к исполнению

¹⁴⁶ См. Пономарева Е.Г. Суверенитет новых государств Юго-Восточной Европы: внутренние и внешние вызовы. // Суверенитет. Трансформация понятий и практик. Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 156; Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX-начало XXI вв. С. 164.

¹⁴⁷ Lamont C.K. Coercion, norms and atrocity: explaining state compliance with International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia arrest and surrender orders. Submitted for the degree of PhD in Politics. Glasgow, 2008. P. 139.

Копенгагенских критериев соответствия членству в ЕС, одним из которых является демократизация и соблюдение прав национальных меньшинств. В русле этого процесса албанский язык получил статус второго официального в РМ. Наконец, примечательными, на наш взгляд, являются результаты опросов, проведенных в 2006 г. в странах-членах ЕС касательно будущего расширения Евросоюза на Западные Балканы. Респонденты в целом положительно отнеслись к возможному включению РМ в ЕС и довольно прохладно среагировали на возможность вхождения в Евросоюз Албании, считая ее не соответствующей критериям членства в ЕС¹⁴⁸. В данном контексте мнение, высказанное Э. Макроном в 2019 г., вполне отражает воззрения европейского общества на албанскую проблематику.

2.2. Российско-македонские отношения в контексте албанской проблематики

Целью внешней политики Республики Македонии в первые месяцы самостоятельного существования было установление максимального количества контактов с ведущими акторами международных отношений, к которым относилась и Российская Федерация. Российско-македонский диалог переживал несколько этапов, различных по своей интенсивности, но, несомненно, испытывал на себе влияние албанского вопроса, т. к. албанская проблематика для внешней политики РФ представляла огромную важность в контексте продолжения традиционной политики российского участия в балканских вопросах.

Установление отношений между Скопье и Москвой состоялось весной 1992 г. по инициативе Республики Македонии. В свою очередь, шаги к сближению с суверенной македонской республикой давались Российской Федерации с трудом:

¹⁴⁸ Special Eurobarometer 255. Attitudes towards European Union Enlargement. July 2006. P. 67.

причиной тому был подчас непоследовательный внешнеполитический курс первого правительства Б.Н. Ельцина, предусматривавший ориентацию на «западных партнеров» одновременно с планами по восстановлению былого влияния в Восточной и Юго-Восточной Европе. Также нельзя забывать и острейший экономический кризис, поразивший Российскую Федерацию в первые годы независимости, и аналогичные проблемы Республики Македонии, испытавшей на себе действие эмбарго, объявленного Грецией. Сложная экономическая ситуация мешала обоим государствам проводить последовательную политику сближения, зачастую заставляя действовать ситуационно, а не стратегически.

В августе 1992 г. во время визита в Болгарию Б.Н. Ельцин объявил о признании Республики Македонии – что немаловажно – под ее конституционным названием. Однако дальнейшие действия состоялись позднее: в апреле 1994 г. в Москве открылось посольство македонской республики, спустя полгода – посольство Российской Федерации в Скопье. После установления официальных дипломатических отношений планировалось совместное решение ряда экономических и политических вопросов, в которых македонскому государству была необходима поддержка со стороны Российской Федерации: поставки топлива, экономическая помощь¹⁴⁹, признание Республики Македонии мировым сообществом под конституционным названием и др. Однако отсутствие разумной инициативы в решении данных вопросов со стороны правительства Б.Н. Ельцина перевело российско-македонские отношения в состояние «консервации», что совпало с подписанием Временного соглашения с Грецией по вопросу именования Республики Македонии. После этого курс Скопье на вступление в НАТО стал более уверенным, и необходимость опоры на РФ временно отпала.

¹⁴⁹ Колосков Е.А. Страна без названия... С. 166.

Оживление российской политики на Балканах в конце 1990-х гг. было связано с операцией НАТО против СРЮ и с выработкой российским МИД твердой позиции несогласия с политикой Североатлантического альянса в регионе. В период этого оживления, в 1998 г., состоялся визит президента Республики Македонии К. Глигорова в Москву, после чего российско-македонские отношения несколько активизировались: была подписана Декларация о дружественных отношениях, ряд соглашений в культурной, образовательной сфере, стартовали совместные строительные проекты, российский капитал инвестировался в македонскую экономику. Однако пребывание миротворческих сил НАТО на территории Республики Македонии в ходе конфликта в Косово предсказуемо вызвало негативную реакцию российской стороны, после чего отношения Республики Македонии и Российской Федерации вновь вошли в состояние «консервации», продолжавшееся до 2001 г.

Начало XXI века в балканском регионе было отмечено арестом С. Милошевича и его выдачей весной 2001 г. Международному трибуналу в Гааге. Для РМ это давало надежду на стабилизацию в регионе и снятие с повестки дня албанского вопроса, тем более что новые власти Сербии повернулись к сотрудничеству с НАТО и европейскими государствами, переходя к демократическим реформам. Российское правительство было вынуждено, в свою очередь, искать дополнительные точки опоры на Балканах. Случившийся летом того же года вооруженный конфликт между ОНА и армией РМ стал импульсом для активизации российско-македонских отношений и дал возможность РФ вновь проводить самостоятельную политику в Балканском регионе.

В первую очередь, во время конфликта 2001 г. Российская Федерация выразила однозначную поддержку президенту Республики Македонии Б. Трайковскому и даже оказала военную помощь македонским вооруженным

силам¹⁵⁰. Но заключенные 13 августа 2001 г. Охридские (Рамочные) соглашения между правительством республики и лидерами албанских партий хоть и прекратили вооруженный конфликт, вызвали в Москве резкую реакцию, позднее сформулированную внешнеполитическим ведомством: «полный отказ от порочной практики внешнего управления, упор на реальную демократию, переход на решение внутренних проблем самими балканскими государствами являются основой укрепления доверия между проживающими здесь народами»¹⁵¹. Таким образом, открыто признавая опасность укрепления позиций НАТО в балканском регионе, и в частности, в Республике Македонии, российское правительство стремилось к укреплению отношений с македонской стороной и декларировало принцип нерушимости границ и поддержки легитимной власти¹⁵².

В период 2001–2003 гг. между Москвой и Скопье наблюдалось оживление контактов, выразившееся в заключении несколько двусторонних договоров, касающихся сотрудничества в области туризма, воздушного сообщения, ветеринарии, санитарии, культуры, которые были призваны укрепить сотрудничество двух государств в гуманитарной сфере. Однако наиболее важными в данный период стали соглашение о военно-техническом сотрудничестве, заключенное 16 октября 2003 г., и Консульская конвенция от 14 января 2003 г.¹⁵³.

Заключение договора о военно-техническом сотрудничестве планировалось еще в период президентства К. Глигорова и Б.Н. Ельцина в 1994–

¹⁵⁰ Колосков Е.А. Страна без названия... С. 170.

¹⁵¹ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с ситуацией в Республике Македонии от 02.02.2017. [Электронный ресурс] URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2621894. (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁵² Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. С. 328.

¹⁵³ Консульская Конвенция между Российской Федерацией и Республикой Македонией от 14.01.2003. [Электронный ресурс] URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-2/46299?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%BC%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%BD%D0%B8&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1. (дата обращения: 14.06.2022).

1996 гг., однако не состоялось в силу экономической нестабильности в обоих государствах. В 2003 г. же условия располагали к заключению подобного договора и демонстрировали стремление Российской Федерации закрепиться на Балканах, на что было нацелено в том числе и заключение Консульской конвенции.

Российско-македонские отношения не претерпели изменений в период президентства Б. Црвенковского (в 2004–2009 гг.), представителя Социал-демократического Союза Македонии (далее – СДСМ) и Г. Иванова (2009–2019 гг.), представителя ВМРО-ДПМНЕ. В 2008–2016 гг. был заключен ряд договоров: об условиях взаимных поездок граждан двух государств (что стало основой для введения безвизового режима посещения Республики Македонии российскими гражданами); о сотрудничестве в культурной сфере; в области железнодорожного транспорта; о взаимном признании ученых степеней. Планомерное укрепление партнерских отношений сопровождалось в 2015–2016 гг. встречами и консультациями вплоть до уровня министров иностранных дел, в ходе которых было подчеркнуто неприятие дестабилизирующих внутреннюю обстановку событий и указано на необходимость отражения террористических и экстремистских угроз¹⁵⁴, исходящих из Косово. Выражая поддержку законной власти, российская сторона традиционно указывала и на влияние извне на оппозиционные силы в балканской республике в 2015–2017 гг.¹⁵⁵. Иными словами, Москва однозначно трактовала оппозиционные выступления в РМ в соответствии с контекстом ухудшения собственных отношений с Западом. Показательна оценка европейскими и российскими СМИ событий в Куманово в мае 2015 г., когда в

¹⁵⁴ О консультациях заместителя Министра иностранных дел России А.Ю. Мешкова с заместителем Министра иностранных дел Македонии Д. Киприяновской, 08.06.2015. [Электронный ресурс] URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1404017. (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁵⁵ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с ситуацией в Республике Македонии от 14.04.2016. [Электронный ресурс] URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2233994. (дата обращения: 14.06.2022).

результате спецоперации македонской полиции было ликвидировано 14 албанских сепаратистов: европейская пресса трактовала это как очередной эпизод межэтнического конфликта в РМ, вызванного слабостью правительства, в то время как российская сторона назвала действия МВД РМ антитеррористической операцией.¹⁵⁶

Нужно подчеркнуть, что РМ долгое время не присоединялась к экономическим санкциям против РФ, связанным с вхождением Крыма в состав Российской Федерации. Первые годы взаимодействия Скопье и Москвы после объявления санкций против РФ отмечены стремительным увеличением объема российских инвестиций в экономику македонской республики, что является весьма показательным обстоятельством¹⁵⁷. Лишь в 2021 г., в контексте сближения с ЕС, македонская сторона присоединилась к санкциям, наложенным на РФ в связи с делом А. Навального¹⁵⁸. Несмотря на сближение Скопье с НАТО и ЕС в пост-охридский период, в самой РМ сохранялось недовольство проводимым курсом, что обусловило появление пророссийских лозунгов и симпатий (главным образом, в консервативных кругах).

Помимо дипломатического сотрудничества, особое место в отношениях Скопье и Москвы занимает экономическое взаимодействие. Важно отметить заключение в 2010 г. Соглашения об урегулировании обязательств бывшего СССР по расчетам, связанным с товарооборотом между бывшим СССР и бывшей СФРЮ, согласно которому, Республика Македония вправе рассчитывать на получение от Российской Федерации суммы в 60 млн долларов США или товаров, эквивалентных данной сумме. Данное соглашение так же, как и Соглашение о

¹⁵⁶ Сорокин Д.А. «Турецкий поток» как элемент политического кризиса Македонии. // Власть. №4. 2017. С. 74.

¹⁵⁷ См. Народна банка на Република Северна Македонија. [Электронный ресурс]. URL: https://nbstat.nbrm.mk/pxweb/en/Eksterni%20statistiki/Eksterni%20statistiki__Direktni%20investicii__Direktni%20investicii%20-%20Sostojbi/8_SostojbaDIVoRMPoZemjiSporedVrednostUcestvoEN.px/table/tableViewLayout1 (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁵⁸ МИД прокомментировал присоединение ряда стран к санкциям ЕС против России. 01.04.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20210401/sanktsii-1603837937.html>. (дата обращения: 14.06.2022).

военно-техническом сотрудничестве 2003 г., повторяет проекты экономической помощи македонскому государству с российской стороны, которые были не реализованы в 1990-е гг. В топливно-энергетической сфере в 2005 г. был заключен меморандум между Правительством Республики Македонии и российской компанией «ЛУКОЙЛ», предусматривающий поставки топлива в македонское государство и строительство автозаправочных станций «ЛУКОЙЛ». Этот контракт стал одним из самых успешных экономических проектов российских корпораций на Балканах¹⁵⁹. В связи с этим особую важность представляет и вовлечение Республики Македонии в энергетические проекты Российской Федерации, связанные с поставками газа в Европу. Речь идет о строительстве газопроводов «Южный поток» и «Турецкий поток». Первый проект, «Южный поток», был запущен в 2012 г. и предусматривал транзит газа из России в Европу через Болгарию, Сербию, Венгрию, Словению и Грецию. В 2013 г. было заключено соглашение о строительстве газопровода-отвода в Республику Македонию¹⁶⁰ (не вступило в силу), что позволило бы македонской стороне получать топливо напрямую, не испытывая зависимость от стран-транзитеров. Однако позиция ЕС и его членов относительно вхождения Крыма в состав РФ в 2014 г. привела к приостановке проекта.

Тем не менее, когда в начале 2015 г. российская и турецкая стороны согласовали новый проект газопровода – «Турецкий поток», заинтересованность в нем в апреле того же года проявили Венгрия, Греция, Сербия и Республика Македония¹⁶¹. Устойчивый интерес к энергетическим проектам со стороны македонского государства позволяет говорить о перспективах усиления

¹⁵⁹ Смирнов П.А. Македония и Россия после «Рамочных» соглашений: укрепление сотрудничества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 1. С. 193.

¹⁶⁰ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Македонии о сотрудничестве при создании газопровода-отвода для поставок газа в Республику Македонию от 23.07.2013. [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/499043399>. (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁶¹ Попоски на министерски состанок посветен на прашања за енергетската стабилност во Будимпешта. [Электронный ресурс] URL: <https://vlada.mk/node/10419>. (дата обращения: 14.06.2022).

российского экономического влияния в регионе, тем более что в рамках Соглашения об урегулировании обязательств бывшего СССР уже в 2016 г. российской стороной был возведен 61-километровый газопровод по северо-восточной части македонской республики от г. Ключовце до г. Штип¹⁶².

Однако экономические перспективы могут быть скорректированы по мере продвижения македонского государства в направлении членства в ЕС; к примеру, после 2016 г. наблюдается ежегодное снижение объемов товарооборота между Москвой и Скопье¹⁶³ с однократным возрастанием в 2020 г.¹⁶⁴. Политико-дипломатические контакты РФ и РСМ также испытывают на себе влияние евроатлантического фактора внешней политики македонского государства, что не позволяет сделать однозначный прогноз относительно будущего российско-македонских отношений. Иллюстрацией некоторого охлаждения является взаимная высылка дипломатов в 2021 г., а также имеющиеся в прессе предположения (со ссылкой на данные македонской контрразведки) о вербовочной деятельности российских дипломатических служб на территории РМ в 2008-2017 гг.¹⁶⁵ и финансировании оппозиционных сил в РМ в 2017 г. представителями российских финансовых элит¹⁶⁶.

В завершение можно сделать вывод о существующей значимости российско-македонских отношений для обоих государств и о непредсказуемости их дальнейшего развития. После 2001 г. наблюдался поиск «точек

¹⁶² АО «Стройтрансгаз» завершило строительство газопровода в Македонии. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ngv.ru/pr/ao-stroytransgaz-zavershilo-stroitelstvo-gazoprovoda-v-makedonii/>. (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁶³ См. Внешняя торговля России. Динамика торговли России с Македонией в 2010 - 2017 годах. [Электронный ресурс] URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2018-03/dinamika-torgovli-rossii-s-makedoniyev-v-2010-2017-godah>. (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁶⁴ См. Внешняя торговля России. Торговля между Россией и Македонией в 2020 г. [Электронный ресурс] URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiei-i-makedoniyev-v-2020-g>. (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁶⁵ Belford A., Cvetkovska S., Sekulovska B., Dojcinovic S. Leaked Documents Show Russian, Serbian Attempts to Meddle in Macedonia. [Электронный ресурс] URL: <https://www.occrp.org/en/spooksandspin/leaked-documents-show-russian-serbian-attempts-to-meddle-in-macedonia>. (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁶⁶ За беспорядками в Македонии стоит российский бизнесмен. [Электронный ресурс] URL: <https://www.occrp.org/ru/investigations/8329-russian-businessman-behind-unrest-in-macedonia>. (дата обращения: 14.06.2022).

соприкосновения» РФ с РМ в свете отношений Скопье с ЕС и НАТО. Отмечается поддержание экономического взаимодействия, реализуются проекты, не состоявшиеся в 1990-е годы, в частности, в нефтяной сфере. Расширяется дипломатическое присутствие Российской Федерации – открыто консульство в г. Битоле. Для Скопье сотрудничество с РФ имеет немаловажное значение в русле той линии, которую македонская республика избрала в своей внешней политике – роли перекрестка межконтинентальных связей¹⁶⁷, что подразумевает развитие всех внешнеполитических контактов с сохранением приоритета, которым для Скопье является евроатлантическая интеграция. Подтверждением этому служит тот факт, что в 1999 г. помимо сил НАТО, македонская сторона обеспечила пребывание и транзит через свою территорию подразделений ВДВ РФ для участия в миротворческой операции в Косово¹⁶⁸. Также нельзя забывать и о долгом периоде неприсоединения Скопье к санкциям против РФ в 2014-2021 гг.

Для России отношения с македонской республикой являются логичным продолжением традиционно покровительственной балканской политики, вектор которой был направлен на Болгарию и Сербию¹⁶⁹, но охватывал и иные государства региона. Данная политика получила развитие после 1999 г. в контексте усиления позиций НАТО на Балканах. Несмотря на невозможность установления геополитического влияния, российская сторона активно внедряет свои энергетические проекты, что позволяет сохранить присутствие в регионе¹⁷⁰. Показателем прочности позиций РФ в РСМ может послужить статистика, приведенная в сообщении Европейского агентства по сотрудничеству в области энергетического регулирования (ACER): по состоянию на начало 2022 г. македонская республика полностью зависела от импорта газа из РФ¹⁷¹. В свою

¹⁶⁷ Бела книга на одбраната. С. 17.

¹⁶⁸ Воздушный десант отправится в Косово морем. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/221251>. (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁶⁹ Интервью П. Лазаревского П. Смирнову. 19.11.2021-18.01.2022. // из личного архива.

¹⁷⁰ Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. С. 329.

¹⁷¹ См. Maqedonia është e varur 100 përqind nga gasi rus. [Электронный ресурс] URL:

очередь, в актуальных для Скопье вопросах идентичности российская сторона неизменно оказывала поддержку македонской республике¹⁷².

Анализируя риторику российского МИД относительно внутриполитического положения македонской республики можно предположить, что резкие оценки вызваны проекциями российского негативного опыта борьбы с сепаратистскими движениями в Чечне. Выступления радикальных экстремистских элементов в РМ, исповедующих ислам, в восприятии Москвы имеют очевидные аналогии с чеченским терроризмом и оцениваются как безусловная угроза суверенитету государства. А не прямое участие третьих сил в конфликте, по аналогии с Чеченскими войнами, добавляет в риторику российского МИД явную антиамериканскую составляющую.

В данный момент возможное вступление РСМ в ЕС и существующая напряженность в отношениях между РФ и Европейским Союзом (к этому можно также добавить и кризис в диалоге Москвы и НАТО) делают перспективы российско-македонских контактов весьма неоднозначными. В условиях пандемии COVID-19 и в интересах национальной безопасности македонское руководство закономерно нацелено на взаимодействие с теми акторами, кто может предоставить гарантии безопасности, и ЕС и НАТО являются ими в большей степени, чем РФ. Тем не менее, перспективу «евразийского поворота» во внешней политике РСМ (и иных государств региона) нельзя исключать¹⁷³.

Резюмируя все вышесказанное, можно отметить, что «албанский вопрос» оказал значительное влияние на внешнюю политику Скопье, из сугубо внутреннего став межгосударственным и общерегиональным; добавление в повестку внешней политики албанского фактора и необходимость принимать во внимание положение албанского меньшинства в процессе построения отношений

<https://telegrafi.com/macedonia-eshte-e-varur-100-perqind-nga-gazi-rus/>. (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁷² Баздникин: Русија безусловно ги признава македонскиот јазик и историја. [Электронный ресурс] URL: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/31683265.html>. (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁷³ Интервью П. Лазаревского П. Смирнову. 19.11.2021-18.01.2022. // из личного архива.

как с соседями, так и с крупными акторами международных отношений, ярко свидетельствует о нараставшей этнополитизации внешних отношений македонской республики – процессе, характерном для многих балканских государств и имевшем свою специфику в македонской республике.

ГЛАВА 3. РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НА БАЛКАНАХ И ГРЕКО-МАКЕДОНСКИЙ СПОР О НАЗВАНИИ

3.1. Внешнеполитическая деятельность Республики Северной Македонии по разрешению «спора о названии»

После объявления независимости во внешнеполитической деятельности РМ сразу обнаружились некоторые проблемные места. Одной из таких проблем стало оспаривание Грецией конституционного названия Республики Македонии, которое, расценивалось Афинами как угроза своей территориальной целостности. В результате, устанавливая дипломатические отношения с македонской республикой, многие государства вынуждены были ориентироваться на позицию Греции. В свою очередь, урегулирование спорного вопроса с Грецией стало бы для РМ ключом от дверей в ЕС и НАТО, членом которых является Греция, использовавшая свое право вето на принятие новых членов.

Если обращаться к истокам противоречий Афин и Скопье, то нужно подчеркнуть, что дискуссия между греческой и македонской республикой относительно исторического права на название «Македония» существовала с момента образования социалистической Македонии в составе Югославии в 1944 г., но не имела столь острого характера, как после 1991 г. Причины противоречий возникли в период накануне Первой мировой войны, когда за территории современной Республики Македонии, которые были населены этническими славянами, разгорелась борьба между Грецией, Сербией и Болгарией. Каждая из сторон подкрепляла свое право на историческую область (подчеркнем, что данная область, за которую шла борьба в конце XIX-начале XX вв., лишь частично соответствовала территориям Античной Македонии, большая часть которых находилась в составе Греции), апеллируя к культурной идентичности местного населения – греческой, сербской или болгарской, в зависимости от того,

кто предъявлял права. При этом Сербия опиралась на православно-славянскую идею, болгарское влияние с политической точки зрения было наиболее эффективным – с помощью Софии создавались революционные комитеты, позже ставшие Внутренней Македонской Революционной Организацией (ВМРО) и символом славянской борьбы против османизма. В свою очередь, греческая сторона развивала идею «македонизма»¹⁷⁴, согласно которой местное славянское население является носителем греческой культуры, несмотря на славянское происхождение и язык (попутно греческое влияние было нацелено на достижение компромисса с османскими властями). Греческая пропаганда, призванная, в первую очередь, нейтрализовать влияние Болгарии, подкреплялась созданием множества образовательных учреждений на македонской территории¹⁷⁵, что имело сильный «отсроченный» эффект. Данный эффект проявился в процессе формирования македонской идентичности, происходившего в течение XX века и получившего импульс после Второй мировой войны, когда Республика Македония обрела свою государственность в составе социалистической Югославии. Идея «македонизма», служившая инструментом усиления греческого влияния в регионе в начале века, парадоксальным образом объединилась с революционно-освободительной идентичностью ВМРО и была поддержана в новой республике, возникшей после Второй мировой войны и нуждавшейся в историческом обосновании и объяснении своего существования.

Нужно отметить, что в составе Греции также существует административная область Македония, включающая в себя часть территорий античной Македонии. Это этно-топонимическое противоречие не получило острого характера в период существования СФРЮ, что во многом объясняется советско-югославским конфликтом 1948-1953 гг., в результате которого И. Броз

¹⁷⁴ Димитров Д. Културата на идентитетот. Скопје: Макавеј, 2010. С. 98.

¹⁷⁵ Dakin D. The Unification of Greece, 1770-1923. London: Benn, 1972. P. 161.

Тито проводил самостоятельную внешнюю политику, включавшую в себя договор о дружбе с Грецией и Турцией. В целом дружественные отношения Греции и СФРЮ были тем сдерживающим фактором, не позволившим обостриться «македонскому вопросу» до 1991 г.

Однако в ходе распада социалистической Югославии греческая сторона вернулась к спорному вопросу, заняв непримиримую по отношению к Республике Македонии позицию недопустимости применения топонима «Македония» для негреческих территорий. Примечательно, что в самой Греции подобная позиция подчас вызывала критику ученых, указывающих на то, что слово «Македония», равно как и сам географический термин, не являются монополией Греции¹⁷⁶. Тем не менее, официальные Афины считали иначе¹⁷⁷. Более того, в греческой печати высказывались опасения относительно турко-македонского ирредентизма, который может лишить Греции части ее территорий¹⁷⁸. Подобные настроения иллюстрируют застарелые обиды греческого общества и государства и маркируют главных врагов в период дестабилизации, вызванной распадом СФРЮ. Прочные связи Анкары и Скопье лишь добавляли тревоги в Афинах.

Несмотря на решение Арбитражной Комиссии ЕЭС по Югославии (так называемой «Комиссии Бадинтера»), которая в январе 1992 г. рекомендовала признать независимость Республики Македония¹⁷⁹, вопрос о названии македонского государства оказал влияние на выработку критериев Комиссией Бадинтера, так как в них содержались требования об отказе от прав на территории соседних государств, включая применение названия государства, которое

¹⁷⁶ См., например: Macedonia. A Greek term in modern usage. Thessaloniki, 2005. P. 89.

¹⁷⁷ Το Ζήτημα του Ονόματος της Βόρειας Μακεδονίας // Ελληνική Δημοκρατία - Υπουργείο Εξωτερικών. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mfa.gr/to-zetema-tou-onomatos-tes-boreias-makedonias>. (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁷⁸ Marolov D. The relations between Macedonia and Greece in the context of the name issue // Balkan Araştırmaları Enstitüsü Dergisi. Vol. 2. № 1. July 2013. P. 25.

¹⁷⁹ Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000). М.: Русское право, 2001. С. 617.

подразумевает территориальные претензии¹⁸⁰. Тем не менее, несмотря на первоначальное решение, ЕЭС в лице своего высшего политического органа – Европейского Совета – в июне 1992 г. обнародовало Лиссабонскую декларацию, в которой признание Республики Македонии допускалось только в случае исключения из названия слова «Македония»¹⁸¹. Данное решение позволяет предполагать о значительном греческом участии¹⁸² в принятии Лиссабонской декларации Европейского Совета, после которого РМ пришлось прикладывать усилия для вступления в международные организации. Очевидно, что и суверенные государства, и международные организации, устанавливая отношения с Республикой Македонией, принимали во внимание позицию Греции. После ряда поправок и оговорок (согласно которым наименование «Бывшая Югославская Республика Македония» было признано временным¹⁸³), македонское государство вошло в состав ООН как БЮРМ. Попытки тогда же (одновременно с вступлением в ООН) установления отношений с США – еще одним крупным актором международных отношений – не увенчались успехом, так как американская дипломатия не желала портить отношения с Грецией¹⁸⁴. После вступления в ООН одной из главных задач македонской внешней политики стала стабилизация взаимоотношений с Грецией. Иными словами, македонской республике было необходимо решить вопрос о названии.

Однозначная позиция Греции по вопросу наименования македонского государства делала невозможным поиск компромиссов. Аналогичную позицию

¹⁸⁰ Kofos, E. Greece's Macedonian Adventure: The Controversy over FYROM's Independence and Recognition. 1999. [Электронный ресурс] URL: http://www.myriobiblos.gr/texts/english/kofos_adventure_3.htm. (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁸¹ European Council in Lisbon 26-27 June 1992. Conclusions of the Presidency. P. 47.

¹⁸² Поскребышева Е.С. Охридские соглашения по Македонии в контексте этноконфессиональной политики Евросоюза // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2013. № 5 (1). С. 321.

¹⁸³ United Nations. General Assembly. A/RES/47/225. 98th plenary meeting. 8 April 1993. Admission of the State whose application is contained in document A/47/876-S/25147 to membership in the United Nations. // United Nations. [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gr/images/docs/fyrom/resolution_unga_225_1993.pdf.

¹⁸⁴ Киясов А.С. Политика «признания/непризнания»: американские интересы на Балканах на начальном этапе югославского кризиса (1991–1992 гг.). // Ученые записки Казанского Государственного Университета. 2010. Т. 152. Кн.3. Ч.1. С. 251.

занимало и македонское правительство, провозглашая невозможность каких бы то ни было уступок в вопросе о названии. Примечательно, что и в научной среде РМ данный вопрос воспринимался болезненно, а вступление в ООН под временным названием расценивалось как противоречащее нормам международного права¹⁸⁵.

Наибольшего напряжения греко-македонский конфликт (который, к счастью, не принял вооруженный характер) достиг в 1994 г., когда греческая сторона ввела запрет на транзит негуманитарных товаров, направляемых в Республику Македонию¹⁸⁶. Также из Афин прозвучали обвинения в адрес РМ как источника контрабанды и производства наркотиков в регионе¹⁸⁷. Двумя годами ранее, в 1992 г., греческая сторона наложила эмбарго на транспортировку нефти в РМ¹⁸⁸, что имело крайне неблагоприятный эффект для молодой македонской экономики. Еще одним острым моментом в период конфронтации стали неоднократные военные учения армии Греции, проходившие близ границы с РМ¹⁸⁹. Демонстрация военной силы существенно снижала возможность прямого диалога двух республик.

Подобные настроения греческих политических элит можно анализировать в русле теории секьюритизации, когда маркировка внешней угрозы суверенитету (в лице РМ) требовала чрезвычайных мер экономического и политического характера. Анализ резкой риторики Афин позволяет сделать предположение о напряжении политических элит Греции, связанном с экономическими проблемами внутри государства; дипломатическая конфронтация с северным соседом могла быть призвана переключить внимание граждан на внешние вопросы. Напротив, сдержанная и подчеркнуто нейтральная риторика

¹⁸⁵ Интервью П. Лазаревского П. Смирнову. 19.11.2021-18.01.2022. // из личного архива.

¹⁸⁶ The Macedonian Question Today. [Электронный ресурс] URL: <http://www.macedonian-heritage.gr/HellenicMacedonia/en/A4.4.2.3.html>. (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁸⁷ Marolov D. The relations between Macedonia and Greece in the context of the name issue. P. 27.

¹⁸⁸ Тунтев А. Република Македонија. Прва декада (1990-1999). Скопје, 2005. С. 260.

¹⁸⁹ Marolov D. The relations between Macedonia and Greece in the context of the name issue. P. 29 .

македонского руководства (например, в обращении президента Глигорова в сентябре 1993 г.¹⁹⁰), исключающая возможность какого-либо конфликта, свидетельствует об уверенности и последовательности македонского руководства в диалоге с Афинами.

Осенью 1995 г. при посредничестве ООН было заключено Временное соглашение между Грецией и Республикой Македонией. Согласно данному документу, Республика Македония обязывалась изменить свой флаг (убрав из него символы, имеющие отношение к греческой идентичности) и некоторые положения Конституции, в то время как греческая сторона снимала торговое эмбарго и обязывалась не препятствовать дальнейшему вхождению Республики Македонии в международные организации¹⁹¹. Однако, главный вопрос – о наименовании республики – решен не был.

Что подтолкнуло оба государства к этому решению? Одной из ключевых причин, побудивших греческую и македонскую республики пойти навстречу друг другу, можно назвать боевые действия в Боснии и Герцеговине, грозившие распространиться на весь Балканский регион, а также политика сербского руководства, вставшего на путь конфронтации с США и странами НАТО. Греция, установив отношения с Республикой Македонией, в ее лице приобретала «буфер», защищающий от нестабильных Сербии и БиГ, в то время как Республика Македония, наконец, могла рассчитывать на защиту НАТО (участником которого являлась Греция, имевшая право вето на решения, принимаемые альянсом) вплоть до размещения военного контингента на территории республики¹⁹².

Необходимо добавить, что заключение Временного соглашения позволило

¹⁹⁰ Македония. Путь к самостоятельности. С. 204.

¹⁹¹ Greece and The Former Yugoslav Republic of Macedonia Interim Accord (with related letters and translations of the Interim Accord in the languages of the Contracting Parties). P. 6-7. [Электронный ресурс]. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/MK_950913_Interim%20Accord%20between%20the%20Hellenic%20Republic%20and%20the%20FYROM.pdf.

¹⁹² Пономарев Е.Г. Новые государства на Балканах. М.: изд-во МГИМО (У) МИД РФ, 2010. С. 123.

Республике Македонии также вступить в ОБСЕ, в Совет Европы и, наконец, установить дипломатические отношения с Грецией. Достигнув политического баланса в отношениях с соседним государством, македонская республика могла также выстраивать и экономические отношения с Афинами: греческий бизнес активно скупал македонские компании¹⁹³, а инвестиции Греции в экономику македонского государства в 1997-2001 гг. выросли от 4 до 175 млн евро¹⁹⁴.

Касаясь периодизации греко-македонского спора о названии, который после заключения Временного соглашения несколько утратил остроту, можно привести предложенные Л.Д. Фрчковским временные рамки¹⁹⁵, в которые мы внесли некоторые изменения.

Первый этап противоречий можно ограничить 1991-1992 гг., когда конфликт был в неявной фазе: от провозглашения македонской республикой своего суверенитета в сентябре 1991 г. до Лиссабонской декларации Совета Европы в июне 1992 г., когда греческая сторона своим давлением повлияла на неприятие Республики Македонии в ЕЭС, что потребовало скорректировать внешнеполитический курс нового государства и обнажило остроту конфликта. Второй период спора – 1992-1995 гг., наиболее острый, в ходе которого Республика Македония под временным названием входит в ООН, испытывает экономическую блокаду со стороны Греции и заключает Временное соглашение с греческой стороной, что не соответствует ожиданиям обеих сторон, но позволяет «перевести дух». После обострения конфликта наметились тенденции к сближению двух сторон и поиску компромиссов. Заключение Временного соглашения с Грецией значительно улучшило внешнеполитическое положение РМ. Третий этап ограничивается 1995-2008 гг., в ходе которого Республика

¹⁹³ Marolov D. The relations between Macedonia and Greece in the context of the name issue. P. 30.

¹⁹⁴ См. Народна банка на Република Северна Македонија. [Электронный ресурс]. URL: https://nbstat.nbrm.mk/pxweb/en/Eksterni%20statistiki/Eksterni%20statistiki__Direktni%20investicii__Direktni%20investicii%20-%20Sostojbi/8_SostojbaDIVoRMPoZemjiSporedVrednostUcestvoEN.px/chart/chartViewColumn/ (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁹⁵ Frckoski D.L. The character of the name dispute between Macedonia and Greece. Scopje, 2009. Pp. 11-13.

Македония начинает сотрудничество с НАТО и ЕС и прочно интегрируется в мировую экономическую и политическую систему, но спор о названии разгорается вновь на саммите НАТО в Бухаресте, когда решался вопрос о вступлении балканской республики в данную организацию. И, наконец, четвертый этап, 2008-2018 гг., отмечен переходом спора в завершающую фазу, когда при посредничестве ООН стороны выработали условия соглашения, по которому Республика Македония изменила свое название.

Говоря о периоде между заключением Временного соглашения и Бухарестским саммитом НАТО, нужно указать на стабилизацию отношений с Грецией и временное вытеснение «греческого» вопроса из внешней политики Скопье. Помимо усиления экономических контактов с Грецией, македонская сторона получает неожиданного посредника в виде греческого духовенства в церковном споре с Сербией¹⁹⁶ (подробнее об этом в главе 4). Контакты македонского и греческого правительств были наиболее интенсивными сразу после подписания Временного соглашения, когда были заключены соглашения об открытии офисов связи в Афинах и Скопье, а также проведен ряд встреч вплоть до уровня президентов республик¹⁹⁷. Однако, в конце 2004 г. по инициативе греческой стороны, греко-македонские политические контакты были сведены к минимуму, что можно связать с подачей заявки РМ на членство в ЕС и началом переговорного процесса структур Евросоюза с РМ. После этого в греко-македонских отношениях вновь, как и до 1995 г., начинает действовать посредник – ООН – в лице специального представителя генерального секретаря организации М. Нимица. Организованные им двусторонние встречи завершились безрезультатно, а главным событием данного периода стал саммит НАТО в Бухаресте в 2008 г., на котором рассматривалась заявка Республики Македонии

¹⁹⁶ Vlasidis V. We and the others: Greece's image in FYROM's press and education system (1995–2002) // Athens-Skopje: An Uneasy Symbiosis, 1995-2002 / Ed. Kofos E. Athens: Papazisis Publishers, 2003. P. 283.

¹⁹⁷ Βόρεια Μακεδονία // Ελληνική Δημοκρατία - Υπουργείο Εξωτερικών. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mfa.gr/blog/dimereis-sheseis-tis-ellados/north-macedonia/> (дата обращения: 14.06.2022).

на вступление в НАТО. Соответствуя критериям членства, РМ была официально приглашена ко вступлению в данную организацию, которое должно было состояться в апреле 2008 г. на саммите в Бухаресте. Однако, оно не состоялось по причине наложенного Грецией вето. Причины греческого вето вполне понятны и очевидны: после «заморозки» отношений в 2004 г. македонское руководство стало постепенно проводить политику антиквизации, которая включала в себя переименование крупных инфраструктурных объектов, таких как международный аэропорт и центральный стадион в Скопье, в честь античных македонских царей Александра и Филиппа, соответственно. Пик этой политики пришелся на первый срок нахождения у власти консервативных деятелей из ВМРО-ДПМНЕ в 2008-2012 гг., когда начал реализовываться амбициозный проект «Скопье-2014». Разочарование, вызванное непопаданием в НАТО, стимулировало рост консервативных настроений в обществе и правых тенденций в политической жизни РМ. В подобных условиях возможность конструктивного диалога с Грецией сводилась к нулю.

Последний этап спора о названии начался после саммита в Бухаресте. Руководство македонской республики столкнулось с необходимостью проведения шагов навстречу Греции, с помощью которых можно было завершить процессы интеграции в ЕС и НАТО. Сначала, весной 2008 г., были предприняты попытки поиска компромисса на ряде двусторонних встреч с участием М. Нимица, однако результата они не принесли. Македонской стороной в 2011 г. был подан иск в Международный Суд в Гааге о правомерности применяемого Грецией права вето на вступление в ЕС и НАТО, поскольку это нарушает основные положения Временного соглашения, согласно которым греческая республика обязывалась не препятствовать вступлению македонского государства в международные организации. Примечательно, что иск был

удовлетворен¹⁹⁸, и Греции было рекомендовано провести переговоры с Республикой Македонией при посредничестве представителя ООН. В 2012-2014 гг. состоялся ряд визитов македонских руководителей (представителей Собрания) в Грецию и встречи министров иностранных дел двух республик, что свидетельствовало о некоторой заинтересованности в разрешении спорного вопроса. Дополнительный импульс переговорам был придан в феврале 2014 г., когда резолюция Европарламента указывала на необходимость начала переговоров с Республикой Македонией о вступлении в ЕС в независимости от разрешения спора с Грецией. После этого стороны перешли к обсуждению возможного названия македонского государства. Решение данного вопроса напрямую зависело от радикализма правящих в обеих республиках партий (тем более, что в самой Македонии в 2015 г. зрело недовольство правительством, «замедляющим» процесс евроатлантической интеграции¹⁹⁹). Этим объясняется несколько затяжной характер переговоров о названии, которые вышли на завершающий этап в 2017 г., победы на выборах в РМ европейски ориентированной партии СДСМ и назначения З. Заева премьер-министром. Из предложенных проектов названия – «Вардарская Македония», «Верхняя Македония», «Северная Македония» – был выбран последний, который, согласно заявлению З. Заева в июне 2018 г., и являлся приоритетным²⁰⁰. Примечательно, что в интеллектуальной среде в РМ предлагался вариант «Европейская Македония»²⁰¹, что вполне отражает представления македонских граждан о себе

¹⁹⁸ МСП пресуди дека Грција ја прекршила Времената спогодба // Министерство за надворешни работи. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mfa.gov.mk/en/page/385/post/66/mps-presudi-deka-grcija-ja-prekrsila-vremenata-spogodba>. (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁹⁹ Gusheva S. Parliamentary Scrutiny: Practice in the Republic of Macedonia. // Balkan Social Science Review. 2015. Vol. 5. P. 147.

²⁰⁰ Македонија прифати ново име – ерга омнес, а Грција македонски идентитет и јазик. // Нова Македонија. Првиот македонски дневен весник. [Электронный ресурс] URL: <https://www.novamakedonija.com.mk/makedonija/politika/%D0%BC%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%98%D0%B0-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%84%D0%B0%D1%82%D0%B8-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE-%D0%B8%D0%BC%D0%B5-%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B0-%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%B5/> (дата обращения: 14.06.2022).

²⁰¹ Stojanovski S., Marolov D., Ananiev J. Macedonian Question Reframed: Politics, Identity and Culture in Republic of Macedonia // Balkan Social Science Review. 2014. Vol. 4. P. 313.

как о европейской нации.

При участии ООН сторонам в 2018 г. удалось достичь компромисса²⁰². Изменив свое название на Республику Северную Македонию, балканское государство наконец сумело изъять греческий вопрос из своей внешнеполитической повестки. Греко-македонские контакты стали полноценным партнерством, открылись посольства, а все спорные названия объектов и памятников в РСМ были изменены. После ратификации Преспанского соглашения греческая сторона стала последовательно поддерживать евроатлантическую политику РСМ.

Говоря о греко-македонском споре о названии, нельзя не затронуть вопрос региональной безопасности и попытаться спроецировать конфронтацию двух государств на систему отношений акторов в Западных Балканах. Безопасность региона, в котором геополитическая обстановка постепенно меняется в сторону стабилизации и консолидации, напрямую зависит от интеграции государств региона в евроатлантические организации. Однако данный процесс сопряжен с разрешением ряда вопросов и демонстрирует проблемы, требующие разрешения внешнеполитическими средствами каждого государства региона, в том числе, македонской республики. Одной из таких проблем является этнополитизация межгосударственных отношений, вылившаяся в длительный спор о названии между Афинами и Скопье; второе проявление этнополитизации заключается в напряженных отношениях Софии и Скопье (подробнее в главе 4).

Говоря о споре с Грецией по вопросу наименования македонского государства, необходимо подчеркнуть какой «фон» был у этого спора. Если обращаться к периодизации, указанной выше, то в первый и второй периоды

²⁰² The Final Agreement for the settlement of the differences as described in the UN Security Council resolutions 817 (1993) and 845 (1993), the termination of the Interim Agreement of 1995 and the establishment of a Strategic Partnership between the two Parties. P. 2. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mfa.gr/images/docs/eidikathemata/agreement.pdf>. (дата обращения: 14.06.2022).

греко-македонских разногласий, в 1991-1995 гг. говорить о региональной безопасности не приходится ввиду боевых действий в Хорватии и Боснии и Герцеговине. В этот наиболее кризисный для региона период македонское государство, как и остальные республики, искало возможности получить гарантии безопасности за счет сотрудничества с ЕС и НАТО. Из-за позиции Греции этого достичь не удавалось вплоть до подписания Временного соглашения. То есть, мы можем видеть, как спор о названии влиял на положение как минимум одного государства в регионе; если оставить за скобками войну 1991-1995 гг., то одной из угроз безопасности можно было назвать и проводившиеся греческой стороной военные учения, явно нацеленные на получение уступок со стороны Скопье в вопросе о названии. Если же использовать положения теории комплексов региональной безопасности, согласно которой безопасность каждого актора находится в тесной связи с безопасностью другого²⁰³, то проблемы национальной безопасности БиГ явно и очевидно влияли на безопасность Македонии и косвенно Греции.

Период с 1995 г. по 2008 г. отмечен стабилизацией внешнеполитического положения македонского государства и относительным «успокоением» обстановки в регионе. Этому способствовало завершение боснийского конфликта, урегулирование косовского кризиса 1998 г., демократический транзит в СРЮ в 2000 г. и подписание Охридских соглашений. Включение РМ в программу «Партнерство ради мира» давало возможность теснее взаимодействовать с НАТО в вопросах обороны (повышение боеспособности македонской армии и консультации специалистов Североатлантического альянса) и некоторые гарантии в случае нарушения стабильности на Балканах. Однако можно ли говорить о достижении региональной безопасности на Балканах конкретно в 1995-1999 г.? Вряд ли, так как стабилизация положения в Хорватии и

²⁰³ Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. P. 44.

БиГ не гарантировала разрешения всех противоречий, примером чего и стал обострившийся в 1998 г. косовский вопрос. Очередной виток албано-сербского конфликта и последовавшая за этим операция НАТО против СРЮ продемонстрировали уязвимое положение региона и неспособность государств Балкан разрешить все противоречия без помощи извне. В этом контексте временное снижение остроты в споре о названии не улучшило положение. Участие НАТО и, в составе контингента Североатлантической организации, греческих сил в урегулировании конфликта 2001 г. в РМ свидетельствует о заинтересованности всех сторон в сохранении и поддержании безопасности в регионе. В общерегиональном контексте данный период отмечен созданием первой региональной организации (при участии США) – Адриатической хартии – и достижением некоторой политической однородности государств региона, что стало отражением процессов стабилизации, начатых на рубеже 1990-2000-х гг.

Но полностью однородным политическое пространство Балкан не стало: передовая во всех отношениях Словения уже в 2004 г. вошла в ЕС и НАТО, в то время как РМ только в 2005 г. добилась статуса кандидата на вступление в ЕС. Спорадические проявления нестабильности, выразившиеся в албано-македонском конфликте в 2001 г., пока еще не позволяют говорить о достижении региональной безопасности. Парадоксально, что начинающаяся интеграция государств региона в ЕС и установление хрупкой стабильности на Балканах после 2001 г. оказались под угрозой из-за возобновления спора о названии в 2004-2005 гг. Можно сказать, что некая «идея фикс» греческой внешней политики о недопустимости названия «Македония» (из-за чего Афины и заморозили контакты со Скопье, вновь заявив о своем возможном вето на вступление РМ в ЕС) в данный момент противоречила интересам абсолютно всех региональных и в меньшей степени внерегиональных акторов. После категорических заявлений

греческой стороны²⁰⁴ в разрешение вопроса о названии пришлось включиться ООН в лице специального посредника М. Нимица. Его работа продолжалась более 10 лет и зачастую осложнялась бескомпромиссным поведением как греческой, так и македонской стороны. С точки зрения региональной безопасности, РМ приняла логичное решение, признав осенью 2008 г. независимость Косово и вскоре став одним из его основных внешнеэкономических партнеров²⁰⁵. Период 2008-2018 гг. в общебалканском контексте был наиболее насыщенным и завершил многие процессы, начатые еще в 1991 г. К этому можно отнести провозглашение косовскими албанцами в одностороннем порядке независимости Косово. Этот шаг, признанный далеко не всем мировым сообществом, логично завершил дезинтеграционные процессы на постъюгославском пространстве, утолив, если можно так сказать, сепаратистские аппетиты албаноязычных групп в Сербии. Ранее было зафиксировано разделение Союзного государства Сербии и Черногории.

Несостоявшееся из-за наложенного Грецией вето вступление РМ в НАТО не устроило и само руководство Североатлантического альянса, рассчитывавшего закрепиться в Западных Балканах, приняв одновременно Загреб, Тирану и Скопье (показательно мнение некоторых конгрессменов США, прямо заявивших о том, что непринятие македонской стороны в НАТО подрывает интересы американского государства в регионе²⁰⁶). Как бы то ни было, македонскому руководству было необходимо окончательно решить вопрос о названии, и в его решении оказались также заинтересованы и крупные акторы – ООН и НАТО. В данный период (2008-2018 гг.) контакты с Грецией становятся эффективнее, но

²⁰⁴ Kofos E. The Macedonian Issue: Solid arguments, not «blackmail». [Электронный ресурс] URL: http://www.macedonian-heritage.gr/Opinions/BalkanDevelopments/comm_20050204Kofos.html. (дата обращения: 14.06.2022).

²⁰⁵ Miteva-Kacarski E. Analysis of the Trade Relations between Republic Of Macedonia and Republic of Kosovo // Journal of Economics. 2016. Vol. 1. № 1. P. 7

²⁰⁶ Menendez B., Snowe O. Macedonian quandary. [Электронный ресурс] URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2008/sep/24/macedonian-quandary>. (дата обращения: 14.06.2022).

при этом активизируется и восточное направление внешней политики, о чем свидетельствует ряд договоров военного и экономического характера, заключенных с РФ, а также упрочение культурных связей с Турцией. Непопадание македонской республики в НАТО заставило Скопье, пусть и с некоторым запозданием, взаимодействовать с другими центрами силы (локальными и глобальными) на случай изменения долгосрочной стратегии. Так, оживление контактов с Россией свидетельствует о возможной ориентации в сторону от НАТО; была выражена поддержка планов по созданию «Турецкого потока», реализация которых намечалась на 2015 г. Однако следует подчеркнуть, что контакты с РФ или Турцией не имели военно-политического подтекста; несмотря на решение Бухарестского саммита, по мнению македонской стороны гарантом безопасности в регионе являлось только НАТО.

Развитие войны в Сирии, ставшее угрожающим для Европы в целом и для Балкан в частности, вынудило как македонскую, так и греческую стороны искать пути для компромисса для скорейшей интеграции македонского государства в НАТО. С 2016 г. начинается период тесных контактов с Грецией по вопросу переименования македонского государства и отмечается готовность обеих сторон к поиску наиболее компромиссного варианта названия балканского государства. Фоном этому послужили волнения в Скопье 2015-2016 гг., направленные против консервативно-националистической партии ВМРО-ДПМНЕ, которая не разделяла идеи евроинтеграции в своей риторике. В период 2008-2018 гг. можно говорить о некотором установлении системы региональной безопасности, которой можно назвать участие большинства государств региона (в том числе, Греции и РМ) в различных организациях, в той или иной степени подконтрольных ЕС и НАТО – будь то Адриатическая хартия или Инициатива сотрудничества в Юго-Восточной Европе. Отмечается отсутствие крупных эпизодов дестабилизации; однако, сохранялась напряженность в отношениях с албанским меньшинством как в македонской республике, так и в Сербии, и в

Черногории, периодически выражавшаяся в вооруженных столкновениях с полицией государств.

Первым вызовом для региональной безопасности на Балканах по-прежнему остается экстремизм отдельных албаноязычных групп, поддерживающих контакты с ИГИЛ (организация запрещена в России). Компактно проживающие группы албанского населения в Северной Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговине, Греции и Сербии вполне могут стать благоприятной средой для распространения националистических идей, сочетаемых с исламским радикализмом. Немаловажен и вопрос беженцев с Ближнего Востока, в частности, из Сирии. После заявления Турции в 2020 г. об открытии границ с Евросоюзом для беженцев²⁰⁷ именно Балканы становятся заслоном, отделяющим поток сирийцев от попадания в Центральную и Западную Европу. Принимая во внимание тот факт, что радикальные исламские элементы зачастую проникают в европейский регион вместе с беженцами, задача сдержать этот поток встает перед балканскими государствами. Потенциальной угрозой безопасности Балкан является и большое количество беженцев, покидающих Афганистан после прихода к власти талибов (движение запрещено в России).

Также на сегодняшний день одной из главных угроз для региональной безопасности Балкан является продолжающаяся пандемия COVID-19, вынуждающая государства региона консолидировать усилия по борьбе с распространением инфекции и коллективно искать возможности скорейшего осуществления вакцинации своих граждан. Здесь нельзя не отметить факт безвозмездной передачи Северной Македонии нескольких тысяч доз вакцины из Сербии и Болгарии²⁰⁸. Помимо этого, сохраняются внутрирегиональные

²⁰⁷ Dimitriadi A. Refugees at the gate of Europe // ELIAMEP. Policy Brief No. 112/2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.eliamep.gr/wp-content/uploads/2020/04/Policy-brief-Angeliki-Dimitriadi-final-1.pdf> (дата обращения: 14.06.2022).

²⁰⁸ Борисов: Ситуацијата е наистина тежка, винаги сме готови да помогнем на Северна Македонија // Novini.bg: Sportal Media Group. 2020.3.12. [Электронный ресурс] URL: <https://novini.bg/bylgariya/politika/636406> (дата обращения: 14.06.2022).

противоречия, переходящие в активную фазу по мере приближения какого-либо государства региона к интеграции в ЕС или НАТО. В частности, болгарская сторона, несмотря на подписанный в 2017 г. Договор о дружбе, соседстве и кооперации с македонской республикой, выражала неприятие проводимой в Северной Македонии политики самоидентификации²⁰⁹. Позитивные изменения в данном вопросе можно ожидать в связи с избранием в РСМ и РБ новых правительств в конце 2021 г., возобновивших диалог. Также сохраняется напряженность и в косовском вопросе.

Говоря о перспективах региональной безопасности на Балканах, можно утверждать, что интеграция всех государств региона в ЕС и НАТО сведет к минимуму возможную нестабильность, так же, как и совместное участие в общерегиональных экономических проектах²¹⁰. Одним из примером тому служит достигнутая в 2015 г. договоренность Греции, Сербии, Венгрии и Македонии с Турцией по вопросу использования «Турецкого потока» после его запуска.

Резюмируя все вышесказанное, можно отметить, что «греческий вопрос» оказал значительное влияние на внешнюю политику РМ, из сугубо межгосударственного превратившись в общерегиональный; добавление в повестку внешней политики идентичностного фактора и необходимость принимать во внимание позицию Греции в процессе построения отношений как с соседями, так и с крупными акторами международных отношений, ярко свидетельствует о нараставшей этнополитизации внешних отношений македонской республики – процессе, характерном для многих балканских государств и имевшем свою специфику именно в РСМ. Греко-македонский спор о названии оказал влияние на процессы стабилизации на Балканах, став тормозом в процессе интеграции Северной Македонии в евроатлантические структуры. В

²⁰⁹ Головин Д. О., Скляр С. А. Новый македонский вопрос: современный этап развития // Международная аналитика. 2020. № 11 (2). С. 77.

²¹⁰ Смирнов П.А. Внешняя политика Северной Македонии и региональная безопасность на Балканах: проблемы и перспективы // Управленческое консультирование. 2021. №6. С. 115.

свою очередь, замедление евроатлантической интеграции Скопье явно сказывалось на региональной безопасности. Его разрешение позволило наконец македонской республике получить членство в НАТО и приблизиться к вступлению в ЕС, что удовлетворяет интересы всех сторон, но больше выгод и рисков несет именно для балканского государства. Вступление Северной Македонии в НАТО и готовящееся присоединение к ЕС являются все же не столь однозначными процессами, и перспективы македонского государства напрямую зависят от стабилизации обстановки в регионе. При этом затяжная конфронтация с Грецией имела и несколько положительных последствий для внешней политики РСМ, к которым относится укрепление связей с мусульманскими государствами – Турцией и Албанией, что имело особую важность в свете существования значительного албанского меньшинства в самой македонской республике. Еще одним важным последствием спора о названии можно назвать смену внутриполитической идеологии РСМ: длительный спор продемонстрировал бесперспективность консервативно-националистических лозунгов и попыток удревнить свою историю; напротив, подписание Преспанских соглашений и сближение с Грецией стало иллюстрацией либерального подхода к разрешению конфликтов без ущерба для чьей-либо идентичности.

3.2. Евро-атлантический вектор внешней политики Республики Северной Македонии

Вступление в ЕС и НАТО, как долгосрочная цель внешней политики Скопье, требовало разрешения ряда вопросов. Урегулирование длительного конфликта с Грецией приблизило македонское государство к вступлению в данные организации, но все же евроатлантический вектор внешней политики РСМ имеет определенные проблемные точки.

Не сумев сразу вступить в ЕС и НАТО, македонское руководство решило «идти в обход», подав заявку на вступление в ООН под своим конституционным

именем²¹¹. Однако это произошло с определенными оговорками, с одной стороны, не решавшими вопрос о названии, с другой стороны, легитимизирующими существование РМ в целом. Это было крайне необходимо в условиях общерегиональной дестабилизации и давало слабые надежды на выстраивание диалога с НАТО и ЕС. Импульс к этому был дан событиями в Боснии и Герцеговине, после которых интеграция балканских государств стала приобретать большее значение для Брюсселя. Вскоре после заключения Временного соглашения с Грецией Республика Македония присоединилась к программе НАТО “Партнерство ради мира”, что упрочило положение балканской республики и вовлекло ее в орбиту влияния Североатлантического альянса. Под этим мы подразумеваем, в первую очередь, поддержку официальным Скопье операции Североатлантического альянса против СРЮ в 1999 г. Примечательно, что во время операции в апреле 1999 г. (когда боевая авиация НАТО задействовала македонские аэродромы, а на территории республики разместился ограниченный военный контингент североатлантической организации) Республика Македония наконец получает статус кандидата в НАТО²¹². Высказывается мнение, что подобное решение македонской республики обернулось частичной утратой суверенитета²¹³, однако логичным представляется подобный выбор в свете нараставшей в 1998-1999 г. албанской проблемы. Подчеркнем, что конфликт 2001 г. македонской армии и ОНА был разрешен во многом благодаря действиям НАТО. После подписания Преспанского соглашения с Грецией македонское государство получило возможность стать членом Североатлантического альянса и Евросоюза.

Однако вступление в ЕС и НАТО требовало от македонского государства

²¹¹ Колосков Е.А. Страна без названия. С. 70.

²¹² НАТО – членство // Република Македонија. Министерство за надворешни работи. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mfa.gov.mk/page/7/nato-chlenstvo>. (дата обращения: 14.06.2022).

²¹³ Пономарева Е.Г. Суверенитет новых государств Юго-Восточной Европы: внутренние и внешние вызовы. С.160; Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. С. 20.

выполнения ряда условий и поставило другие, не менее острые, чем спор с Грецией, вопросы. В первую очередь, конфликтогенность этнических противоречий с албанским (как наиболее крупным) меньшинством в Северной Македонии являлась одной из проблем внутренней политики республики. Данные противоречия возникли не столько в силу «специфической иждивенческой сущности» албанского населения (как отмечается в некоторых исследованиях²¹⁴), сколько по причине непрерывности процесса «балканизации», заключающегося в дроблении государств Балканского региона и размывании их суверенитетов (например, Босния и Герцеговина) на основе легитимации административно-политических институтов всех этнических групп. Возможная эскалация конфликта чревата как ростом террористической активности в самой Северной Македонии, так и лавинообразным процессом «терроризации» соседних государств, где компактно проживает албанское меньшинство (Сербия, Черногория). Угроза терроризма отмечена как одна из основных в п.20 «Стратегической Концепции Оборона и Обеспечения Безопасности Членов Организации Североатлантического Договора»²¹⁵, что сближает интересы македонского государства и НАТО. Тот же вопрос более конкретно затрагивается в Глобальной стратегии Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности²¹⁶. В данном контексте нельзя не указать на сохраняющиеся устойчивые связи радикально настроенных исламских общин Сербии, БиГ, Косова с ИГИЛ (организация запрещена в РФ), члены которого возвращаются на Балканы²¹⁷. Наряду с этим соблюдение прав этнических меньшинств является одним из важнейших условий для вступления в ЕС как демократического

²¹⁴ Пономарева Е.Г. Новые государства на Балканах. С. 110.

²¹⁵ Active Engagement, Modern Defence. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organisation adopted by Heads of State and Government in Lisbon. [Электронный ресурс] URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_68580.htm. (дата обращения: 14.06.2022).

²¹⁶ Общее видение, единый подход: сильная Европа. С. 17. [Электронный ресурс] URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/feature_eu_global_strategy_full_text.pdf. (дата обращения: 14.06.2022).

²¹⁷ Бондарев Н.В., Бондаренко О.В., Искендеров П.А., Энтина Е.Г. Три сценария для Косово. [Электронный ресурс] URL: <https://balkanist.ru/tri-stsenariya-dlya-kosovo>. (дата обращения: 14.06.2022).

государства, поэтому македонское руководство должно было проявлять определенную гибкость в отношениях с албанскими гражданами. Следует подчеркнуть тот факт, что ни один эпизод политического кризиса 2015-2017 гг. в Македонии (в данном случае утверждается о преемственности событий мая, октября 2016 г. и апреля 2017 г.) не обходился без заявлений албанских партий о необходимости придания албанскому языку статуса второго государственного в республике – иными словами, албанский вопрос являлся и является неизменным спутником любой нестабильной ситуации как в самом македонском государстве, так и в Балканском регионе в целом. В данных условиях македонское руководство предприняло закономерный шаг, закрепив в Конституции в январе 2019 г. статус албанского языка как второго государственного²¹⁸. Однако нельзя прогнозировать полное исчезновение «албанского вопроса» в результате данного решения. Только равномерные демократические преобразования, затрагивающие интересы всех социальных групп, поспособствуют ускорению евроинтеграции государства, в чем заинтересованы как евроатлантические партнеры Республики Северной Македонии, так и само руководство государства.

Особую важность представляет экономическое состояние македонской республики. Участие в российско-турецких проектах в энергетической сфере и стабилизация экономических отношений с соседними республиками повысили привлекательность государства для европейских инвестиций. В XXI веке основными экономическим партнерами македонской республики являлись Сербия и страны ЕС. Этому способствовало и подписание в 2004 г. договора об ассоциации с ЕС. Год спустя республика получила статус кандидата на вступление в Европейский Союз, но процесс экономических преобразований в государстве происходит не быстро. На данный момент положительные тенденции

²¹⁸ Albanian becomes the second official language in Macedonia. [Электронный ресурс] URL: <https://europeanwesternbalkans.com/2019/01/15/albanian-becomes-second-official-language-macedonia>. (дата обращения: 14.06.2022).

наблюдаются и в росте объемов импорта и экспорта²¹⁹; однако отрицательная разница в объемах достаточно велика. По-прежнему внутриэкономическое положение Северной Македонии остается нестабильным: несмотря на ежегодное снижение, сохраняются высокие показатели безработицы и уровня бедности населения, по которым из государств региона Северную Македонию обходит лишь частично признанное Косово. Определенные сложности могут возникнуть и с другими экономическими критериями вступления в ЕС: если вопрос транспортного и энергетического развития можно решить за счет взаимодействия с соседними государствами в рамках реализации совместных проектов (в том числе при участии крупных внерегиональных акторов), то так называемые климатические критерии и законодательство в области экологии выполняются очень слабо (показателем чего стало попадание сразу двух македонских городов – Тетово и Скопье – в топ-3 самых загрязненных европейских населенных пунктов²²⁰), что может стать серьезным препятствием на пути к членству в ЕС.

Процесс вступления Северной Македонии в НАТО, начатый в феврале 2019 г. с подписания Протокола о вступлении, и завершившийся в марте 2020 г. также имеет свои особенности. Став одним из сателлитов НАТО после присоединения к программе «Партнерство ради мира», из-за позиции Греции македонское государство долгое время не могло вступить в Североатлантический Альянс, что обусловило некоторую самостоятельность в принятии внешнеполитических решений, «пересекающихся» с реализацией интересов США и НАТО в регионе. В целом поддерживая политику НАТО в регионе (например, в отношении СРЮ в 1999-2000 гг.), Северная Македония сохраняла дружественную позицию по отношению к РФ, особенно в период начавшегося в 2013-2014 гг. кризиса во взаимоотношениях РФ и США (отметим неприсоединение македонского

²¹⁹ Стоковна размена на Република Македонија со странство, 2015. Скопје: Државен завод за статистика на Република Македонија, 2017. С. 12.

²²⁰ Current Pollution Index. [Электронный ресурс] URL: https://www.numbeo.com/pollution/rankings_current.jsp. (дата обращения: 14.06.2022).

государства к санкциям против РФ и готовность поддержать энергетические инициативы РФ в регионе). Как будет действовать Северная Македония, став членом НАТО в отношении РФ в дальнейшем, – вопрос открытый. В данном контексте пока можно отметить эпизод высылки российского дипломата из РСМ в мае 2021 г.²²¹ и присоединение к санкциям против РФ по делу А.Навального. Следует принять во внимание наличие общих, приоритетных как для НАТО, так и для македонского государства интересов, в области борьбы с терроризмом: обе стороны после вступления государства в Североатлантический Альянс получают возможность совместной борьбы с данной угрозой и определенно упрочат безопасность в регионе. Однако больше от этого сотрудничества выигрывает Северная Македония, так как насущные вопросы нейтрализации радикальных происламских групп можно решать силами НАТО. При этом надо сказать, что Североатлантический Альянс стратегически рассматривает Балканы (в силу их географического положения) как плацдарм для защиты от глобальных угроз, идущих из Ближнего Востока, Северной Африки и Центральной Азии.

Можно предположить, что после вступления в ЕС стабилизация состояния македонского государства будет происходить постепенно и напрямую зависеть от военного присутствия НАТО на территории республики. Несомненно, уменьшится террористическая угроза со стороны албанского меньшинства, так как НАТО обладает обширным инструментарием силового и внесилового урегулирования, а также повысится техническая оснащенность вооруженных сил республики. Для самого же Североатлантического Альянса вступление Северной Македонии станет еще одним этапом закрепления в Балканском регионе, который остается «щитом Европы». Какие последствия будут иметь эти процессы, трудно предугадать, особенно в условиях хрупкой стабильности в соседнем Косово.

Допускаем, что Европейский Союз в лице Республики Северной

²²¹ Соопштение. // Република Македонија. Министерство за надворешни работи. [Электронный ресурс] URL: <https://mfa.gov.mk/mk/page/13/post/2585/soopshtenie>. (дата обращения: 14.06.2022).

Македонии получит очередного экономически нестабильного члена, обладающего характерными для постъюгославских государств проблемами – безработицей, бедностью, медленным ростом ВВП на душу населения. В данных условиях традиционная мысль о «рынке сбыта европейских товаров» видится несостоятельной: экономические проблемы македонского государства не привели к ее превращению в так называемый рынок сбыта в предыдущие годы, несмотря на оживленные экономические отношения с ЕС, стало быть, нет оснований полагать, то это произойдет и сейчас. Не присоединившись в 2014 г. к санкциям против РФ, 7 лет спустя Скопье сделало это в контексте готовящегося вступления в ЕС: экономическая политика македонского государства в отношении России уже испытывает и будет испытывать на себе влияние взаимоотношений РФ и ЕС.

Иными словами, евроатлантический вектор внешней политики РСМ носит неоднозначный характер и для всех сторон (ЕС, НАТО, македонское государство) имеет как положительные, так и отрицательные последствия. Македонская республика получает некую опору в лице евроатлантических структур в дальнейших экономических и демократических преобразованиях. Террористическая угроза может быть нейтрализована при поддержке и участии сил НАТО, что также немаловажно для македонского руководства.

При этом затруднительным для балканской республики станет проведение независимой политики в отношении РФ, что может привести к охлаждению отношений с Москвой и к стагнации экономического партнерства с РФ. Цели ЕС и США при сотрудничестве с Северной Македонией – укрепление собственных позиций в проблемном регионе в ответ на вызовы современности. Однако поддержка новоявленного члена со стороны евроатлантических организаций для них самих может обернуться определенными сложностями – в первую очередь, распылением финансовых ресурсов. В данном случае можно согласиться с мыслью, что в долгосрочной перспективе цели НАТО и ЕС на Балканах – достичь такого уровня стабилизации, которая обеспечивалась бы силами только местных

государств²²². На данный момент в той или иной степени все (за исключением Словении) государства Балкан, вошедшие в НАТО и (или) ЕС, используют больше, чем могут дать евроатлантическим структурам.

3.3. Турецкий фактор во внешней политике Республики Северной Македонии

Говоря о региональной безопасности, нельзя не затронуть вопрос контактов македонского государства с Турцией, которую с оговорками можно отнести к Балканам, и, следовательно, назвать региональным актором. В отличие от нестабильных и полных противоречиями отношений с соседними государствами, диалог Скопье и Анкары имеет более последовательный и однозначный характер. Причин этому несколько, из которых две наиболее важных – наличие значительного турецкого меньшинства в РМ (турки являются третьим по численности этносом в государстве²²³) и открывшийся спор о названии между Скопье и Афинами; традиционное греко-турецкое соперничество обусловило поддержку Анкарой позиции македонского правительства в споре с Грецией и признание македонского государства под его конституционным названием²²⁴. Немаловажным моментом было и членство Турции в НАТО, что делало вероятным военную помощь альянса в случае необходимости.

Анкара признала македонское государство в феврале 1992 г., что было крайне важно для молодой республики в первые месяцы ее самостоятельного существования: в первую очередь, из-за наложенных на СРЮ санкций, которые затрагивали и РМ. Также, в свете циркулировавших слухов о секретном сербо-греческом договоре о разделе македонской территории, сотрудничество с Турцией – крупным актором, имеющим отношение к Балканскому региону и

²²² Романенко С.А., Улунян А.А. Концепции национальной безопасности и внешней политики государств Западных Балкан. С. 27.

²²³ Центральная и Юго-Восточная Европа. С. 148.

²²⁴ Marolov D. Republic of Macedonia Foreign Policy... P. 46.

обладающим членством в НАТО – было жизненно необходимо и своевременно. Интерес к сотрудничеству имелся и у Турции: Македонская республика, в отличие от нестабильных Боснии и Герцеговины, Албании или даже СРЮ представлялась более надежным и перспективным партнером в регионе как для инвестиций, так и для взаимодействия в целях региональной безопасности.

Показательно, что первый визит за рубеж в качестве руководителя независимой Македонской республики К. Глигоров совершил именно в Турцию²²⁵; аналогично, первым иностранным лидером, посетившим Скопье, был президент Турции Х.Т. Озал. Если назвать основными целями турецкой стороны во взаимодействии со Скопье усиление своего влияния в регионе и создание противовеса Греции (что вызвало в Афинах крайне болезненную реакцию: турецкое правительство окрестили «самоназначенным адвокатом македонцев»²²⁶), то достигались эти цели посредством обширной поддержки македонской республики. К этому можно отнести ряд мер, включающих предоставление македонскому правительству кредита размером 25 млн долларов, поставки топлива и подписание соглашений об урегулировании торговли. Немаловажным моментом являлось сотрудничество в военной сфере: в период 1993-1996 гг. был подписан ряд документов, обеспечивающих обучение македонских офицеров в турецких военных академиях, а также проведение совместных учений.

Эпизоды дестабилизации на Балканах, начиная с 1997 г. (кризис в Албании), дали возможность проверить на деле прочность турецко-македонских отношений, в том числе и в военной сфере. Турецкое руководство помимо вооружения и военной техники направило в Скопье в 1997-1998 гг. несколько делегаций с представителями военного командования²²⁷. В этот же период имели

²²⁵ Маролов Д., Митев О. Создавањето на независна република Македонија. С. 155.

²²⁶ Gangloff S. The relations between Turkey and Macedonia: The incoherencies of a political partnership. // Turkish Review of Balkan Studies. 2001. № 6. P. 53.

²²⁷ Gangloff S. The relations between Turkey and Macedonia: The incoherencies of a political partnership. // Turkish

место и первые совместные учения турецких и македонских войск. В ходе косовского конфликта и бомбардировки Югославии силами НАТО турецкая сторона приняла порядка 20000 беженцев, направившихся из Косово в Македонию²²⁸. Активную поддержку со стороны Анкары в этот период можно отчасти объяснить заключением Временного соглашения между РМ и Грецией, что укрепило международное положение Скопье и скорректировало его внешнеполитические ориентиры (в том числе, в сторону сотрудничества с Грецией). В такой обстановке турецкое руководство закономерно решило укрепить свои отношения с македонской республикой.

Незадолго до 2001 г., ставшего важным как во внутренней, так и во внешней политике македонского государства, было подписано важное соглашение с Турцией о свободной торговле²²⁹, дававшее привилегии македонским товарам на турецком рынке. Данное соглашение стимулировало рост экономического взаимодействия двух государств. Помимо этого, взаимодействие двух республик проходило в рамках ряда региональных организаций, например, SEECР и SECI. Реакция турецкого руководства на сепаратистские выступления албанских формирований в 2001 г. была резкой²³⁰: не признавая в принципе правомерность подобных действий со стороны боевиков, турецкая сторона не выражала сочувствия и положению албанского меньшинства в РМ, таким образом дистанцируясь от возможных обвинений в панисламизме и попытке вернуться на Балканы через албанские меньшинства в каждой стране региона. Возможно, это связано с положением турецкого населения в македонском государстве: этнические турки изначально имели более широкие права в сфере образования, СМИ и политического представительства, чем албанцы. Достаточно высокое

Review of Balkan Studies. 2001. № 6. P. 39.

²²⁸ Колосков Е.А. Страна без названия... С. 116.

²²⁹ Macedonia. Free trade agreement. // Republic of Turkey – Ministry of trade. [Электронный ресурс] URL: <https://www.trade.gov.tr/free-trade-agreements/macedonia>. (дата обращения: 14.06.2022).

²³⁰ Gangloff S. The relations between Turkey and Macedonia... P. 54.

положение турецкого населения в Македонской республике подтверждается тем фактом, что этнические турки имеют свой праздник – День турецкого языка, ежегодно отмечаемый с 2007 г.

Период с 2001 г. по сегодняшний день отмечен продолжением экономических контактов и разработкой совместных региональных инициатив двух государств. В частности, турецкий бизнес получил право на реконструкцию аэропортов в Скопье и Охриде в 2008 г.; в 2012 г. турецкая концессионная компания получила право на участие в металлургическом производстве (объем инвестиций – 100 млн евро²³¹), а в 2015 г. представители Турции, РМ, Сербии, Греции и Венгрии подписали соглашения о возможном энергетическом сотрудничестве после постройки «Турецкого потока»²³². Последнее соглашение открывает большие перспективы для энергетической сферы македонской республики и, при наличии членства в НАТО, делает Скопье более независимым от политики евроатлантических структур. Наконец, нужно отметить, что товарооборот между Скопье и Анкарой в 2017 г. достиг уже 461 млн долларов²³³ и имеет неуклонную тенденцию к росту. В политической сфере отношения между двумя государствами сохраняют стабильность, о чем свидетельствует риторика лидеров обеих республик²³⁴. Помимо сотрудничества в рамках НАТО, Турция и Северная Македония сохраняют в числе своих внешнеполитических приоритетов вступление в ЕС. Также, пока не был разрешен спор о названии, турецкая сторона делала подчас резкие выпады против Афин²³⁵, подчеркивая поддержку,

²³¹ Турски Курум холдинг избран за концесионер на „Тајмиште“, најавена инвестиција од 100 милиони евра и 500 вработувања. // Влада на Република Северна Мкедонија. [Электронный ресурс] URL: <https://vlada.mk/node/3687>. (дата обращения: 14.06.2022).

²³² Клуб друзей "Газпрома" построит "Турецкий поток" в Европе. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2703855>. (дата обращения: 14.06.2022).

²³³ Macedonia. Free trade agreement. // Republic of Turkey – Ministry of trade. [Электронный ресурс] URL: <https://www.trade.gov.tr/free-trade-agreements/macedonia>. (дата обращения: 14.06.2022).

²³⁴ Груевски-Ердоган: Силна политичка и економска поддршка од Турција за Македонија. // Влада на Република Северна Мкедонија. [Электронный ресурс] URL: <https://vlada.mk/node/1716>; Средба Груевски - Давутоглу. // Влада на Република Северна Мкедонија. [Электронный ресурс] URL: <https://vlada.mk/node/9410>. (дата обращения: 14.06.2022).

²³⁵ Turkey's president claims Greece's stance over «Macedonia» name dispute is wrong. [Электронный ресурс] URL: <https://neoskosmos.com/en/111345/turkeys-president-claims-greeces-stance-on-macedonia-name-dispute-is-wrong>.

оказываемую македонской республике.

Однако, по мере разрешения греко-македонского спора и сближения двух этих государств, перспективы македонско-турецких отношений выглядят не вполне однозначно. Дело в том, что Скопье уже не имеет возможности занимать нейтральную или противоположную Афинам позицию по таким вопросам, как греко-турецкие разногласия по Кипру или же поддержка Грецией и Турцией различных группировок в Ливии²³⁶. Также расходятся позиции Анкары и Скопье в вопросе сирийских беженцев: зимой 2020 г. турецкое правительство, после очередной эскалации конфликта в районе Идлиба, открыло свою границу с Грецией для беженцев из Сирии, фактически переложив ответственность за разрешение гуманитарного кризиса на ЕС. Это объединило все балканские государства и Грецию в общих мерах обеспечения региональной безопасности. Сотрудничество Северной Македонии и Турции в области здравоохранения тоже не состоялось: турецкая сторона отказалась поставлять македонской столь необходимые в условиях пандемии коронавируса средства защиты. Поэтому можно предположить, что политическое взаимодействие Северной Македонии и Турции в будущем будет испытывать на себе сильное влияние политики ЕС и НАТО в отношении Турции.

Подводя итог рассмотрению македонско-турецких отношений, можно отметить два фактора: первый – отношения Скопье и Анкары отличались стабильностью и надежностью, как в политической, так и в экономической сфере. Наиболее логичным объяснением этому может послужить наличие разногласий обоих государств с Грецией, а также желание Турции найти относительно надежного и перспективного партнера в Балканском регионе. Также повлияло и традиционно высокое положение турецкого меньшинства в Северной Македонии.

(дата обращения: 14.06.2022).

²³⁶ Заладувањето на пријателството со Турција може скапо да ја чини Македонија. [Электронный ресурс] URL: <https://republika.mk/vesti/makedonija/zaladuvanje-to-na-prijatelstvoto-so-turcija-moze-skapo-da-ja-chini-makedonija>. (дата обращения: 14.06.2022).

Второй фактор македонско-турецких отношений – неоднозначность их перспектив после вступления Скопье в НАТО и консолидации балканских государств на почве евроатлантической интеграции: например, сближение Греции и Северной Македонии, договоренности Албании, Сербии и Северной Македонии, делающие понятие регионального сотрудничества не пустым звуком. В данных условиях Турция может быть «отодвинута» от решения региональных проблем на Балканах, что обусловлено в немалой степени и независимым поведением Р.Т. Эрдогана (например, относительно беженцев). Можно сделать осторожный прогноз о продолжении экономического взаимодействия Анкары и Скопье (тем более, что после запуска «Турецкого потока» формируются локальные энергетические проекты, в реализации которых заинтересованы все балканские государства, включая Северную Македонию) и охлаждении политических отношений двух республик. Македонская внешняя политика оказалась перед выбором (пока он не имеет явного характера) – чью политику из числа новых союзников по НАТО поддерживать. Поэтому перспективы македонско-турецких отношений сейчас выглядят неоднозначно, несмотря на сохраняющиеся оживленные экономические контакты.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить главное – греко-македонский спор о названии оказал серьезное влияние на формирование внешней политики Скопье, выбор партнеров и тактику реализации своих евроатлантических планов; одновременно с этим, греко-македонский спор стал одним из многочисленных эпизодов дестабилизации в регионе, едва не превратившись в главную угрозу региональной безопасности. Вместе с тем, конфронтация Афин и Скопье явно продемонстрировала наличие комплекса региональной безопасности на Балканах, где отчасти иллюзорная угроза суверенитету Греции привела к угрозе безопасности Македонии, а военные действия в БиГ и Хорватии заставляли другие государства искать точки соприкосновения – из тех же соображений национальной безопасности. В данном

контексте македоно-турецкие отношения, имеющие однородный и в целом позитивный характер, являются не исключением, а подтверждением общебалканских тенденций межгосударственного взаимодействия, основанного на концептах этничности.

ГЛАВА 4. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ И ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

4.1. Диалог Скопье и Софии и проблема македонского языка

Обращаясь к проблематике двусторонних отношений Северной Македонии и Болгарии, нельзя не остановиться на переплетении исторических судеб двух государств и двух народов – болгарского и македонского. Понимание предшествующих событий болгарской и македонской истории позволяет проводить более скрупулезный и глубокий анализ текущего состояния болгаро-македонских отношений.

Итак, отправной точкой в данном вопросе можно назвать период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и последовавших за ней событий. По итогам войны Болгарии удалось получить автономию, но территория современного македонского государства осталась в составе Османской империи. Это стимулировало освободительную борьбу в Македонии, а выделение македонской территории из состава Болгарии способствовало и росту национального самосознания. Данное положение может казаться парадоксальным только на первый взгляд: после того, как Болгария и Македония перестали быть единым целым, исторические пути двух народов разошлись. Хотя тесная связь между народами сохранялась: созданная в 1893 г. Внутренняя македонско-одринская революционная организация (ВМОРО, позднее – ВМРО) испытывала явное болгарское влияние²³⁷, равно как и возникший позднее Верховный македонский комитет. Эти национально-освободительные организации в достаточной степени отражали стремление зарождающегося македонского народа к независимости и в то же время значительную роль Болгарии в этом процессе: неслучайно один из

²³⁷ Интервью Д. Димитрова Е. Колоскову. 07.12.2010. // Колосков Е.А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991-2001 гг.). М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 229.

основателей ВМРО Гоце Делчев считается национальным героем как в Болгарии, так и в Северной Македонии.

Тем не менее, Илинденское восстание в Македонии, инициированное ВМРО в 1903 г., не было поддержано ни Болгарией, ни какой-либо крупной державой и было подавлено турецкой армией. Несмотря на противодействие турецкому господству со стороны македонских революционных подпольных организаций, их деятельность была выгодна турецким властям как инструмент борьбы с сербской, болгарской и греческой пропагандой на македонской территории. Напротив, в Софии стали популярными идеи единой Болгарии, разделенной решениями Берлинского конгресса²³⁸, и представление о Македонии как о болгарской области, которую необходимо освободить от турецкого господства. В 1912 г. Болгария, верная этой идее, в составе Балканского союза вместе с Сербией и Грецией начала борьбу за Македонию. Это вылилось в две балканские войны, по итогам которых Болгария получила только область Пирин («Пиринская Македония»). Представления о болгарской Македонии стали одной из основных причин участия Болгарии в двух мировых войнах на стороне Германии. После оккупации македонской территории во время Второй мировой войны Болгария была вынуждена вернуться к своим довоенным границам.

После поражения во Второй мировой войне с окончательным утверждением македонской республики в качестве федеративной единицы в составе Югославии ожидалось, что Болгария окончательно признает самостоятельность македонского государства²³⁹. И поначалу все было именно так: София признала факт существования македонской нации, языка и наличие македонского меньшинства в Болгарии. Более того, у руководителя Болгарской коммунистической партии Георгия Димитрова имелись планы по объединению

²³⁸ Радев С. Строителите на Съвременна България. Т. 1. // Словото. Българска виртуална библиотека. [Электронный ресурс] URL: <http://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=101&WorkID=2844&Level=3>. (дата обращения: 14.06.2022).

²³⁹ Marolov D. Republic of Macedonia Foreign Policy: Diplomacy in the Middle of the Balkans. P. 72.

всех македонцев в единой Балканской федерации²⁴⁰, а уже после его смерти, при переписи 1956 года, болгарским гражданам наконец разрешили свободно объявлять себя македонцами. Однако после ухудшения советско-югославских отношений и, соответственно, югославско-болгарских отношений, Болгария вернулась на свои прежние позиции и отказалась признавать македонцев в качестве отдельной нации, а македонский язык снова стал считаться одним из диалектов болгарского. Это несомненно стало препятствием в отношениях между двумя республиками вплоть до самого падения социалистических режимов в Болгарии и СФРЮ.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что Болгария была заинтересована в росте национального самосознания в Македонии согласно собственной антитурецкой политике; когда же Балканский регион избавился от турецкого господства, Болгария стала предпринимать попытки реализовать собственную гегемонистскую политику, целью которой было, в том числе, и овладение Македонией. Геополитическая формула «владение Македонией обеспечивает гегемонию на Балканах»²⁴¹ определяла действия трех ключевых игроков в регионе – Сербии, Греции и Болгарии – пытавшихся установить господство в регионе, решив «македонский вопрос» в свою пользу.

После провозглашения независимости македонского государства Республика Болгария (далее – РБ) была первой страной, признавшей новую балканскую республику. Отчасти этому способствовало «зондирование почвы» со стороны македонских руководителей в сентябре 1991 г., сразу после референдума, когда будущий глава парламента македонского государства Стоян Андев в составе делегации посетил Софию и Анкару²⁴². Признание со стороны

²⁴⁰ Карасев А.В., Косик В.И. Этапы борьбы македонского народа за независимость. // Македония. Путь к самостоятельности. Документы. / отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Радуга, 1997. С. 22.

²⁴¹ Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX-начало XXI века. М.: Институт права и публичной политологии, 2002. С. 163.

²⁴² Колосков Е.А. Страна без названия... С. 48.

РБ имело первостепенное значение для Республики Македонии на фоне существовавших в социалистический период разногласий. Также особое значение факт признания приобрел в свете циркулировавших слухов о секретном сербо-греческом договоре о разделе македонской территории, что давало РМ некоторые гарантии безопасности. Более того, по свидетельству современников (в частности, первого вице-премьера македонского правительства Блаже Ристовского), болгарская сторона была приглашена к участию в этом договоре и не поддержала его²⁴³. Однако установление отношений между двумя республиками не стало однозначно позитивным событием: болгарское руководство в лице президента Желю Желева недвусмысленно высказалось о своем отношении к македонскому народу («Признание Македонии не значит признание македонской нации»²⁴⁴), возвращая тем самым болезненный вопрос македонской идентичности в повестку дня. Трудно не согласиться с мнением Е. Г. Пономаревой, что признание македонского государства было сделано болгарским руководством назло Сербии и Греции²⁴⁵ в русле своей региональной политики, исторически конкурентной по отношению к Афинам и Белграду.

Реакция в самой македонской республике на признание была неоднозначна. В то время как президент Киро Глигоров скептически относился к намерениям Болгарии, вице-президент Любчо Георгиевский придерживался мнения, что сам по себе акт признания имел определяющее значение: «Важно, чтобы Болгария признала Македонию, а о македонском народе предоставим судить историкам»²⁴⁶. Само собой, что в подобных условиях дискуссионная проблема македонского меньшинства в болгарской республике и, соответственно, болгарского в РМ не

²⁴³ Интервью Б. Ристовского Е. Колоскову. 02.07.2010. // Колосков Е.А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991-2001 гг.). М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 211.

²⁴⁴ Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX-XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. С. 165.

²⁴⁵ Пономарева Е.Г. Новые государства на Балканах. С. 105.

²⁴⁶ Marolov D. The relations between Macedonia and Bulgaria. // Knowledge. International journal. 2014. Vol. 4. P. 408.

могла иметь рационального решения. Показательно мнение того же Желева: македонцы, живущие в Болгарии, являются большими болгарами, чем сами болгары²⁴⁷. Тем не менее, объединение македонцев в РБ получило запрет на регистрацию в качестве партии²⁴⁸, а в самой македонской республике аналогичному запрету подверглась проболгарская организация, основанная радикально настроенным общественным деятелем Владимиром Панковым²⁴⁹.

И все же, несмотря на напряженный характер отношений двух республик в этническом аспекте, болгаро-македонское взаимодействие в первое десятилетие после 1991 г. нельзя назвать бесплодным. В этот период были подписаны основные документы, устанавливающие взаимоотношения на уровне посольств, а также в финансово-кредитной и торгово-экономической сфере. Последнее имело особое значение для македонского государства, т. к. в условиях эмбарго со стороны Греции помощь со стороны РБ поддерживала македонскую экономику²⁵⁰. Однако в 1994 г. случился эпизод, связанный с отказом болгарского министра образования Марко Тодорова подписать ранее согласованное соглашение о сотрудничестве в области культуры и образования, поскольку в нем содержалась фраза о том, что соглашение подписано на болгарском и македонском языках. Появилась так называемая языковая проблема в двусторонних соглашениях, затормозившая развитие македонско-болгарских отношений. Возникновение этого вопроса закономерно в свете проводившихся болгарской стороной с 1993 г. лингвистических изысканий о рукотворности (по указанию Иосипа Броз Тито) македонского языка²⁵¹.

²⁴⁷ Marolov D. Republic of Macedonia Foreign Policy: Diplomacy in the Middle of the Balkans. P. 72.

²⁴⁸ Lefebvre S. The Former Yugoslav Republic of Macedonia (FYROM): Where to? // European Security. 1994. Vol. 3. № 4. P. 719.

²⁴⁹ Paunkovski V., Tashev S., Mladenov G. 5 Years of Independence - Human Rights in the Republic of Macedonia, 1991- 1996. // Книги за Македония. [Электронный ресурс] URL: http://macedonia.kroraina.com/en/human_r/part1.htm. (дата обращения: 14.06.2022).

²⁵⁰ Интервью Л. Георгиевского Е. Колоскову. 25.11.2010. // Колосков Е.А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991-2001 гг.). М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 233.

²⁵¹ Кочев И., Александров И. Документи за съчиняването на македонския книжовен език. // Съчиняването на т.нар. македонски книжовен език. // Книги за Македония. [Электронный ресурс] URL:

Однако было бы некорректно сводить все к одной лишь проблеме языка. Открытость Софии к контактам со Скопье была обусловлена не только желанием выступить против возможного усиления великогреческих или великосербских идей в регионе, как было сказано выше; также некоторая мягкость по отношению к македонской республике может быть объяснена стремлением РБ к интеграции в ЕС и НАТО²⁵², для чего необходимо было снизить конфликтный потенциал своих внешнеполитических шагов. На деле же великоболгарские идеи продолжали витать в болгарском обществе, так или иначе прорываясь во внутривластное поле республики. Показательным в этом смысле является высказывание избранного в 1996 г. президента Республики Болгарии Петра Стоянова о том, что «Македония – самая романтическая часть болгарской истории»²⁵³.

Тем не менее, в феврале 1999 г. две республики подписали документ, имеющий определяющее значение в отношениях Софии и Скопье. Так называемая Совместная декларация, подписанная главами македонского и болгарского правительств, касалась урегулирования ряда вопросов, в том числе и языкового. Решение проблемы политического языка было найдено в следующей формулировке: соглашение было «подписано 22 февраля 1999 г. в Софии в двух оригиналах, каждый на официальных языках двух стран – на болгарском языке, в соответствии с Конституцией Республики Болгарии, и на македонском языке в соответствии с Конституцией Республики Македонии, причем оба текста имеют одинаковую силу»²⁵⁴. Эта формулировка позволила подписать не только

http://macedonia.kroraia.com/ik/ik_2.html (дата обращения: 14.06.2022).

²⁵² Lefebvre S. The Former Yugoslav Republic of Macedonia (FYROM): Where to? P. 720.

²⁵³ Marolov D. The relations between Macedonia and Bulgaria. P. 407.

²⁵⁴ Съвместна декларация на Министър-председателя на Република България и Председателя на Правителството на Република Македония от 22 февруари 1999. // Уикиизточник. [Электронный ресурс] URL: https://bg.wikisource.org/wiki/%D0%A1%D1%8A%D0%B2%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B0_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%BE%D1%82_22_%D1%84%D0%B5%D0%B2%D1%80%D1%83%D0%B0%D1%80%D0%B8_1999. (дата обращения: 14.06.2022).

Совместную декларацию, но и все последующие соглашения между РМ и РБ. Таким образом, болгарское руководство признало как македонскую конституцию, так и македонский язык. Следствием потепления в болгаро-македонских отношениях стало принятие ряда решений, регламентирующих сотрудничество в сфере обороны, экономики и транспорта в 1999-2000 гг. Еще одним важным следствием подписания Совместной декларации стало взаимное признание недопустимости вмешательства во внутренние дела друг друга, что обозначало отказ от какой-либо поддержки политических движений промакедонского толка на территории РБ и проболгарских движений – в РМ.

В чем же причина стремительного сближения Софии и Скопье? Ключевым, на наш взгляд, является вопрос региональной безопасности. Болгарская республика в 1994 г., а год спустя и РМ присоединились к программе НАТО «Партнерство ради мира» ввиду продолжающейся войны в Боснии и Герцеговине, последствия которой ощущали все государства региона. Также в 1996 г., по инициативе болгарской стороны (которая и предложила термин «Юго-Восточная Европа»²⁵⁵) была создана организация «Процесс сотрудничества в Юго-Восточной Европе» (SEECP), в которую сразу же вошла и македонская республика. В том же году была создана Юго-Восточная Европейская инициатива сотрудничества (SECI), в которую также вошли София и Скопье. В 1999 г. две республики присоединились к Пакту стабильности для Юго-Восточной Европы, сформированному под фактическим контролем ЕС. Все эти региональные проекты (в которые были вовлечены все крупные игроки, включая СРЮ, Грецию и Турцию) были призваны как стабилизировать обстановку в регионе и укрепить его безопасность, так и облегчить евроатлантическую интеграцию их участников. Подписание же Совместной декларации, на наш взгляд, было напрямую связано с дестабилизацией в Косово, которая в конечном счете привела к операции НАТО

²⁵⁵ Романенко С.А., Улуян А.А. Концепции национальной безопасности и внешней политики государств Западных Балкан. С. 24.

против СРЮ.

Подытоживая анализ первого десятилетия двусторонних отношений македонской и болгарской республик, нужно отметить следующее: несмотря на наличие определенных проблем в отношениях между двумя странами, именно Болгария стала первой страной, признавшей независимость македонской республики. Более того, признание было сделано под конституционным названием, несмотря на яростное сопротивление Греции. Примечательно, что во время своего визита в Афины, за день до объявления решения о признании РМ, болгарский министр иностранных дел заявил: «Положение Афин — это их собственная проблема, и Болгария не хочет в это вмешиваться. Мы не можем указывать населению Македонии, как называть свою страну и как называть себя»²⁵⁶. Возможно, спор о названии с Грецией, так сильно сковывавший действия македонской республики на внешнеполитической арене, парадоксальным образом сблизил Скопье и Софию.

Военный аспект сотрудничества двух республик, начало которому положили соглашения 1999 г., заключался в передаче болгарской стороной военной техники (танков) в период 1999-2000 гг., о чем свидетельствуют представители македонской политической элиты²⁵⁷. Поддержка со стороны соседнего государства была очень своевременной для македонской республики, т. к. уже спустя год после подписания соглашений с РБ, активизировалось албанское меньшинство на северо-западе македонского государства, в начале 2001 г. перейдя к экстремистским действиям против полиции и армии. Уже в ходе конфликта, весной 2001 г., было заключено еще два соглашения, подразумевавших военную помощь с болгарской стороны. Развивалось

²⁵⁶ Marolov D. Republic of Macedonia Foreign Policy: Diplomacy in the Middle of the Balkans. P. 74.

²⁵⁷ Интервью Б. Ристовского Е. Колоскову. 02.07.2010. // Колосков Е.А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991-2001 гг.). М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 211; Интервью Т. Гоцевского Е. Колоскову. 23.11.2010. // Колосков Е.А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991-2001 гг.). М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 274.

сотрудничество и в культурной сфере, столь полемичной для отношений двух республик. В 2002-2003 гг. было подписано несколько соглашений, в результате которых в Скопье открылся специальный культурный центр при болгарском посольстве. Немаловажным было сотрудничество в энергетической сфере, закрепленное Конвенцией о нефтепроводе в 2007 г. Это отчасти связано с появлением российских энергетических ТНК как в болгарской, так и македонской республиках.

Но спорный вопрос идентичности все равно выходил на первый план как во внутренней политике македонской республики, так и в отношениях с болгарской стороной. В 2000 г. уже упоминавшийся В. Панков вновь создал проболгарскую общественную организацию («Радко») в Охриде, что могло быть истолковано как одностороннее нарушение принципов Совместной декларации, запрещавшей существование проболгарских и промакедонских организаций в РМ и РБ. «Радко» была запрещена македонскими властями в 2001 г. из-за призывов сделать болгарский государственным языком в РМ. Реакции болгарского руководства не последовало, однако сами руководители организации подали жалобу в Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) на действия македонских властей. Отсутствие реакции из Софии на тот момент можно объяснить тем, что болгарское государство готовилось ко вступлению в НАТО и ЕС, и не хотело как ухудшать отношения с македонским партнером, так и портить свою репутацию возможной поддержкой антиконституционных движений в соседних государствах.

Общая для Скопье и Софии цель – евроатлантическая интеграция – достигалась по-разному. Причина здесь в изначально различно социально-экономическом состоянии республик после падения социалистических режимов. Республика Македония с 2003 г. входила в Адриатическую группу стран, которые сотрудничали с НАТО на пути к интеграции, в то время как Болгарская республика к ней не относилась, и ей удалось вступить в Североатлантический

Альянс раньше – в 2004 г. С точки зрения интеграции в ЕС македонское государство входит в политико-экономический регион Западных Балкан, обладающий своей спецификой и неоднородностью. Опять же, РБ не входила в эту «проблемную» группу и получила членство в ЕС в 2007 г.

Болгарская сторона поддерживала процесс евроатлантической интеграции македонской республики. Однако по мере достижения своих целей болгарское руководство корректировало свою риторику, примером чего может служить заявление президента Республики Болгарии Георгия Пырванова, сделанное в 2006 г.: безоговорочная поддержка членства РМ в ЕС и НАТО осталась в прошлом, и в будущем поддержка со стороны Софии будет зависеть от готовности и успеха Скопье в принятии и поддержании политики добрососедских отношений²⁵⁸. Наиболее развернуто болгарская позиция была выражена в специальном документе, опубликованном неправительственным Атлантическим Советом Болгарии. Данный документ содержал претензии к РМ относительно искажения истории и нарушении, по мнению болгарской стороны, прав граждан с «болгарским самосознанием»²⁵⁹. Авторы документа призывали македонское руководство к соблюдению Совместной декларации 1999 г. и давали рекомендации по сохранению добрососедских отношений в контексте планируемого вступления РМ в ЕС и НАТО. Примечательно, что в этом заявлении, обнародованном в начале 2008 г., фактически выражалась поддержка болгарской стороной позиции Скопье в споре о названии с Афинами. Публикация данного документа совпала с подписанием совместного болгаро-македонского меморандума о сотрудничестве в области евроатлантической интеграции. Одним

²⁵⁸ Marolov D. The relations between Macedonia and Bulgaria. P. 410.

²⁵⁹ Българската политика спрямо Република Македония. / Разработени под ръководството на Л. Иванов. // Уикиизточник. [Электронный ресурс] URL:

https://bg.wikisource.org/wiki/%D0%91%D1%8A%D0%BB%D0%B3%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B0_%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D1%81%D0%BF%D1%80%D1%8F%D0%BC%D0%BE_%D0%A0%D0%B5%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%8F. (дата обращения: 14.06.2022).

из результатов подписания меморандума стало открытие в мае 2008 г. общественной организации «Болгарский культурный клуб – Скопье»²⁶⁰, явно нацеленное на защиту болгарского этнического меньшинства в РМ. Стоит заметить, что деятельность и риторика самого культурного клуба отличается достаточной умеренностью и преследует больше гуманитарные, чем политические цели, в отличие от упоминавшейся выше «Радко».

Несмотря на подписание меморандума, в македонском обществе и политическом руководстве возник некоторый скепсис относительно перспектив развития отношений с болгарской стороной. Имелись опасения, что Республика Болгария может применить «греческий сценарий» и затормозить евроатлантическую интеграцию македонской республики²⁶¹. Оптимизма не добавило и решение ЕСПЧ в 2009 г. о нелигитимности запрета организации «Радко» и о взыскании компенсации в пользу ее руководителей. Обострение вопроса идентичности случилось осенью 2009 г., когда Македонская Академия наук и искусств опубликовала первое издание Македонской Энциклопедии, содержание некоторых глав которой оскорбило албанских, греческих, болгарских и косовских политиков²⁶². Под нажимом международного сообщества энциклопедия была изъята из библиотек, однако болезненную реакцию, в том числе и в Софии, было не остановить. Министр иностранных дел Болгарии Ивайло Калфин заявил о существовании «давления на болгарских граждан, а также на граждан Македонии с болгарским самосознанием в Республике Македония»²⁶³. Это заявление ставит вопрос о корректности этнической политики Софии, признающей наличие болгарского меньшинства в РМ и

²⁶⁰ Статут на здружението на граѓани Бугарски Културен Клуб – Скопје. // Бугарски културен клуб. [Электронный ресурс] URL: <http://www.bkks.org/statut>. (дата обращения: 14.06.2022).

²⁶¹ Marolov D. Republic of Macedonia Foreign Policy: Diplomacy in the Middle of the Balkans. P. 75.

²⁶² Macedonia embroiled in encyclopaedia row. // Euractiv: EURACTIV Media Network. 2009. 13 Oct. [Электронный ресурс] URL: <https://www.euractiv.com/section/languages-culture/news/macedonia-embroiled-in-encyclopaedia-row>. (дата обращения: 14.06.2022).

²⁶³ Marolov D. The relations between Macedonia and Bulgaria. P. 410.

отрицающей наличие македонского меньшинства в РБ. Полемика продолжилась и в культурной сфере: так, выход в 2011 г. македонского военно-исторического художественного фильма «Третий тайм» вызвал критику со стороны болгарских властей (подчеркнувших антиболгарский характер некоторых эпизодов) и стал предметом разбирательства на заседании Европарламента при участии македонского министра иностранных дел Николы Попоского²⁶⁴.

В дальнейшем обе республики обменивались довольно резкими действиями как на уровне государственного руководства, так и на уровне шагов отдельных политиков: так, в 2013 г. лидер правой партии ВМРО-БНД (показательно, что как болгарские, так и македонские консерваторы используют исторически важную аббревиатуру ВМРО в названиях своих политических организаций) и кандидат в президенты РБ Красимир Каракачанов, известный своей антимакедонской позицией, провел ряд совещаний с оппозиционными албанскими политиками в РМ²⁶⁵. В свою очередь, македонские власти еще с 2011 г. инициировали кампанию по формированию культа раннесредневекового царя Самуила как македонского национального героя²⁶⁶. Спор о принадлежности этого государя к истории болгарской или македонской республик утратил политическую остроту в 2014-2015 гг. и переместился на страницы академических изданий. Более того, одновременно с этим, болгарское и македонское правительства продлили соглашение о сотрудничестве в области культуры. Наконец, перелом в отношениях двух республик наметился с приходом к власти в РМ европейски ориентированной партии СДСМ, сменившей консерваторов из ВМРО-ДПМНЕ весной 2017 г.

Если кратко проанализировать взаимоотношения двух республик в 1999-2017 гг., нужно в первую очередь отметить, что этот период является наиболее

²⁶⁴ Смирнов П.А. Болгарский вектор внешней политики Северной Македонии: проблема идентичности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 2 (36). С. 90.

²⁶⁵ Sharevski M. The Balkans after 1991 through the prism of geopolitics. Prague: Charles University, 2014. P. 53.

²⁶⁶ Головин Д.О., Склеров С.А. Новый македонский вопрос: современный этап развития. С. 74.

насыщенным: начатый с очевидного сближения (подписание Совместной декларации), в дальнейшем он вместил в себя старт ряда взаимовыгодных инициатив двух государств; военную помощь со стороны РБ в ходе конфликта 2001 г. с албанскими сепаратистами; обострение «языковой» полемики на фоне завершения евроатлантической интеграции РБ. Вступление болгарского государства в ЕС потребовало корректировки отношений с РМ, чему послужил Меморандум 2008 г. Несмотря на оживление сотрудничества после подписания Меморандума, расхождения между консервативно настроенными правительствами в Скопье и Софии по вопросу македонской идентичности стали еще более болезненными, и решать этот вопрос пришлось уже новому правительству РМ.

Ставший весной 2017 г. премьер-министром Республики Македонии Зоран Заев пообещал ускорить евроинтеграцию республики²⁶⁷, что подразумевало, в первую очередь, разрешение противоречий с Грецией и снижение напряженности в болгаро-македонских отношениях. Поэтому одним из первых шагов нового македонского правительства стало подписание в августе 2017 г. Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, в целом повторяющего положения Совместной декларации 1999 г.²⁶⁸. Этот договор сопровождался соглашениями в области строительства железных дорог и газопровода между двумя республиками²⁶⁹. Более того, для решения спорных вопросов македонской идентичности была учреждена Совместная междисциплинарная комиссия по историческим и образовательным вопросам, которой удалось сделать отношение

²⁶⁷ Marusic S.J. Macedonia Parliament Approves New Gov't after Prolonged Stalemate. // Balkan Insight: Balkan Investigative Reporting Network. 2017. 31 May. [Электронный ресурс] URL: <https://balkaninsight.com/2017/05/31/macedonia-parliament-approves-zaev-s-new-govt-05-31-2017>. (дата обращения: 14.06.2022).

²⁶⁸ Договор за пријателство, добрососедство и сьтрудничество между Република Българија и Република Македонија. // Държавен вестник. [Электронный ресурс]. URL: <https://dv.parliament.bg/DVWeb/showMaterialDV.jsp?idMat=123506>. (дата обращения: 14.06.2022).

²⁶⁹ Билатерални односи со Република Бугарија. // Министерство за надворешни работи на Република Северна Македонија. [Электронный ресурс]. URL: <https://sofia.mfa.gov.mk/mk/page/72/bilateralni-odnosi-so-republika-bugarija>. (дата обращения: 14.06.2022).

к фигуре царя Самуила менее дискуссионным. Заданный позитивный вектор в болгаро-македонских отношениях привел в том числе и к косвенному болгарскому участию в других спорных вопросах македонской внешней политики: в сербо-македонском церковном споре болгарская сторона вопреки сербской и греческой позиции признала автокефалию Македонской церкви, и, более того, Македонская церковь выразила готовность признать Болгарскую своей «матерью»²⁷⁰; в споре о названии с Грецией болгарская общественность, представленная Болгарским культурным клубом – Скопье, предложила свой вариант разрешения проблемы²⁷¹. В начале 2018 г. болгарская республика, пользуясь правом председательства в ЕС, поставила на повестку дня вопрос об интеграции Западных Балкан, в частности РМ, в Европейский Союз²⁷². Однако импульс, приданный отношениям двух республик, быстро угас, и спорные вопросы в очередной раз приобрели остроту. Сначала ЕСПЧ принял сторону промакедонских организаций в РБ в их споре с правительством о незаконности запрета на их деятельность²⁷³. Затем, в ходе подписания Преспанских соглашений, греческая сторона признала существование македонского языка²⁷⁴, что не могло встретить положительного отклика в Софии. Фоном к этому процессу является массовое получение македонским населением гражданства РБ (к концу 2021 г. порядка 140000 человек получили гражданство Болгарии²⁷⁵).

²⁷⁰ Vurušić V., Bajrušić R. U tijeku je raskol kakav nije viđen od 1054. Uzdrmani su temelji pravoslavlja, a Podgorica i Skoplje mogli bi biti uzrok novog povijesnog razilaženja. // Jutarnji list: Hanza media. 2020. 28. siječanj. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jutarnji.hr/vijesti/svijet/u-tijeku-je-raskol-kakav-nije-viden-od-1054-uzdrmani-su-temelji-pravoslavlja-a-podgorica-i-skoplje-mogli-bi-bit-uzrok-novog-povijesnog-razilazjenja/9893347>. (дата обращения: 14.06.2022).

²⁷¹ Призив на БККС до Собранието и Владата на Република Македонија во врска со спорот за името. // Бугарски културен клуб. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bkks.org/node/617>. (дата обращения: 14.06.2022).

²⁷² Балканы разделили на категории. // РБК: издание Росбизнесконсалтинг. 2018. 06 февраля. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/02/07/5a7976f39a794740fbc08a76>. (дата обращения: 14.06.2022).

²⁷³ Macedonian club for ethnic tolerance in Bulgaria and Angel Kirilov Radonov against Bulgaria. Lodged on 10 October 2013. // European Court of Human Rights. [Электронный ресурс]. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22tabview%22:\[%22document%22\],\[%22itemid%22:\[%22001-193404%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22tabview%22:[%22document%22],[%22itemid%22:[%22001-193404%22]}). (дата обращения: 14.06.2022).

²⁷⁴ Република Северна Македонија со македонски јазик и идентитет, велат грчките медиуми. // META.mk: Новинска агенција. 2018. 12 јуни. [Электронный ресурс]. URL: <https://meta.mk/republika-severna-makedonija-so-makedonski-jazik-i-identitet-velat-grchkite-mediumi>. (дата обращения: 14.06.2022).

²⁷⁵ Интервью П. Лазаревского П. Смирнову. 19.11.2021-18.01.2022. // из личного архива.

Восприятие болгарской стороной Соглашения 2017 г. как инструмента в руках РМ для ускорения своей интеграции в ЕС и НАТО обусловило требования, выдвинутые Софией в 2019 г. Требования касались исполнения этого договора в части об образовании и культурно-идентификационной политике РМ²⁷⁶, и за их неисполнение болгарская сторона грозила наложить вето на вступление македонского государства в ЕС. Но основные события развернулись уже в 2020 г. В марте 2020 г. РСМ стала членом НАТО. Тогда же Совет ЕС одобрил начало переговоров о вступлении в организацию македонской республики и Албании. Однако в августе 2020 г. болгарская сторона опубликовала «Пояснительный меморандум об отношениях Республики Болгария с Республикой Северная Македония в контексте расширения ЕС и процесса ассоциации и стабилизации», где настойчиво призывает македонское руководство «порвать с коммунистическим прошлым»²⁷⁷. Под этим подразумевается пересмотр существующей в македонском научном и университетском сообществе оценки событий 1941-1944 гг., когда македонская территория была оккупирована лояльными к Третьему Рейху болгарскими силами. Именно роль Болгарии в событиях Второй Мировой войны на территории Македонии нуждается в критическом пересмотре, согласно запросу авторов меморандума. Также в документе традиционно подчеркивался «рукотворный» характер македонского языка и нации.

Реакция на документ как в Северной Македонии, так и в европейском сообществе была неодобрительной; подчеркивалось, что требование болгарской стороны – «то же самое, если бы немцы говорили австрийцам, что они на самом деле немцы»²⁷⁸. Тем не менее, ЕС предложил обеим республикам решать спорные

²⁷⁶ Головин Д.О., Складов С.А. Новый македонский вопрос: современный этап развития. С. 77.

²⁷⁷ Почему Болгария не пускает Македонию в ЕС. // Русская Болгария. 2020. 22.20. [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.bg/esche/smi-o-bolgarii/smi/31312-fan-pochemu-bolgariya-ne-puskaet-makedoniyu-v-es>. (дата обращения: 14.06.2022).

²⁷⁸ Цит по: Габриэлян Г. Славянские распри. // Новая газета. 23 ноября 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/11/23/88073-slavyanskie-raspri>. (дата обращения: 14.06.2022).

вопросы исключительно в двустороннем формате. Казалось, что компромисс найден: по словам министра иностранных дел РБ Екатерины Захариевой, македонская сторона должна признать болгарское происхождение своего языка, культуры и идентичности в обмен на признание болгарской стороной самого существования македонского языка. Иными словами, София была готова признать существующие реалии в обмен на признание Скопье исторической правды²⁷⁹. Однако позиция руководства Северной Македонии и по сей день остается предельно лаконичной – македонский язык и идентичность не подлежат обсуждению. Примечательно, что та же Захариева дала свое толкование термину «македонизм» (см. главу 3), как идеологии существования суверенной славяноязычной Македонии и обвинив Москву и Белград в формировании данной концепции²⁸⁰.

Не остался в стороне от дискуссии и «Болгарский культурный клуб – Скопье», предложивший премьер-министрам обеих республик свой план разрешения противоречий²⁸¹. В документе, опубликованном в октябре 2020 г., содержатся рекомендации к Совместной междисциплинарной комиссии об окончательном решении вопроса роли Болгарии во Второй Мировой войне. Однако именно этот вопрос сделался определяющим: болгарские политики требовали убрать любые упоминания о сотрудничестве Болгарии с Гитлером и об оккупационных действиях, в то время как македонская сторона принципиально не воспринимала события Второй Мировой войны иначе, как оккупацию. Стоит отметить, что члены ЕС неодобрительно относятся к внесению исторической

²⁷⁹ Tsoleva T. Bulgaria says North Macedonia must address historical issues or face delay on EU path. // Reuters: Reuters News Agency. 2020. 30.10. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSKBN27F2VL>. (дата обращения: 14.06.2022).

²⁸⁰ Захариева: Северна Македония още не е скъсала връзката със Сърбия и Русия. // Дебати.бг 29.01.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://debati.bg/zaharieva-severna-makedonia-oshte-ne-e-skasala-vrazkata-sas-sarbia-i-rusia/>. (дата обращения: 14.06.2022).

²⁸¹ Меморандум относно историческия спор между Северна Македония и България. // Български културен клуб. [Электронный ресурс]. URL: http://bkks.org/docs/BKKS_Memorandum_BG_20201005.pdf. (дата обращения: 14.06.2022).

повестки в вопрос расширения Европейского Союза, примером чему стало вето, наложенное в декабре 2020 г. Чехией и Словакией в Совете ЕС на проект расширения организации²⁸². Подобный шаг давал основания полагать, что болгарское руководство будет вынуждено принять во внимание позицию стран-членов ЕС и скорректировать свою политику по вопросу вступления Северной Македонии в Европейский Союз.

Конструктивный сдвиг в диалоге двух республик (признаки которого наметились летом 2021 г.²⁸³) связан со сменой правительств РСМ и РБ в конце 2021 г. В ходе встречи новоизбранных премьеров РСМ Димитара Ковачевского и РБ Кирила Петкова в январе 2022 г. в Скопье болгарский премьер подтвердил готовность сотрудничества двух государств в транспортной и политической сфере; «языковой» вопрос Петковым был затронут в контексте невмешательства Софии во внутренние дела соседних суверенных государств²⁸⁴. В ходе ответного визита Д. Ковачевского в Софию в конце января 2022 г. и прошедшего совместного заседания правительств двух республик были подписаны соглашения в области сельского хозяйства, бизнеса, и что особенно важно, об открытии железнодорожного сообщения между столицами двух республик²⁸⁵.

²⁸² Чехия и Словакия заблокировали выводы ЕС о расширении союза. // EurAsia Daily: ИА EADaily. 2020. 18.12. [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/12/18/chehiya-i-slovakiya-zablokirovali-vyvody-es-o-rasshirenii-soyuza>. (дата обращения: 14.06.2022).

²⁸³ «Най-близката, важна и приятелска страна». Заев дойде в София с предложения за решаване на спора. // Свободна Европа. 17 юни 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svobodnaevropa.bg/a/31312202.html>. (дата обращения: 14.06.2022).

²⁸⁴ Петков и Ковачевски: Јазикот е дефиниран во Уставот и Договорот за пријателство, сите прашања ќе се третираат во конструктивен дух. // 360 степени. 18 јануари 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://360stepeni.mk/petkov-i-kovachevski-jazikot-e-definiran-vo-ustavot-i-dogovorot-za-prijatelstvo-site-prashana-ke-se-tretiraat-vo-konstruktiven-duh/>. (дата обращения: 14.06.2022).

²⁸⁵ Потпишани неколку билатерални договори на меѓувладината седница во Софија. // Радио Слободна Европа. Јануари 25, 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8-%D0%B8-%D0%BF%D0%B5%D1%82%D0%BA%D0%BE%D0%B2-%D0%BD%D0%B0%D1%98%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%98%D0%B0-%D0%BD%D0%BE%D0%B2-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D0%BD-%D1%82%D0%BE%D0%BD-%D0%B2%D0%BE-%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B0-%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%81%D0%B8%D1%98%D0%B0/31670428.html> <https://www.slobodnaevropa.mk/a/31670356.html>. (дата обращения: 14.06.2022).

Это позволяет сделать осторожный прогноз о стабилизации двусторонних контактов РБ и РСМ и их переходе в интенсивную фазу, что подтверждается и озвученными планами по организации совместных заседаний рабочих групп двух правительств каждый месяц²⁸⁶, а также по организации работы совместной исторической комиссии, составленной из представителей научного сообщества РБ и РСМ²⁸⁷.

Важно отметить и сотрудничество в области здравоохранения: так, согласно решению болгарского премьер-министра Бойко Борисова в начале 2021 г. партия вакцин от COVID-19, полученная РБ, была безвозмездно передана в РСМ²⁸⁸.

Таким образом, взаимное движение навстречу друг другу, выразившееся в подписании Договора о дружбе в 2017 г., тормозилось под влиянием справа как в Софии, так и в Скопье, в результате чего ключевой вопрос идентичности обострялся практически каждый год. По мере приближения Северной Македонии к интеграции в ЕС риторика болгарской стороны становилась резче, в то время как евроориентированное правительство македонской республики демонстрировало готовность пойти на компромисс (в известных пределах) ради долгожданного завершения процесса вступления в Европейский Союз. Смена глав правительств в двух республиках дает основания ожидать корректировку

²⁸⁶ Исторически думи на Петков и Ковачевски! Какво казаха.// Стандарт. 18 Януари 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.standartnews.com/balgariya-politika/istgoricheski-dumi-na-petkov-i-kovachevski-kakvo-kazakha-482231.html>. (дата обращения: 14.06.2022).

²⁸⁷ Ковачевски и Петков најавија нов конструктивен тон во историската комисија.// Радио Слободна Европа. Јануари 25, 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8-%D0%B8-%D0%BF%D0%B5%D1%82%D0%BA%D0%BE%D0%B2-%D0%BD%D0%B0%D1%98%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%98%D0%B0-%D0%BD%D0%BE%D0%B2-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D0%BD-%D1%82%D0%BE%D0%BD-%D0%B2%D0%BE-%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B0-%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%81%D0%B8%D1%98%D0%B0/31670428.html>. (дата обращения: 14.06.2022).

²⁸⁸ Борисов: Ситуацијата е наистина тежка, винаги сме готови да помогнем на Северна Македонија. // Novini.bg: Sportal Media Group. 2020. 23.12. [Электронный ресурс]. URL: <https://novini.bg/bylgariya/politika/636406>. (дата обращения: 14.06.2022).

политики Софии и Скопье в отношении друг друга в более умеренную сторону, тем более что македонское правительство обозначило четкую позицию – разделить политику от истории и не обсуждать македонскую идентичность²⁸⁹.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать несколько выводов. Во-первых, причина жесткой политики Софии относительно евроинтеграции Скопье может заключаться в экономическом состоянии РБ. Получая финансовую помощь от ЕС для проведения демократических реформ²⁹⁰, Болгария в ответ предоставляла Европе свой рынок и рабочую силу. С вступлением РСМ в ЕС у болгарской республики появится еще один региональный конкурент как в вопросе получения субсидий от Брюсселя, так и в экспорте рабочих рук. Учитывая принятые рядом европейских государств квоты на рабочую силу из Юго-Восточной Европы, длительное противодействие РБ вступлению РСМ в ЕС становится более понятным.

Во-вторых, отношения с болгарским соседом занимали и занимают значительное место во внешней политике македонского государства. В период независимого существования македонское правительство долгое время было озабочено разрешением противоречий с Грецией как единственного препятствия для евроатлантической интеграции²⁹¹, совершенно не видя какой-либо проблемы в позиции болгарского руководства.

Между тем, диспут о названии оказался менее драматичным, чем обнажившиеся противоречия с болгарским государством: Афины не претендовали на корректировку истории македонского народа, объективно не имея для того оснований, в то время как София твердо стоит на позиции, что

²⁸⁹ Османи пред пратениците- никој не преговара за идентитетските прашања.// Радио Слободна Европа. Јануари 28, 2022. [Електронный ресурс]. URL: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/31675921.html>. (дата обращения: 14.06.2022); Односи Софија-Скопје - Историјата и политиката на различен колосек.// Радио Слободна Европа. Февруари 05, 2022. [Електронный ресурс]. URL: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/31687908.html>. (дата обращения: 14.06.2022)

²⁹⁰ Европейский Союз в XXI веке. С. 350.

²⁹¹ Интервью Д. Мирчева Е. Колоскову. 15.11.2010. // Колосков Е.А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991-2001 гг.). М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 241.

самостоятельная история македонцев начинается в 1944 г., но самостоятельной ее можно назвать с натяжкой, по мнению болгарских деятелей. Такая постановка вопроса является очень болезненной для молодого македонского государства, естественным образом желающего идеологически обосновать свое существование. И трудно спорить с тем, что право на историческое прошлое, связанное не только с периодом коммунизма, но и с национально-освободительным движением против Османской империи, у македонской республики есть. Можно согласиться с Д. Димитровым, подчеркнувшим, что у болгар и македонцев общая история только до 1878 г.²⁹² Выделение македонской территории из состава Болгарии навсегда разделило два народа, путь каждого из которых был сложен и самобытен.

В-третьих, роль Болгарии в событиях 1941-1944 гг. не может быть пересмотрена в лучшую или худшую сторону; это объективная часть исторического прошлого Балканского региона. Тревожным также представляется тот факт, что в глазах некоторых консервативных политических деятелей содействие болгарского царства политике Германии имеет незначительный характер и может трактоваться в зависимости от насущных политических потребностей. Именно этот вопрос, определяющий на данный момент характер болгаро-македонских отношений, нуждается в разумном и конструктивном решении.

Македонская политика в отношении Болгарии, несмотря на быстрое установление дипломатических отношений, долго зависела от официальной позиции болгарского руководства по вопросу статуса македонского языка. Не последнюю роль в болгаро-македонских отношениях играли процессы интеграции обеих республик в ЕС и НАТО, завершившиеся для Софии раньше, чем для Скопье. Приход к власти в Македонии в 2017 г. СДСМ положительно

²⁹² Интервью Д. Димитрова Е. Колоскову. С. 229.

повлиял на болгаро-македонские взаимоотношения, но после вступления македонского государства в НАТО в 2020 г. отношения между Скопье и Софией вновь обострились из-за ужесточения позиции РБ, и только смена правительств двух государств в конце 2021 г., по нашему мнению, может ускорить разрешение противоречий. В данном процессе налицо феномен этнополитизации, причем в болгаро-македонском диалоге он приобрел наиболее драматический характер, т.к. болгарская сторона строила свою риторику на отрицании македонской идентичности. Можно согласиться с У. Альтерматтом, что стабилизация на Балканах возможна лишь только в случае, когда кто-то из сильных игроков международных отношений берет на себя роль третейского судьи²⁹³. Болгаро-македонский диалог, привлекающий к себе особое внимание ведущих европейских акторов, как нельзя лучше это подтверждает.

4.2. Отношения с Сербией и проблема македонской Церкви

После объявления независимости во внешней политике Северной Македонии важное место занимали взаимоотношения не только с евроатлантическими организациями, но и с государствами-соседями, в частности, с Сербией, диалог с которой вполне отражает общерегиональные процессы на Балканах после распада социалистической Югославии.

В событиях периода распада СФРЮ одну из главных, если не самую главную роль играло руководство федерации во главе с С. Милошевичем. Стремление сохранить югославское государство на деле оборачивалось утверждением великосербских идей, что форсировало центробежные процессы в регионе.

В случае Македонской республики можно утверждать, что ее политика в отношении Белграда началась до фактического отделения от СФРЮ: вопрос,

²⁹³ Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: РГТУ, 2000. С. 155.

поставленный на референдуме 8 сентября 1991 г., подразумевал *право* вхождения *суверенной* Македонии в содружество *независимых государств Югославии*²⁹⁴, т.е. подчеркивалась проюгославская, но никак не просербская позиция молодого государства: выход из-под власти Белграда с перспективной возможностью объединения в общебалканскую федерацию с равными правами всех членов федерации. Не выражая открыто свое неприятие жесткой политики Милошевича, македонское государство сумело бескровно выйти из состава Югославии и добиться вывода Югославской народной армии (далее – ЮНА) со своей территории. Данный шаг видится особенно разумным и взвешенным, если принимать во внимание планы югославских руководителей о разделе македонской территории между СРЮ и Грецией.

В русле этих планов находилась и идея об отсутствии македонского этноса – для руководства СРЮ македонцы были «южными сербами»²⁹⁵. Как бы то ни было, одним из первых шагов независимой Македонской республики в отношении северного соседа был договор, подписанный министром обороны Т. Гоцевским и командованием ЮНА в феврале 1992 г., согласно которому югославская армия покидала территорию македонского государства вместе со всем вооружением²⁹⁶. Можно предполагать, что основным мотивом руководства ЮНА (фактически – команды Милошевича) при заключении договора с македонским правительством было нежелание открывать третий фронт²⁹⁷ уже начавшейся войны и возможность перебросить крупную подготовленную армию в зону боевых действий. Возможно, план руководителей СРЮ заключался в том, что лишенная какого-либо защиты Македонская республика сама вскоре запросит

²⁹⁴ Маролов Д., Митев О. Создавањето на независна република Македонија. С. 81.

²⁹⁵ Marolov D. The relations between Macedonia and Serbia. // Romanian journal of history and international studies. 2015. Vol. 2. № 1. P. 122.

²⁹⁶ Интервью Т. Гоцевского Е. Колоскову. С.253.

²⁹⁷ Hayward R.A., Gurr T.R., Rupesinghe K. Journeys through conflict narratives and lessons. Boston: Rowman & Littlefield Publishers Inc., 2001. P. 161.

помощь у сербских соседей²⁹⁸.

В любом случае, пока длились боевые действия в Хорватии и БиГ, македонское государство могло рассчитывать на нейтральное отношение со стороны своего северного соседа. Фактически после договора с ЮНА и до 1996 г. о македонской внешней политике в отношении СРЮ говорить не приходится. Одной из главных причин этого был разгоревшийся с Грецией спор о названии, который разделил внешнеполитических партнеров Скопье; на стороне Афин находилось сербское руководство²⁹⁹.

Еще одним вопросом, требовавшим немедленного разрешения, было установление финансовой независимости от СРЮ: в марте 1992 г. Скопье и Белград договорились о прекращении обращения югославского динара на территории Македонской республики, на смену ему в соотношении 1:1 пришел македонский динар. После этого можно говорить о полной «заморозке» сербо-македонских отношений вплоть до 1996 г. Причин этому несколько: СРЮ вела боевые действия силами хорватских и боснийских сербов в Хорватии и Боснии и Герцеговине, соответственно, и попросту не рассматривала партнерство с Македонской республикой как выгодное для себя в каком-либо формате; македонская внешняя политика, небезосновательно ожидая угрозы с севера, была сосредоточена на вступлении в ООН и НАТО, что давало ей некоторые гарантии защиты в случае агрессии со стороны режима Милошевича. Не будем также забывать и открывшийся спор о названии с Грецией, существенно ограничивший свободу действий Македонской республики во внешней политике. Временное прекращение данного спора в сентябре 1995 г. и последовавшие спустя три месяца Дейтонские соглашения ускорили восстановление отношений Белграда и Скопье. Убытки, понесенные СРЮ в ходе боевых действий, сделали невозможным захват македонской территории (если такие планы еще

²⁹⁸ Marolov D. Republic of Macedonia Foreign Policy: Diplomacy in the Middle of the Balkans. P. 36.

²⁹⁹ Liotta P., Jebb R.C. Mapping Macedonia: Idea and Identity. P. 8.

сохранялись у руководства СРЮ), в то время как македонская сторона освободилась от экономического эмбарго со стороны Греции и упрочила свое положение, присоединившись к программе НАТО «Партнерство ради мира». В данных условиях взаимодействие СРЮ и Республики Македонии уже не было диалогом старшего с младшим, а скорее равных партнеров. В апреле 1996 г. были установлены дипломатические отношения, а правительство Милошевича, что особенно важно подчеркнуть, признало своего соседа под конституционным названием.

Заключение югославо-македонского договора стало серьезной проблемой для Греции, видевшей в Милошевиче надежного союзника в возможных антимакедонских акциях³⁰⁰. Показателем временной стабилизации в регионе стало учреждение нескольких региональных проектов – Юго-Восточного Европейского процесса сотрудничества (SEECP), Юго-Восточной Европейской инициативы сотрудничества (SECI), членами которых, наряду с РМ и СРЮ, были Греция, Босния и Герцеговина, Турция, Болгария. Однако неразрешенным с 1991 г. оставался вопрос о границе между двумя республиками, важность которого невозможно переоценить: большая часть границы проходила вдоль Косово, чей статус в составе СРЮ остро нуждался в пересмотре. Возможно, по этой причине правительство Милошевича (держа в уме возможность обострения косовского вопроса) затягивало подписание договора о границе с руководством Македонской республики. Нужно отметить, что в переговорах о границе, начатых Скопье и Белградом, хотела принять участие косовская сторона, что было категорически отвергнуто правительством СРЮ³⁰¹. Таким образом, вопрос границы мог быть разрешен только более резкими мерами, к которым привел военный конфликт НАТО и СРЮ в 1999 г.

Одновременно с переговорами о границе предпринимались попытки

³⁰⁰ Gangloff S. The relations between Turkey and Macedonia... P. 50.

³⁰¹ Marolov D. The relations between Macedonia and Serbia. P. 53.

разрешить еще один важный для македонской идентичности вопрос – диспут об автокефалии Македонской православной церкви от Сербской православной церкви. Объявленная в 1967 г. в одностороннем порядке независимость Охридского архиепископства и провозглашение его самостоятельной церковью в период существования СФРЮ не являлись предметом спора Белграда и Скопье; вопрос возник на начальном этапе становления независимой Македонской республики в марте 1992 г., тогда же прошли первые переговоры сербского и македонского духовенства³⁰². Утверждение независимости своей церкви видится закономерным явлением в общем русле политики самоидентификации, которую проводило молодое македонское государство. Тем не менее, ни в 1992 г., ни в 1998 г., когда переговоры возобновились, компромисс не был достигнут. Примечательно, что в 1998 г. посредником в переговорах выступал архиепископ Афинский Христовул, но его усилия результата не принесли.

В 2002 г. состоялось так называемое Нишское соглашение, подписанное несколькими служителями Македонской и Сербской церковей о возвращении первой в патриархат Белграда в качестве автономного архиепископства. Однако это соглашение было сразу дезавуировано Синодом МПЦ. Наконец, в 2004-2005 гг. сначала МПЦ объявила себя единственной православной Церковью в государстве, а затем СПЦ узаконила автономию Охридского архиепископства в составе Сербской церкви, признав остальные церкви на македонской территории раскольническими. Церковный вопрос остался неразрешенным и по сей день и это, безусловно, накладывает отпечаток на отношения двух государств. Стоит заметить, что в последние годы в этот вопрос оказалась вовлечена Болгария³⁰³, что многократно усложняет разрешение религиозной проблемы и одновременно

³⁰² Архиепископ Охридски и Митрополит Скопски Јован. Богословско-историски аспект на расколот на црквата во Р.Македонија и неговото надминување. [Электронный ресурс]. URL: http://poa-info.org/mk/istorija/resavanje/Za_edinstvoto_na_crkvata.pdf. (дата обращения: 14.06.2022).

³⁰³ Vurušić V., Bajrušić R. U tijeku je raskol kakav nije viđen od 1054. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jutarnji.hr/vijesti/svijet/u-tijeku-je-raskol-kakav-nije-viden-od-1054-uzdrmani-su-temelji-pravoslavlja-a-podgorica-i-skoplje-mogli-bi-bit-i-uzrok-novog-povijesnog-razilazenja/9893347>. (дата обращения: 14.06.2022).

ведет к дестабилизации в регионе.

Одним из ключевых моментов сербо-македонских взаимоотношений стала операция НАТО против СРЮ, косвенное участие в которой приняла и РМ. Безусловно, этот шаг македонского руководства был продиктован соображениями безопасности: политика Милошевича в отношении албанского населения Косово вынуждала албанцев бежать в соседние государства, в том числе и на македонскую территорию. Приток албанских беженцев как из самой Албании, так и из СРЮ грозил дестабилизацией обстановки в республике; в свою очередь, НАТО нуждалось в плацдарме для возможного нанесения военного удара по СРЮ. Так что цели двух сторон (Македонской республики и североатлантической организации) могли быть достигнуты посредством размещения военного контингента НАТО на территории РМ, что и произошло в 1999 г. Македонское государство в данном случае получило существенные гарантии собственной безопасности. Среди македонского населения данное решение было воспринято неоднозначно³⁰⁴; сербское военное командование вовсе допускало мысль о размещении бригад косовских сепаратистов на македонской территории³⁰⁵. Фактически в ходе операции НАТО Македонская республика выступила против своего соседа.

Итоги операции НАТО предрешили политическое будущее режима Милошевича, и после «бульдозерной революции» в октябре 2000 г. наметилась тенденция к стабилизации обстановки в регионе; контакты Скопье и Белграда оживились, и в феврале 2001 г. был подписан договор о демаркации границы, более того, есть мнение³⁰⁶, что договор мог содержать секретный пункт о военной помощи со стороны Белграда в случае выступления албанских сепаратистов. В любом случае, заключение договора обозначало хорошие перспективы для

³⁰⁴ Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. С. 184.

³⁰⁵ Небойша Павкович. Узник патриотизма. Рассказ из застенка. [Электронный ресурс] URL: https://www.fontanka.ru/longreads/uznik_patriotizma_pavkovic. (дата обращения: 14.06.2022).

³⁰⁶ Колосков Е.А. Страна без названия... С. 119.

отношений двух республик, можно было предполагать интенсификацию деятельности в вопросе совместной евроинтеграции. Однако практически сразу разгорелся конфликт между армией РМ и албанскими боевиками, временно затормозивший внешнеполитическую деятельность Скопье. Показательно, что конфликт с албанскими экстремистами произошел практически сразу после подписания договора о границе, к которому косовская сторона так и не была допущена³⁰⁷.

Итоги конфликта 2001 г. не сказались негативно на внешнеполитическом положении Скопье, и начатый ранее курс на интеграцию в ЕС и НАТО был продолжен Македонской республикой, в том числе и в отношениях с СРЮ. В период 2001-2008 гг. можно отметить поворот сербского государства к сотрудничеству с НАТО и ЕС (присоединение к программе «Партнерство ради мира» в 2006 г., подготовка договора о стабилизации в 2005 г.), что совпадало с внешней политикой Скопье и находилось в русле деятельности региональных организаций, в которых состояли и македонская, и сербская (а с 2006 г. и отдельная черногорская) республики. Также отметим присоединение обоих государств в 2006-2007 гг. к Центрально-европейской ассоциации свободной торговли и Энергетическому сообществу, призванным облегчить попадание в ЕС.

Обострил отношения македонской и сербской республик вопрос Косово в 2008 г. Провозглашенная в одностороннем порядке, независимость края не была признана многими государствами-членами ООН, включая РФ и КНР. В то же время руководство македонского государства сразу объявило о признании Косово, в связи с чем на непродолжительное время дипломатические отношения между Скопье и Белградом были разорваны. Причина признания правительством Б. Црвенковского независимости Косово в том, что, являясь очагом нестабильности в регионе, Косово и косовские сепаратисты перестанут представлять опасность,

³⁰⁷ Marolov D. The relations between Macedonia and Serbia. P. 125.

получив легитимацию. Признавая независимость Приштины и выстраивая с ней диалог, Македонская республика укрепляла безопасность своей северной границы.

Наконец, в период с 2009 г. можно говорить о консолидации внешнеполитических приоритетов Скопье и Белграда: продолжая участие в уже действующих региональных организациях, обе республики присоединились к основанному в ноябре 2015 г. Западно-Балканскому фонду (WBF), нацеленному на укрепление политических и экономических коммуникаций в регионе и ускорению процессов интеграции государств региона с ЕС. Показательно, что в число основателей фонда вошло и правительство Косово. Наконец, в 2018 г. македонское государство присоединилось к организации Адриатической и Ионической инициативы, где уже состоит большинство республик региона, включая Сербию. Совместная деятельность членов данной организации направлена на упрощение культурной и экономической коммуникации в регионе³⁰⁸. Помимо этого, сербская и македонская стороны стремятся упростить экономическое взаимодействие: в 2018 г. было подписано соглашение об упрощении таможенного контроля, а в следующем году, при участии Албании, был заключен договор об упрощении перемещения товаров, капитала и людей через границы государств³⁰⁹.

Общим приоритетом, связанным с региональной безопасностью, является и вопрос беженцев: весной 2020 г. оба государства синхронно заявили о готовности закрыть границы для потока сирийских беженцев, хлынувшего из Турции³¹⁰.

³⁰⁸ Activities. // Adriatic and Ionian Initiative. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aii-ps.org/activities>. (дата обращения: 14.06.2022).

³⁰⁹ Премиерите Заев и Рама и Претседателот Вучиќ на трилатерална средба во пресрет на утрешниот состанок со другите лидери од Западен Балкан ја утврдија декларацијата за соработка. // Влада на Република Северна Македонија. [Электронный ресурс]. URL: <https://vlada.mk/node/19436>. (дата обращения: 14.06.2022).

³¹⁰ Сербская армия готова закрыть границу для мигрантов. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20200306/1568251231.html>. (дата обращения: 14.06.2022).

Проблемной точкой во взаимоотношениях государств остается косовский вопрос; время от времени стороны обмениваются резкими заявлениями относительно проблемы: к примеру, сербское правительство пригрозило в 2017 г. отозвать свое признание тогдашнего названия македонского государства из-за поддержки правительством З. Заева идеи о вступлении Косово в ЮНЕСКО, а в 2020 г. министр обороны Сербии резко прокомментировал высказанное президентом Северной Македонии мнение о невозможности пересмотра границ Сербии и Косово³¹¹. Можно предположить, что данный вопрос будет урегулирован по мере разрешения противоречий Белграда и Приштины, в котором намечаются позитивные тенденции.

Анализ отношений македонского и сербского государств позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, первые годы своего независимого существования Македонская республика рассматривала СРЮ как одну из угроз своему суверенитету, ввиду чего предпринимала энергичные попытки получить гарантии безопасности со стороны крупных акторов международных отношений. Контакты правительств Глигорова и Милошевича в этот период ограничивались соглашением о независимой македонской валюте и договором о выводе ЮНА, важность которого трудно недооценить. Логично предположить, что импульсом для установления дипломатических отношений стало временное прекращение спора о названии с Грецией и окончание боевых действий в Боснии и Герцеговине. Признание Белградом македонского соседа как равного подкрепилось вступлением обоих государств в ряд региональных проектов и инициатив.

Во-вторых, уже в конце 1990-х гг. обозначились две проблемные точки македонско-сербских отношений: это церковный спор об автокефалии МПЦ, который так и не был разрешен; и вопрос границы, тесно связанный с косовской

³¹¹ В Сербии заявили, что «не спрашивали» мнение президента Македонии по Косово. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2951859.html>. (дата обращения: 14.06.2022).

проблемой. Временное урегулирование вопроса о границе ускорило начало конфликта 2001 г., существенно повлиявшего на положение Македонской республики, и обнажило проблематику легитимизации косовских албанцев. Признание правительством Б. Црвенковского независимой Приштины стало камнем преткновения в отношениях Скопье и Белграда. Однако, одинаковый вектор в сторону евроинтеграции и совместное участие в региональных проектах, так или иначе ассоциированных с ЕС, позволяет делать осторожный прогноз о разрешении противоречий Сербии и Северной Македонии по косовскому вопросу, тем более что в последнее время участились и прямые контакты Белграда и Приштины.

В-третьих, насущный вопрос региональной безопасности дает двум государствам возможность в некотором роде синхронизировать свою внешнюю политику: примером этому может послужить сходная позиция Скопье и Белграда по вопросу сирийских беженцев, а также участие Белграда в проектах НАТО с получением статуса, близкого к статусу участника НАТО (которым в марте 2020 г. стала македонская сторона). Идея о том, что безопасность и процветание одного балканского государства обеспечивает безопасность и процветание соседнего государства³¹² находит свое отражение именно в сербо-македонском диалоге.

Македонская политика в отношении Сербии долго зависела от невозможности осуществления демократического транзита в СРЮ и была нацелена на нейтрализацию возможной агрессии со стороны соседа. Смена власти в Сербии в 2000 г. положительно повлияла на процессы демократизации на Балканах и на сербо-македонские взаимоотношения. В целом можно отметить весьма неоднородный характер отношений Македонии и Сербии с некоторыми положительными тенденциями, главной из которых является движение к евроинтеграции. Этнополитизация в диалоге Скопье и Белграда проявилась в

³¹² Интервью П. Лазаревского П. Смирнову. 19.11.2021-18.01.2022. // из личного архива.

вопросе МПЦ, как одного из столпов македонской идентичности. Можно предположить, что в случае более долгого пребывания С. Милошевича у власти, конфликт сербской и македонской сторон состоялся в открытой (необязательно военной) форме.

4.3. Проблематика формирования македонской нации

Рассмотрение вопросов македонской внешней политики в контексте разрешения этнических проблем немыслимо без четкого определения таких категорий как идентичность (национальная и государственная), нация, этничность и др. Выявление сущности данных понятий существенно облегчает задачу по изучению проблематики формирования македонской нации.

Итак, среди множества существующих в зарубежной и отечественной науке дефиниций идентичности, наиболее уместной представляется следующая, данная Э. Де Фреде в русле конструктивистского подхода: идентичность – интернализация цивилизации индивида³¹³. В свою очередь, цивилизация есть сконструированная обществом (или индивидом) идеальная картина своей культуры. Иными словами, идентичность – это воплощение представлений о себе как об идеальной группе. В данном случае «идеальное» связано не с превосходством, а с концентрацией положительных стереотипов о себе.

Отталкиваясь от данной трактовки идентичности, можно определить и национальную идентичность: это совокупность положительных представлений о себе, связанная с осознанием принадлежности к нации. Что же формирует эту самую принадлежность? Наиболее важными (и одновременно специфичными для Балканского региона) компонентами принадлежности к нации являются язык, культура, история и территория. То есть, национальная идентичность конструируется индивидами на основе положительных представлений об

³¹³ Фреде де Э. Культура, цивилизация и идентичность. // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 18.

общности своего языка, культуры и т. д. Если говорить о македонской национальной идентичности, то ключевым моментом в ней является самостоятельность македонского языка и независимость (от Болгарии) македонского культурно-освободительного движения на рубеже XIX-XX вв. Более того, опрос 2018 г. подтвердил уверенность македонских граждан в том, что именно язык (а не название государства) является опорой идентичности³¹⁴.

Однако не следует представлять национальную идентичность (в том числе и македонскую) как оторванный от реальности умозрительный конструкт. Напротив, представления о себе (применительно к балканским государствам) имеют под собой объективные основания в виде отдельно существующих языков, отличных друг от друга исторических путей каждого государства и различий в религии. Непродолжительный период совместного сосуществования в рамках СФРЮ не должен и не может ставить под сомнение национальную самобытность каждой постъюгославской республики.

Государственная идентичность представляет собой явление иного порядка, нежели национальная. Государственная идентичность является сводом правил поведения государства как актора международных отношений, и эти правила соблюдаются и остальными акторами. Основой же этих правил является определенное представление о государстве: как собственное, так и со стороны других (в этом случае концепция *brand state* как нельзя лучше поясняет механизм формирования представлений «извне»³¹⁵). Представление конструируется в равной степени как политическими элитами, так и собственно гражданами государства, и поведение политических элит является отражением настроений и ожиданий граждан.

На примере РСМ применение государственно-идентичностных установок

³¹⁴ The Name Dispute. Public view in Macedonia. 2018. <https://mcms.mk/images/docs/2018/the-name-dispute-2018.pdf>. (дата обращения: 14.06.2022).

³¹⁵ Ham P. The Rise of the Brand State: The Postmodern Politics of Image and Reputation. // Foreign Affairs. 2001. № 5. P. 6.

прослеживается в диалоге с НАТО: политика Скопье была направлена на получение гарантий безопасности со стороны Североатлантического альянса; государственная идентичность македонской республики в данном случае была обусловлена наличием множества внешних угроз. Восприятие себя как игрока, не обладающего большим объемом ресурсов по обеспечению безопасности, обусловило поиск сильных партнеров и их аналогичное отношение к РСМ.

Говоря о национальной идентичности, необходимо также обозначить и разграничить понятия нации и этноса. К первому можно отнести определение Э. Де Фреде: это политическое выражение общества в пределах его географических границ³¹⁶. Сходное определение предлагает и Б. Андерсон, называющий нацию *воображенным* политическим сообществом³¹⁷. Здесь нужно указать на конструктивистскую трактовку нации как сообщества, которое существует по причине осознания его членами своей принадлежности к этому сообществу.

Следовательно, неперменным атрибутом нации должна являться государственность, включающая в себя вышеназванные ключевые компоненты: язык, религия, культура, история. Несмотря на некоторую лаконичность формулировки, главное свойство нации представлено очевидно – это политическое сообщество. В данном случае определение этноса, на наш взгляд, можно дать в упрощенном виде: этнос – общество, существующее в определенных географических границах и имеющее общее происхождение и культуру, при этом не обладающее политическим выражением.

В чем же разница между нацией и этносом? Наиболее очевидным и бесспорным признаком, отличающим нацию от этноса, является государственность и политическая деятельность. Для нашего исследования оба понятия имеют важное значение и получают определенное применение. Македонская нация, в политическом отношении представленная правительством

³¹⁶ Фреде де Э. Культура, цивилизация и идентичность. С. 19.

³¹⁷ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Кучково поле, 2016. С. 47.

республики, имела ряд этнических проблем, которые требовалось разрешать как во внутренней, так и во внешней политике. Этнические проблемы в данном контексте – проблемы, *связанные с этносами, не имеющими государственности на македонской территории, или проблемы, связанные с этничностью каких-либо групп*. Для понимания данной дефиниции необходимо пояснить, что такое этничность. Согласно емкому определению В.И. Козлова, этничность – это свойство какого-либо этноса, отличающее его от другого этноса³¹⁸. Данное определение вполне коррелирует с традиционным пониманием этничности как субъективного чувства принадлежности к определенной группе, объединенной общей культурой и происхождением³¹⁹. Добавим, что нация (как этнос, обладающий государственностью) может обладать этничностью как одним из своих свойств. В данном случае нельзя не согласиться с идеей В.А. Тишкова о государственном, политическом наполнении понятия «нация», что явно отличает данный термин от понятия «этнос»³²⁰.

Важным моментом, нуждающимся в пояснении, является суть государственности как признака, отличающего нацию от этноса. Государственность *не обязательно* подразумевает наличие у группы собственного государства, возможно и обладание лишь определенной политической автономией в рамках другого государства. Сопоставление внутриполитических контекстов каждого государства Западных Балкан позволяет привести конкретные примеры: Республика Сербская как автономная политическая единица в составе БиГ обладает государственностью (подкрепленной этнической гомогенностью), что позволяет называть боснийских сербов нацией, в то время как албанское население РСМ, интегрированное в

³¹⁸ Козлов В.И. Проблематика "этничности" // Этнографическое обозрение. 1995. №4. С. 50.

³¹⁹ Цит. по: Wimmer A. The Making and Unmaking of Ethnic Boundaries: A Multilevel Process Theory. // American Journal of Sociology. 2008. Vol. 113. №4. Pp. 973.

³²⁰ См. Дробижева Л.М., Рыжова С.В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России. // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 10.

политическое пространство македонского государства, своей государственностью не обладает и нацией называться не может. Только гипотетический пересмотр Рамочных соглашений с последующей деинтеграцией албанского населения может сделать македонских албанцев нацией, обладающей собственной государственностью.

Таким образом, этнические проблемы РСМ – это спорные вопросы, касающиеся положения и прав албанцев, цыган, болгар и других групп, не имеющих (и не могущих иметь) государственности на территории македонской республики. Проще говоря, это вопросы этнических меньшинств. Одновременно с этим, этнонациональный фактор во внешней политике РСМ представляет собой совокупность спорных вопросов во взаимоотношениях македонского государства с государствами-соседями, где этничность РСМ вступает в конфликт с этничностью другого государства. Например, языковой конфликт Софии и Скопье.

Возвращаясь к вопросу идентичности (в этой главе акцент был сделан на национальной идентичности), нужно подчеркнуть следующее: идентичность включает в себя представления о самобытности своего языка и культуры, обращение к историческому прошлому и верность религиозным традициям. Македонская идентичность строится на идее самобытности македонского языка и самостоятельности македонской истории, что приводит нас к вопросу формирования македонской нации.

Связь истории и нации обусловлена специфическим миропониманием балканских народов, в котором концепт гражданственности подчинен концепту нации³²¹. То есть, чем богаче и дольше исторический путь, тем раньше сформировалась нация. В п.1 были обозначены спорные моменты македонской

³²¹ Roudometof V. Collective Memory, National Identity and Ethnic Conflict: Greece, Bulgaria and the Macedonian Question. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/26041600/Collective_Memory_National_Identity_and_Ethnic_Conflict_Greece_Bulgaria_and_the_Macedonian_Question. (дата обращения: 14.06.2022).

истории, вызывающие негативную реакцию в Болгарии; нужно подчеркнуть, что самостоятельная македонская история берет свое начало в 1878 г. Тогда же можно говорить о постепенном превращении македонского этноса в нацию, путь которой к обретению государственности был долгим в силу объективных причин в виде активного участия внешних акторов в региональных процессах. Наряду с процессом превращения македонского этноса в нацию шел процесс формирования македонской национальной идентичности. Примечательно, что в греческой интеллектуальной среде даже в период конфронтации с РМ по вопросу о названии государства, признавалось возникновение македонской, отличной от болгарской, идентичности во второй половине XIX в.³²²

Если говорить о периоде независимого существования македонского государства, то очевидным и наглядным представляется процесс трансформации македонской нации из этнической в государственную. Во многом этот процесс был простимулирован заключением Рамочных соглашений, изменивший положение албанского населения РМ: так из «национального государства македонского народа»³²³ (согласно изначальной преамбуле к Конституции), македонская республика превратилась в государство с множеством признанных общин, самобытность которых охраняется законом. Создание государственной нации на базе этнической иллюстрируется и фактом заключения Преспанских соглашений, в которых якобы было противоречие, вызвавшее недовольство граждан РСМ³²⁴. Противоречие касалось именовании национальности македонцев – станут ли они северомакедонцами после заключения соглашения и внесения поправок в Конституцию? На наш взгляд, формулировки Преспанского

³²² Georgios Kokkolis. How SlavMacedonians see themselves: birth and evolution of the “Macedonian” national identity. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/415934/How_SlavMacedonians_see_themselves_birth_and_evolution_of_the_SlavMacedonian_nationalism. (дата обращения: 14.06.2022).

³²³ Конституция Республики Македонии. 17 ноября 1991. // Македония. Путь к самостоятельности. Документы. С. 111.

³²⁴ Интервью П. Лазаревского П. Смирнову. 19.11.2021-18.01.2022. // из личного архива.

соглашения (статьи 1 и 7)³²⁵ предельно точно зафиксировали два момента: сохранение непосредственно македонской национальной идентичности и укрепление государственной идентичности Республики Северной Македонии. Последнее, в свою очередь, обозначило интенсификацию процесса конструирования государственной нации. Здесь следует указать на то, то конструированием нации занимаются политические элиты и партии, т.е. те силы, которые в широком смысле являются государством, «надстройкой» над гражданским обществом. Нужно подчеркнуть, что активность политических элит является закономерным отражением настроений в обществе и не может рассматриваться в отрыве от него; процесс формирования государственной нации, несомненно, имел корни в социальной среде македонских граждан. В этом смысле показательными являются события осени 1994 г., когда происходили первые президентские выборы в РМ. Кандидат от ВМРО-ДПМНЕ Л. Георгиевски призывал национальные меньшинства стать македонцами в государственном смысле³²⁶, опираясь на лозунг «Македония для македонцев», что в условиях внешнеполитической нестабильности не являлось приоритетом для избирателя. Лишь укрепление внешнеполитических позиций РМ спустя несколько лет стимулировало процесс складывания македонской государственной нации. Субъектом же данного процесса являлось собственно македонское государство, решавшее проблемы как внутривнутриполитического характера (установление консенсуса между партиями и этническими группами в республике), так и внешнеполитического – утверждения собственной идентичности на основе определенных концептов.

Говоря о конструировании государственной нации, нужно указать на

³²⁵ The Final Agreement for the settlement of the differences as described in the UN Security Council resolutions 817 (1993) and 845 (1993), the termination of the Interim Agreement of 1995 and the establishment of a Strategic Partnership between the two Parties. P. 2. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mfa.gr/images/docs/eidikathemata/agreement.pdf>. (дата обращения: 14.06.2022).

³²⁶ Митревска Я. Электоральные процессы в македонском транзите. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.02. Тамбов, 2015. С. 135.

отличие конструктивистского подхода от примордиалистского и инструменталистского, не вполне применимых к македонскому случаю. Примордиалистская концепция базируется на представлении об этносе и нации как общности людей, обладающих общими характерными чертами и проживающих на одной территории. Нация в данном случае – нечто, существующее продолжительное время и имеющее уникальный характер (*sui generis*). В случае с македонской нацией и этничностью это не вполне корректный подход, т.к. абсолютно всеми разделяется мысль о «молодости» македонской нации и ее близости к соседним этническим и национальным группам сербов и болгар.

Инструменталистская же концепция предполагает существование какой-либо этничности или идентичности только в роли инструмента достижения определенных политических целей различными властными группами и элитами; т.е. самооценку нации и идентичности имеет явно вторичный, *ситуативный* характер. Данный подход, на наш взгляд, трудно применить к анализу процессов в Балканском регионе, в котором местные, национальные традиции в сочетании с неизгладимыми свойствами балканского национализма – иррациональностью, эмоциональностью, неизменным обращением к прошлому³²⁷, являются своеобразным символом веры как для общества, так и для властных элит.

При этом в случае с РСМ видится не вполне уместным повсеместное применение конструктивистских трактовок вплоть до признания этноса и этнической идентичности как одной из форм социальной структуры, которая может прекратить свое существование по мере отторжения своими членами факта принадлежности к ней. К примеру, Ф. Барт признает подвижность и ситуативность этнических границ, а принадлежность к этнической группе – не

³²⁷ Анникова В.А. Радусинович М. Этнические конфликты на территории бывшей Югославии. // Вестник РУДН. Серия Социология. 2015. Том 15. № 4. С. 99.

более, чем вопрос сознания³²⁸. Отметим, что при анализе специфики албанской, македонской и любой иной этнической группы Балканского региона в первую очередь принимаются во внимание априорные, а не ситуативные характеристики данной группы, имеющие определенное антропологическое (но не умозрительное) происхождение.

Вопрос идентичности македонского государства, базирующийся на концептах языка, культуры и религии, выходя на центральное место в диалоге Скопье с другими государствами, попадает в ряд этнических проблем, когда македонская этничность вступает в противоречие с чьей-либо этничностью. Здесь нужно сказать о специфическом для Балканского региона явлении этнополитизации внешней политики, когда в двусторонних или многосторонних отношениях какого-либо из региональных акторов на первый план выходят вопросы этничности и входящие в них проблемы идентичности, религии и пр. Проводя параллели с выводами Р. Брубейкера об этническом насилии, можно сказать, что этнополитизация внешней политики – процесс, направленный на *иную* этническую принадлежность противоположного субъекта³²⁹.

Этнонациональный аспект внешней политики РСМ наиболее отчетливо проявился в контактах с Болгарией и Сербией, но не с Грецией. Можно предположить, что вопрос наименования собственного государства в самоидентификационной системе воззрений македонского народа и власти априори занимал менее важное место, чем вопрос этничности и религии, а смена названия государства не стала «главным национальным вызовом РСМ в области политики идентичности»³³⁰. Если попытаться выстроить шкалу приоритетов македонского государства в политическом поле (что вполне отражает настроения

³²⁸ Цит. по: Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: Политические функции этничности. М.: Издательство Московского университета, 2019. С. 40.

³²⁹ Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 177.

³³⁰ Салаватова А.В. Европейская интеграция как фактор македонской национальной идентичности. // Современная Европа. 2021. №1. С. 209.

в обществе), то на первом месте будет концепт языка и истории, на втором религии, на третьем – государства, как бы парадоксально это ни выглядело. Дело в том, что название государства, в конечном итоге, не меняет сущность македонского народа и его самосознания; подписание Преспанского соглашения сделало македонцев гражданами Северной Македонии, но не северомакедонцами, равно как и язык остался македонским. Получается, что спор о названии с Грецией был дискуссией о терминах, к которым греческая сторона по объективным причинам испытывала большой интерес и тревогу. Что касается места религии в представлениях македонского общества, то наиболее красноречиво об этом свидетельствуют результаты опросов населения, проведенных в ходе парламентских выборов 2020 г.: большинство респондентов отметили присутствие религиозной символики в риторике партий, что несколько не повлияло на их выбор³³¹.

В свою очередь, вопрос существования и «периодизации» существования своей нации для македонцев стал крайне болезненным и трудноразрешимым, что и отразилось на диалоге Софии и Скопье. Любые попытки отрицать или упрощать историю македонского национального самосознания, объективно берущего свое начало в событиях антиосманской борьбы начала XX века и неразрывно связанного с именем Гоце Делчева, ведут к конфронтации. По меткому замечанию У. Альтерматта, национализм занял место религии³³², и любое посягательство на чью-либо идентичность имеет драматические последствия, что проиллюстрировали события после распада СФРЮ. В свою очередь, религия как промежуточный концепт между национальной идентичностью и государственным названием, имеет соответствующее значение для македонской внешней политики, являясь одновременно и опорой

³³¹ Попадьева Т.И. Религиозный фактор формирования гражданской идентичности в Северной Македонии. // Обозреватель. 2021. №10 (321). С. 63.

³³² Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. С. 140.

национальной идеологии, и инструментом политической борьбы.

Немаловажным условием складывания македонской нации и формирования государственной идентичности является процесс преодоления внутригосударственных противоречий и слияние идентичностей различных социальных или этнических групп. Данный процесс в РСМ, по нашему мнению, в пост-охридский период развивается по восходящей, но данные опросов свидетельствуют о не до конца преодолённом противопоставлении албанской и македонской групповой идентификации (особенно в молодежной среде)³³³.

Подводя итог, нужно отметить главное: вопросы национальной македонской идентичности имеют большое значение не только для самой РСМ или в региональном масштабе, но и напрямую затрагивают общеевропейские интеграционные процессы. Конфликт Софии и Скопье обладал большей остротой, нежели спор о названии с Грецией, невозможность вступления РСМ в ЕС в текущих условиях уже вызвала обеспокоенность у европейских политических элит. Можно предположить, что возможное активное участие европейских акторов в разрешении данного вопроса рано или поздно привнесет рациональную составляющую в межгосударственные отношения в регионе и станет сдерживающим фактором для дальнейшей этнополитизации внешней политики всех балканских государств, включая РСМ.

³³³ Пономарева Е.Г. «Новое прошлое» Западных Балкан. // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2020. №5 (102). С. 269.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленное исследование направлено на выявление основных характеристик и перспектив внешней политики Северной Македонии по разрешению этнических проблем. Проведенный в рамках работы анализ показал тенденции во внешней политике Скопье и ее перспективы, связанные, в первую очередь, с интеграцией в Европейский союз.

Исследовательская гипотеза, состоящая в том, что внешняя политика Республики Северной Македонии в большей степени испытывала на себе влияние этнонационального фактора, чем политика других постъюгославских государств, подтверждена следующими заключениями:

- македонское государство с момента объявления независимости столкнулось с рядом этнических проблем внутреннего и внешнего характера, которые в совокупности определяли внешнеполитическую линию Скопье. К этим проблемам относятся греческий, албанский и болгарский вопросы, каждый из которых тормозил евроатлантическую интеграцию РСМ, вынуждая руководство республики идти на значительные изменения во внутренней и внешней политике, вплоть до переименования государства;

- под этническим (этнонациональным) фактором подразумевается совокупность проблематик, связанных с главными для любого государства идеологическими концептами — самоназвание, самоидентификация, язык, история, религия, культура. Возникновение спорных вопросов по каждому из этих концептов автоматически вводит во внешнеполитическую повестку государства этнонациональный фактор;

- Сравнение с внешней политикой других государств бывшей Югославии показало уникальность македонского случая, т. к. ни Хорватия, ни Черногория не входили в состав НАТО через преодоление вето другого государства.

На основании проведенного исследования автор пришел к следующим выводам:

1. Внешнеполитические приоритеты РСМ были сформированы до объявления независимости и заключались в сближении с ЕС, что отражает общерегиональные тенденции. Роль македонского государства в региональных и европейских процессах постепенно менялась в сторону большей значимости. Неразрешенные этноидентификационные вопросы парадоксальным образом вовлекали РСМ в процесс евроатлантической интеграции, т. к. стабилизация отношений между государствами Балкан (путем разрешения их противоречий) являлась одной из целей ЕС. Постоянно взаимодействуя с ЕС и НАТО, македонская внешняя политика, таким образом, была активной и целенаправленной. В итоге, в 2020 г. РСМ стала членом НАТО. При этом нельзя согласиться с мнением, что македонская политика имеет зависимый характер и всецело находится в русле политики НАТО³³⁴: внешнеполитический вектор Скопье явился результатом осознанного решения, принятого в условиях коллапса СФРЮ, когда государства региона видели лишь один – евроатлантический – ориентир.

2. Внешняя политика прямым образом влияла на процессы демократизации и самоидентификации в македонском государстве. Данная связка внешнеполитических процессов и демократизации на внутренней арене в той или иной степени характерна для всех государств бывшей Югославии, однако в случае с РСМ представляется наиболее любопытной. После объявления независимости в македонском государстве у власти оказались социал-демократы, проводившие умеренный курс в поисках эффективного решения внешнеполитических спорных вопросов. Однако по мере обострения албанской или болгарской внешнеполитической проблематики маятник партийного

³³⁴ Интервью П. Лазаревского П. Смирнову. 19.11.2021-18.01.2022. // из личного архива.

устройства в РСМ качался в правую сторону, что не способствовало демократизации в республике. Процессы самоидентификации также ощущали на себе влияние внешнеполитических вопросов, закономерно усиливая национально-патриотические настроения в македонском обществе как реакцию на отрицание македонской идентичности государствами-соседями. Однако имелаась и обратная связь: инициированный консервативными силами антигреческий проект «Скопье 2014» во внутренней политике вызвал стагнацию отношений Афин и Скопье.

3. Проведенный анализ и сопоставление маршрутов евроинтеграции различных государств Западных Балкан выявили специфику македонского случая. Изначально являясь одним из первых среди постъюгославских республик кандидатов на вступление в ЕС, РСМ не смогла за тридцать лет осуществить интеграцию в данную структуру. Причина крылась в идентичностных конфликтах сначала с Грецией, затем с Болгарией, обладающими правом вето на вступление Скопье в ЕС. Выполнение критериев соответствия членству в Европейском Союзе потребовало от македонского правительства проводить более демократичную внутреннюю политику, в том числе, в этническом аспекте. Это привело к установлению албанского языка как второго официального в республике. Македонский пример показал общие для региона Западных Балкан экономические сложности, затруднявшие или которые могли затруднить в будущем взаимодействие государств с ЕС (низкий уровень инвестиций, безработица и т. д.).

4. В результате анализа проблематики региональной безопасности на Балканах определены основные факторы нестабильности и источники, как в прошлом, так и в настоящем. Процесс стабилизации и достижения региональной безопасности на Балканах можно условно поделить на два этапа: первый, связанный с политикой СРЮ, когда ряд кризисов делал невозможным достижение безопасности в регионе в 1991-1999 гг. (многими исследователями

собирачительно именуемый как период Югославской войны) и второй, после 2000 г., связанный с устранением локальных угроз, разрешением в общерегиональном масштабе албанского вопроса и возникновением региональных организаций. Показателем состояния региональной безопасности служит растущая взаимозависимость государств региона, в том числе, в экономическом аспекте. Участие внерегиональных акторов по-прежнему остается довольно активным, но по мере интеграции балканских стран в ЕС и НАТО присутствие международных организаций приобретает неявный, «фоновый» характер. Подчеркивается, что одной из главных угроз на данный момент является вероятность «импорта» террористических групп из Ближнего Востока и Северной Африки, а также продолжающаяся пандемия COVID-19.

5. Российско-македонские отношения сохраняют значимость для обоих государств, при этом обладая трудно предсказуемым характером. После 2001 г. наблюдался поиск «точек соприкосновения» РФ с РМ в свете отношений Скопье с ЕС и НАТО. Для Скопье сотрудничество с РФ имеет немаловажное значение в русле той линии, которую македонская республика избрала в своей внешней политике – роли перекрестка межконтинентальных связей, что подразумевает развитие всех внешнеполитических контактов с сохранением приоритета, которым для Скопье является евроатлантическая интеграция. Также долгое время РСМ не присоединялась к санкциям против РФ, что свидетельствует о расценивании «российского» вектора внешней политики Скопье как резервного плана на случай непопадания в число стран-членов ЕС.

Помимо выполненных задач в работе предложен термин этнополитизация внешней политики как процесса, связанного с возникновением кризисных явлений во внешней политике балканских государств на примере РСМ. Этнополитизация отношений Скопье с государствами региона выражалась в следующем: в отношении с каждой страной на первый план выходил этнический (и связанный с ними вопрос идентичности) аспект, что зачастую принимало

форму защиты неких общих, осознаваемых на государственном уровне, ценностей культурно-исторического характера³³⁵. В тех случаях, когда межгосударственные отношения приобретали враждебный характер и возникала этническая мобилизация (например, греко-македонские контакты в середине 1990-х гг.), можно говорить об исключительной этнополитизации контактов.

По аналогии с этнополитизацией конфликта, когда напряженность между различными социальными группами приводит к конфронтации, имеющей внесоциальную окраску, этнополитизация отношений между государствами и/или международными организациями есть не что иное, как перенос акцентов во взаимодействии двух акторов на негативный, болезненный и неразрешимый вопрос, связанный с этничностью. В разрешении этого вопроса каждая сторона отстаивает свою правоту, основанную на совокупности определенных представлений о себе.

Также в работе предложена авторская периодизация внешней политики РСМ, подразумевающая выделение нескольких этапов, ограниченных важными для РСМ внешнеполитическими событиями с участием внерегиональных акторов.

В качестве перспективных направлений дальнейших исследований внешней политики РСМ можно указать следующие: диалог с Косово и Турцией как отражение многовекторности внешней политики РСМ; контакты Скопье и Пекина в контексте проникновения китайских инвестиций в Юго-Восточную Европу; роль македонских диаспор в мире в формировании внешней политики РСМ.

В завершение нужно сказать, что проблематика внешней политики Республики Северной Македонии отличается большой глубиной и нуждается в дальнейшем изучении.

³³⁵ Ачкасов В.А. Этнополитический конфликт как конфликт идентичностей. // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 6. Вып. 1. С. 39.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые документы

1. Декларация от 17 сентября 1991 г. // Македония. Путь к самостоятельности. Документы / Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Радуга, 1997. С. 109-110.
2. Конституция Республики Албания от 21 октября 1998 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20161230003552/http://juridiksi.e-monsite.com/faqe/legjislacion/kushtetuta-e-rsh/>.
3. Конституция Республики Македония (17 ноября 1991 г.) // Македония. Путь к самостоятельности. Документы / Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Радуга, 1997. С. 111-145.
4. Общее видение, единый подход: сильная Европа. Глобальная стратегия Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/feature_eu_global_strategy_full_text.pdf.
5. Бела книга на одбраната. Скопје: Министерство за одбрана на Република Македонија, 2012. 266 с.
6. Национална концепција за безбедност и одбрана. // Службен весник на Република Македонија. 23 јуни 2003. С. 14-21.
7. Преспански договор 17 јуни 2018 // Викиизвор. [Электронный ресурс] URL: https://mk.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8_%D0%B4%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80.
8. Active Engagement, Modern Defence. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organisation adopted by Heads of State and Government in Lisbon. 19 Nov. 2010. // North atlantic treaty

organization. [Электронный ресурс]. URL:
https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_68580.htm.

9. Bucharest Summit Declaration. 03 Apr. 2008. // North Atlantic treaty organization. [Электронный ресурс] URL:
https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_8443.htm.

10. Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism. 16.V.2005. // Council of Europe. [Электронный ресурс] URL:
https://web.archive.org/web/20060226091528/http://www.icj.org/IMG/pdf/CoE_Convention-2005.doc.pdf.

11. Declaration of Strategic Partnership and Cooperation Between the United States of America and the Republic of Macedonia. May 7, 2008. // US Department of State. [Электронный ресурс] URL:
<http://web.archive.org/web/20080514000125/http://www.state.gov/p/eur/rls/or/104441.htm>.

12. European Council in Lisbon 26-27 June 1992. Conclusions of the Presidency.

13. Greece and The Former Yugoslav Republic of Macedonia Interim Accord (with related letters and translations of the Interim Accord in the languages of the Contracting Parties). [Электронный ресурс] URL:
https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/MK_950913_Interim%20Accord%20between%20the%20Hellenic%20Republic%20and%20the%20FYROM.pdf

14. The Final Agreement for the settlement of the differences as described in the UN Security Council resolutions 817 (1993) and 845 (1993), the termination of the Interim Agreement of 1995 and the establishment of a Strategic Partnership between the two Parties. [Электронный ресурс]. URL:
<https://www.mfa.gr/images/docs/eidikathemata/agreement.pdf>

15. United Nations. General Assembly. A/RES/47/225. 98th plenary meeting. 8 April 1993. Admission of the State whose application is contained in document

A/47/876-S/25147 to membership in the United Nations. // [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gr/images/docs/fyrom/resolution_unga_225_1993.pdf.

Монографии и научные сборники

16. Алексеева Т.А. Конструктивизм в международно-политических исследованиях. // Современная политическая наука. Методология. / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, АИ. Никитин. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 293-315.
17. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: РГГУ, 2000. 367 с.
18. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
19. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
20. Гуськова Е.Ю. Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии. М.: ИНИОН РАН, 1999. 156 с.
21. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000). М.: Русское право, 2001. 720 с.
22. Европейский союз в XXI веке: время испытаний. / под ред. О.Ю. Потемкиной. М.: Весь мир, 2012. 656 с.
23. Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Пороховой погреб Европы. М.: Вече, 2000. 411 с.
24. Иванова Ю.В. Албанцы и их соседи. М.: Наука, 2006. 367 с.
25. Калдор М. Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 416 с.
26. Калхун К. Национализм. М.: Территория будущего, 2006. 288 с.
27. Киссе А.И. Этнический конфликт: теория и практика управления. Политологический анализ. М.: Логос, 2016. 380 с.
28. Колосков Е.А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991-2001 гг.). М.: Институт славяноведения РАН, 2013. 276 с.

29. Никифоров К.В. Сербия на Балканах. XX век. М.: Индрик, 2012. 176 с.
30. Никовский Р. США и независимая Македония (1991-2013). М.: Институт славяноведения РАН, 2016. 234 с.
31. Пономарева Е.Г. Новые государства на Балканах. М.: Изд-во МГИМО (У) МИД России, 2010. 252 с.
32. Пономарева Е.Г. Политическое развитие постъюгославского пространства (внутренние и внешние факторы). М.: Изд-во МГИМО (У) МИД России, 2007. 236 с.
33. Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. Начало XX в. - 1991 год. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 1024 с.
34. Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX-начало XXI века. М.: Институт права и публичной политологии, 2002. 624 с.
35. Романенко С.А. Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 500 с.
36. Романенко С.А., Улунян А.А. Концепции национальной безопасности и внешней политики государств Западных Балкан. Преодоление конфликтности и евроатлантические перспективы. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 40 с.
37. Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: Политические функции этничности. М.: Издательство Московского университета, 2019. 416 с.
38. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы / под ред. В.К. Волкова. М.: Индрик, 2000. 368 с.
39. Хрусталева М.А. Основы теории внешней политики государства: Учебное пособие. М.: Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1984.

80 с.

40. Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX-начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Нестор-история, 2015. 480 с.

41. Цыганков А.П. Внешняя политика России от Горбачева до Путина: формирование национального интереса. М.: Научная книга, 2008. 272 с.

42. Энтина Е.Г. Международный контекст евроинтеграции Западных Балкан. М.: Институт Европы РАН, 2016. 130 с.

43. Энциклопедия изгнаний. Депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке. / ред. кол.: Д. Брандес, Х. Зундхауссен, Ш. Требст. М.: РОССПЭН, 2013. 727 с.

44. Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. / под ред. А.А. Языковой. М.: Весь мир, 2007. 352 с.

45. Югославия в XX веке: Очерки политической истории. / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Индрик, 2011. 888 с.

Научные книги на иностранных языках

46. Димитров Д. Културата на идентитетот. Скопје: Макавеј, 2010. 151 с.

47. Маролов Д., Митев О. Создавањето на независна република Македонија. Внатрешни состојби и надворешна политика. Штип: Универзитет «Гоце Делчев», 2016. 294 с.

48. Стоковна размена на Република Македонија со странство, 2015. Скопје: Државен завод за статистика на Република Македонија, 2017. 110 с.

49. Тунтев А. Република Македонија. Прва декада (1990-1999). Скопје, 2005. 493 с.

50. Biberaj E. Albania in transition: The rocky road to democracy (Nations of the Modern World: Europe). New York: Routledge, 2018. 377 p.

51. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 588 p.

52. Dakin D. The Unification of Greece, 1770-1923. London: Benn, 1972. 344 p.
53. Frckoski D.L. The character of the name dispute between Macedonia and Greece. Scopje, 2009. 13 p.
54. Glenny M. The Balkans. Nationalism, War, and the Great Powers. 1804-2012. Toronto: House of Anansi Press Inc., 2012. 774 p.
55. Hayward R.A., Gurr T.R., Rupesinghe K. Journeys through conflict narratives and lessons. Boston: Rowman & Littlefield Publishers Inc., 2001. 462 p.
56. Hogan P. K. Understanding Nationalism. On Narrative, Cognitive Science, and Identity. Columbus: Ohio State University Press, 2009. 386 p.
57. Kelly G.A. A theory of personality. The psychology of personal constructs. New York: W.W. Norton & Company, 1963. 211 p.
58. Klekovski S., Mihailovska J., Jovanov M. The Name Dispute – Public view in Macedonia. Skopje: MCIC, 2018. 52 p.
59. Liotta P., Jebb R.C. Mapping Macedonia: Idea and Identity. Westport: Praeger Publisher, 2004. 192 p.
60. Macedonia. A Greek term in modern usage. Thessaloniki: Research Centre for Macedonian History & Documentation, 2005. 95 p.
61. Marolov D. Republic of Macedonia Foreign Policy: Diplomacy in the Middle of the Balkans. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013. 89 p.
62. Morgenthau H. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. New York: Knopf, 1967. 639 p.
63. Nation R.C. War in the Balkans, 1991-2002. Pennsylvania: Strategic Studies Institute, 2003. 388 p.
64. Onuf N.G. World of our making. Rules and Rule in Social Theory and International Relations. London: Routledge, 2012. 352 p.
65. Phillips J. Macedonia: Warlords and Rebels in the Balkans. New York:

I.B. Tauris & Co Ltd., 2004. 240 p.

66. Poulton H. Who are the Macedonians? Bloomington: Indiana University Press, 1995. 242 p.

67. Rossos A. Macedonia and the Macedonians. Stanford: Hoover Institution Press, 2008. 368 p.

68. Special Eurobarometer 255. Attitudes towards European Union Enlargement. July 2006. 162 p.

69. Waltz K. Theory of International Politics. Reading: Addison-Wesley Publishing Co., 1979. 239 p.

70. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 432 p.

71. Williams A. Preventing war: The UN and Macedonia. New York: Rowman and Littlefield, 2000. 224 p.

Диссертационные исследования

72. Вайшля С. Этнополитическая идентичность латгальской этнической группы и перспективы достижения национального согласия в Латвийской Республике. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.05. СПб., 2020. 292 с.

73. Димитровска А. Деятельность международных террористических организаций в странах Западных Балкан. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.04. М., 2019. 269 с.

74. Ковач М. Сравнительный анализ деятельности международных организаций в конфликтах в Косово и Македонии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.04. М., 2009. 233 с.

75. Митревска Я. Электоральные процессы в македонском транзите. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.02. Тамбов, 2015. 240 с.

76. Соколова П.С. Балканский регион и европейская безопасность

(актуальные проблемы и пути их решения). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.04. М., 2007. 199 с.

77. Третьякова М.Ч. Албанский вопрос во внутренней политике Македонии (1991-2001). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.03. М., 2018. 291 с.

78. Федоров М.С. Деятельность Европейского Союза по урегулированию региональных конфликтов: потенциал, политические механизмы и практика. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.04. М., 2019. 184 с.

79. Ристов И. Турската моќ на Балканот и безбедносните импликации – случај Северна Македонија. Докторски труд. Скопје, 2020. 444 с.

80. Lamont C.K. Coercion, norms and atrocity: explaining state compliance with International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia arrest and surrender orders. Submitted for the degree of PhD in Politics. Glasgow, 2008. 281 p.

Научные статьи

81. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности. // Политическая наука. 2020. №3. С. 74-97.

82. Андропова И.В., Миновска М., Дюжева Н.В. Влияние соглашения о стабилизации и ассоциации на развитие внешней торговли Северной Македонии с ЕС. // Современная Европа. 2020. №2. С. 78-89.

83. Анникова В.А., Радусинович М. Этнические конфликты на территории бывшей Югославии. // Вестник РУДН. 2015. Т. 15. №4. С. 94-102.

84. Ачкасов В.А. Политика идентичности в современном мире. // Вестник СПбГУ. 2013. Сер. 6. Вып. 4. С. 71-77.

85. Ачкасов В.А. Этнополитический конфликт как конфликт идентичностей. // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 6. Вып. 1. С. 37-43.

86. Белоногов А.Л. Перспективы расширения программ партнерства

НАТО в начале XXI века: постсоветское пространство, Балканы, «контактные страны». // Известия Российского Государственного Педагогического Университета им. А.И. Герцена. 2010. С. 299-310.

87. Власова К.В. Парадоксы балканской политики Европейского Союза. // Современная Европа. 2014. №3. С. 117-126.

88. Волков В.К. Балканская западня и проблема столкновения цивилизаций. // Славянский мир: проблемы истории и современность (памяти В.К. Волкова). / под ред. А.В. Карасева. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. С. 40-59.

89. Волков В.К. Трагедия Югославии (1991-1995 гг.). // Славянский мир: проблемы истории и современность (памяти В.К. Волкова). / под ред. А.В. Карасева. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. С. 60-106.

90. Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях. // Сравнительная политика. 2012. №2 (8). С. 30-58.

91. Головин Д.О., Складов С.А. Новый македонский вопрос: современный этап развития. // Международная аналитика. 2020. № 11 (2). С. 68-90.

92. Горшенева И.Б. Историческая память, историческая политика и идентичность в Европе. // Панорама. 2011. № 1. С. 120-128.

93. Гуськова Е.Ю. Вооруженный конфликт и политическое урегулирование: Кризис диалоговой модели на Балканах в 90-е годы XX в. Ч. 1. // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 83-100.

94. Димитров Д. Антропологический взгляд на албанский экстремизм // Албанский фактор кризиса на Балканах. / отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 104-110.

95. Довгялло М.С. Бывшая Югославская Республика Македония

(БЮРМ) – становление, развитие и «македонский вопрос» во взаимоотношениях с Грецией // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.): материалы II Международной научно-практической конференции, Витебск, 23-24 апреля 2015 г., ВГУ им. П.М. Машерова, 2015. С. 202-208.

96. Дробижева Л.М., Рыжова С.В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России. // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 9-24.

97. Зеликсон Д.И. Интересы Греции на Западных Балканах. Большое Причерноморье: политика, экономика, безопасность. // Доклады Института Европы РАН № 363. М.: ИЕ РАН, 2019. С. 28-31.

98. Искендеров П.А. Албания и кризисы на постъюгославском пространстве. // Албанский фактор кризиса на Балканах / отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 117-132.

99. Калоева Е.Б. Балканы между Западом и Россией: взгляд сквозь призму общественного мнения. // Актуальные проблемы Европы. 2017. №3. С. 87-113.

100. Калоева Е.Б. Европейская и национальная идентичность. Борьба или взаимодействие (опыт Балкан). // Европеизм и национализм в странах Восточной Европы. / отв. ред. Ю.И. Игрицкий. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 66-94.

101. Калоева Е.Б. Западные Балканы и кризис в Украине. // Россия и современный мир. 2015. №3 (88). С. 127-149.

102. Кандель П.Е. Балканские дилеммы ЕС. // Современная Европа. 2020. №2. С. 123-130.

103. Кандель П.Е. Балканы: «Праздник непослушания». // Европейская аналитика 2017. / отв. ред. К.Н. Гусев. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 142-152.

104. Кандель П.Е. Брюссельские стратегии и балканские реалии. // Современная Европа. 2018. №7. С. 122-127.

105. Кандель П.Е. Грозит ли Балканам дестабилизация? // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. №3. С. 50-58.
106. Кандель П.Е. Западные Балканы между «Старой» и «Новой Европой». // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях / отв. ред. Л.Н. Шишелина. XII международная конференция. М.: ИЕ РАН, 2018. С. 147-153.
107. Кандель П.Е. О «цветных» и «бесцветных» революциях в Юго-Восточной Европе. // Экспорт демократии» и сетевые технологии в современном социально-политическом процессе. М.: Фонд исторической перспективы, 2017. С. 114-121.
108. Кандель П.Е. Что нового в Стратегии ЕС на Западных Балканах? // Современная Европа. 2018. №5. С. 17-24.
109. Кандель П.Е. Экспоненты политической альтернативы на Балканах. // Партии и движения политической альтернативы в современной Европе. / отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: ИЕ РАН, 2018. С. 128-132.
110. Карасев А.В., Косик В.И. Этапы борьбы македонского народа за независимость. // Македония. Путь к самостоятельности. Документы. / отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Радуга, 1997. С. 10-23.
111. Квашнин Ю.Д. Македонский вопрос в современной греческой политике. // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. №2. С. 66-74.
112. Квашнин Ю.Д. Преспанское соглашение и перспективы урегулирования вопроса о названии Македонии. // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. №5. С. 47-53.
113. Кирчанов М.В. Болгарская националистическая историография Македонии в начале 1990-х гг. // Международный научный журнал «Инновационная наука». №01-2/2017. 2017. С. 119-123.
114. Кирчанов М.В. Греческие образы в македонском национализме

второй половины 2000-х гг. // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. №3. С. 123-130.

115. Кирчанов М.В. Македонский национализм 2000-х годов: между идеалами гражданской нации и этнизацией. // Вопросы политологии. 2015. Вып. 2(18). С. 55-62.

116. Кирчанов М.В. Этнические культуры как «изобретенные традиции» серийных национализмов (перспективы сравнительного анализа). // Этническая культура в современном мире. 2020. № 14 (3). С. 7-11.

117. Киясов А.С. Политика «признания/непризнания»: американские интересы на Балканах на начальном этапе югославского кризиса (1991-1992 гг.) // Ученые записки Казанского Государственного Университета. 2010. Том 152. Кн. 3. Ч. 1. С. 246-253.

118. Клименко З.В. Албанский вопрос в Македонии. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 4. С. 38-47.

119. Козлов В.И. Проблематика «этничности». // Этнографическое обозрение. 1995. №4. С. 39-55.

120. Колосков Е.А. Александр Великий в контексте греко-македонского спора о наименовании. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2011. Вып. 4. С. 102-108.

121. Колосков Е.А. Македонско-греческий спор о названии: аспекты, этапы и поиски решения. // Славянский альманах 2010. 2011. С. 186-203.

122. Колосков Е.А. «Македонское царство»: спор о праве на средневековую историю между Македонией и Болгарией. // Славянский альманах. 2018. № 1-2. С. 11-23.

123. Колосков Е.А. Национальная безопасность Македонии. // Вестник СПбГУ. 2016. Сер. 6. Вып. 3. С. 82-92.

124. Колосков Е.А. От Бухареста до Преспы: греко-македонский спор о государственном наименовании Македонии в 2008-2018 гг. // Славянский альманах. 2021. № 1-2. С. 207-232.

125. Лабаури Д.О. Проблема македонской национальной идентичности в идеологии Крсте Мисиркова (1902-1905). // Славянский альманах. 2004. С. 148-154.
126. Максакова М.А. Страны Западных Балкан на пути в Европейский Союз: проблемы и перспективы. // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. №11. С. 42-55.
127. Манойло А.В., Спасов А.А. Политические и военные аспекты операций НАТО в Республике Северная Македония. // Россия и современный мир. №3 (112). 2021. С. 235-253.
128. Миле П. «Великая Албания» - фикция или реальность? // Албанский фактор кризиса на Балканах. / отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 133-155.
129. Митревска Я., Сельцер Д.Г. Дезинтеграционные процессы в СФРЮ и социалистическая республика Македония (1985-1990 гг.). // Вестник ТГУ. 2012. Вып. 2 (106). С. 325-329.
130. Назукина М.В. Институционализация этничности в политике идентичности российских республик: концептуальный анализ. // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 78-92.
131. Павловски М., Георгиевска-Яковлева Л. СМИ и национальная идентичность. // Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения: материалы 55-го международного форума (21-22 апреля 2016 г.) / отв. ред. С.Г. Корконосенко. 2016. № 2. СПб.: Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, 2016. С. 31-35.
132. Панов П.В. Национальная идентичность: варианты социального конструирования картины мира. // Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции, ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 47-50.

133. Панов П.В. Политизация этнической идентичности в современном мире: проблемы и институциональные решения. // Вестник Пермского научного центра. 2014. № 5. С. 48-54.

134. Парастатов С.В. «Македонский вопрос» в контексте современного геополитического процесса на Балканах. // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. №1. С. 128-133.

135. Поливянный Д.И. «Балканизация» и «европеизация» на Юго-Востоке Европы. // Современная Европа. 2015. №5 (65). С. 36-47.

136. Помигуев И.А., Салахетдинов Э.Р. Процесс национально-государственного строительства Северной Македонии: символические аспекты. // Власть. 2021. №5. С. 271-277.

137. Пономарева Е.Г. «Новое прошлое» Западных Балкан. // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2020. №5 (102). С. 260-272.

138. Пономарева Е.Г. Республика Македония: наступление албанского меньшинства. // Политическая наука. 2010. №1. С. 138-172.

139. Пономарева Е.Г. Суверенитет новых государств Юго-Восточной Европы: внутренние и внешние вызовы. // Суверенитет. Трансформация понятий и практик. / под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 155-171.

140. Пономарева Е.Г. Узлы и модели балканских этнополитических конфликтов. // Пути к миру и безопасности. 2012. Вып. 1 (42). С. 60-75.

141. Пономарева Е.Г. Этнополитический конфликт в Македонии. // Обозреватель. 2006. №5 (196). С. 95-104.

142. Попадьева Т.И. Религиозный фактор формирования гражданской идентичности в Северной Македонии. // Обозреватель. 2021. №10 (321). С. 54-66.

143. Поскребышева Е.С. Охридские соглашения по Македонии в контексте этноконфессиональной политики Евросоюза. // Вестник

Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 5 (1). С. 321-325.

144. Приколота М.Д., Крылов И.С. Вступление Македонии в Североатлантический альянс как многоуровневая игра. // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. №1. С. 177-189.

145. Пророкович Д. Стратегическая нестабильность на Балканах как следствие внешней политики США. // Русская политология — Russian Political science. 2021. № 1 (18). С. 5-13.

146. Пушкарева В.В. Западные Балканы в русле политики атлантизма. // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6. Вып. 1. С. 91-103.

147. Романенко С.А. Балканы / Юго-Восточная Европа: регион-загадка и регион загадок. // Актуальные проблемы Европы. 2021. №2. С. 22-58.

148. Романенко С.А. НАТО и пост-югославские государства: новый этап. // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2003. Вып. 7. С. 8-11.

149. Романенко С.А. Постъюгославское пространство 1992-2014 гг.: Проблемы национального самоопределения и непризнанных государств. // Актуальные проблемы Европы. 2015. №1. С. 154-171.

150. Салаватова А.В. Европейская интеграция как фактор македонской национальной идентичности. // Современная Европа. 2021. №1. С. 209-218.

151. Севруженко Н.С., Сковородников А.П. «Русская земля» как нациеобразующий концепт. // Экология языка и коммуникативная практика. 2020. № 1. С. 30-46.

152. Семененко И.С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса. // Мировая экономика и международные отношения. 2015. №11. С. 91-102.

153. Смирнов П.А. Болгарский вектор внешней политики Северной Македонии: проблема идентичности. // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 2 (36). С. 86-96.

154. Смирнов П.А. Внешняя политика Северной Македонии и региональная безопасность на Балканах: проблемы и перспективы. // Управленческое консультирование. 2021. № 6. С. 108-117.

155. Смирнов П.А. Македония и Россия после «Рамочных» соглашений: укрепление сотрудничества. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 1. С. 188-196.

156. Соколова П.С. Балканская составляющая европейской безопасности. // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 11. С. 17-26.

157. Соколова П.С. Балканский регион: на пути к стабилизации. // Год планеты. 2004. С. 363-367.

158. Соколова П.С. Влияние кризиса на политику расширения ЕС: Западные Балканы. // Кризис ЕС и перспективы европейской интеграции (политические аспекты) / отв. ред. Н.К. Арбатова, А.М. Кокеев. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 31-48.

159. Соколова П.С. Евро-атлантическая ориентация Западных Балкан. // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 7. С. 37-47.

160. Сорокин Д.А. Генезис этнических противоречий в Республике Македония (албанско-македонский аспект). // Филологические заметки. 2015. Т. 2. № 13. С. 31-41.

161. Сорокин Д.А. Македонский язык как объект межгосударственного спора (по материалам СМИ). // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. № 4. С. 79-86.

162. Сорокин Д.А. «Турецкий поток» как элемент политического кризиса Македонии. // Власть. 2017. № 4. С. 71-76.

163. Спасов А.А. Путь евроинтеграции Республики Северная Македония. // Социально-гуманитарные знания. 2021. №3. С. 299-305.

164. Стамова М.Н. Албанский фактор в Республике Македония в

последнее десятилетие XX в. – первое десятилетие XXI в. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. Том 14. №1-2. С. 92-109.

165. Степанова Е.А. Албанский фактор в македонском конфликте. // Албанский фактор кризиса на Балканах. / отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 87-103.

166. Третьякова М.Ч. Как в Македонии закончился военный конфликт в 2001 г. Охридский договор. // Славянский мир в третьем тысячелетии: Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов. / отв. ред. Е.С. Узенева. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. С. 146-156.

167. Третьякова М.Ч. Новое название Македонии и позиция России. // Современная Европа. 2021. № 7. С. 105-114.

168. Туров Н.Л. Идеологический проект «Великая Албания» на современной политической карте мира. // Сравнительная политика. 2014. № 4. С. 39-44.

169. Федоров М.С. ЕС и урегулирование региональных конфликтов и кризисов: адаптация к новым вызовам. // Современная Европа. 2018. № 5. С. 82-89.

170. Фреде де Э. Культура, цивилизация и идентичность. // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 17-23.

171. Цыганков П.А. Мировая политика: содержания, динамика, основные тенденции. // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 131-141.

172. Энтина Е.Г. Евро-атлантическая интеграция республик бывшей Югославии и российский фактор. // Актуальные проблемы Европы. 2018. №1. С. 192-208.

Научные статьи на иностранных языках

173. Маролов Д. Македонската јавна дипломатија и нејзините основни предности и слабости. // Трета меѓународна научна конференција «Меѓународен дијалог: исток-запад». Свети Николе-Тамбов. 2012. С. 19-23.

174. Маролов Д., Стојановски С. Охридскиот Рамковен договор наспроти Тирана платформа. // Четврта меѓународна научна конференција «Општествените промени во глобалниот свет»: зборник на трудови. 2017. С. 865-885.

175. Нетковски М. За колективната меморија и идентитетот. // Историја. 2010. № 1-2. С. 115-125.

176. Река Б. Процесот на интеграција на Република Македонија во Европската унија. // Република Македонија на патот кон Европската унија (2020) – искуства, предизвици, перспективи: прилози од Меѓународната конференција. Скопје. 2016. С. 29-49.

177. Рунчева Х. Република Македонија – регионалната соработка од аспект на дипломатските и економските односи. // Политичка мисла. 2010. № 31. С. 27-32.

178. Abdullai J. The political crisis in Macedonia and the relations with its neighbors. // The Balkans in the new millennium. From balkanization to eutopia. The Balkans sociological forum. Third International Conference, June 22-24, 2014: Conference Proceedings, Tetovo-Skopje, The Faculty of Public Administration and Political Science and Ss Cyril and Methodius University in Skopje - Institute for Sociological, Political and Juridical Research in Skopje. 2015. Pp. 45-56.

179. Aggelakis Y. Judges as Historians: The Macedonian Trials in the Early 1990's. // Balkan crossroads. 2017. Pp. 11-28.

180. Agir B.S., Akcay E.Y. An evaluation of the structural violence in the Former Yugoslav Republic of Macedonia's human security in the Post-Ohrid era. // 3rd International Conference on Human Security, May 2017: Conference Proceedings, Belgrade, University of Belgrade – Faculty of Security Studies. 2017. Pp. 19-26.

181. Anastsakis O. Post-1989 Political Change in the Balkan States: The Legacy of the Early Illiberal Transition Years. // Perceptions. Journal of international affairs. 2013. Vol.18. № 2. Pp. 91-113.

182. Armakolas I., Triantafyllou G. Greece and EU enlargement to the Western Balkans: understanding an ambivalent relationship. // Southeast European and Black Sea Studies. 2017. № 4 (17). Pp. 611-629.

183. Baranov N.A., Smirnov P.A. The republic of North Macedonian foreign policy in the context of regional security policy in the Balkans. // Balkan Social Science Review. 2020. Vol. 15. Pp. 237-251.

184. Conev B., Ilieva J. The republic of Macedonia and its recognition in the international community (1991-2015). // Macedonia: Social, political and economic issues. / ed. V.S. Pejnovic, M. Stankovich. 2017. Pp. 1-31.

185. Corradi E. Rethinking Islamized Balkans. // Balkan Social Science Review. 2016. Vol. 8. Pp. 121-139.

186. Cvetkovikj J. The Name Issue and the Media. // Balkan crossroads. 2017. Pp. 52-70.

187. Demirtas B. Turkey and the Balkans: Constructing a Common Future. // Perceptions. Journal of international affairs. 2013. Vol. 18. № 2. Pp. 163-185.

188. Demirtas B. Turkish Foreign Policy towards the Balkans: A Europeanized Foreign Policy in a De-Europeanized National Context? // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2015. Vol. 17. Pp. 123-140.

189. Devetak S. Reconciliation – a prerequisite for the integration of Western Balkans in the EU stream of values. // Balkan Social Science Review. 2019. Vol. 14. Pp. 179-203.

190. Dimitras P.E. Writing and rewriting history in the context of Balkan nationalisms. // Southeast European Politics. 2000. Vol. 1. № 1. Pp. 41-59.

191. Doja A. In Hoc Signo Vincas: The Politics of Religion as a Source of Power and Conflict. // Politics, religion & ideology. 2019. Vol. 20. Pp. 447-466.

192. Dordeska M. Between Myths and Realty – Macedonia between Turkey and the EU. // Analytical journal. 2011. Vol. 4. Pp. 74-89.

193. Gangloff S. The relations between Turkey and Macedonia: The

incoherencies of a political partnership. // Turkish Review of Balkan Studies. 2001. № 6. Pp. 38-57.

194. Ghaffar Mughal A. Muslim Population of the Republic of Macedonia: A Demographic and Socio-economic Profile. // Balkan Social Science Review. 2015. Vol. 5. Pp. 87-129.

195. Gjorgjevski G. Nurturing the Culture of Dialogue. A Macedonian Experience. // Interdisciplinary Journal for Religion and Transformation in Contemporary Society. 2020. Vol. 6. Pp. 385-412.

196. Gjurovski M. Strategy for defense diplomacy of the Republic of Macedonia. // International Scientific Conference «Towards a Better Future: The Rule of Law, Democracy and Polycentric Development» 11-12 May, 2018: Conference Proceedings, Bitola, St. Kliment Ohridski University. 2018. Vol. 2. Pp. 44-54.

197. Gocevski T. The significance of Euro-Atlantic integration for regional peace and security. // International scientific conference security and Euroatlantic perspectives of the Balkans police science and police profession (states and perspectives) 25-26 May, 2012, Ohrid: Conference Proceedings, Bitola-Skopje, University St. Kliment Ohridski. 2012. Vol. 1. Pp. 61-73.

198. Goral E. A Neo-Realist Analysis of Turkish Foreign Policy towards Balkans. // The Balkans Dialogue: Conflict Resolution and EU Accession Politics in the Balkans and Turkey. International Conference, 8–9 February 2013: Conference proceedings, Budapest, Institute for Cultural Relations Policy. 2013. Pp. 95-108.

199. Gordon F.H. Europe`s uncommon foreign policy. // International security. 1997. Vol. 22. № 3. Pp. 74-100.

200. Grizo M. European Union`s Policy of «Regional Approach» 1996-1999: The Case of Macedonia. // Balkan Social Science Review. 2014. Vol. 3. Pp. 157-177.

201. Gusheva S. Parliamentary Scrutiny: Practice in the Republic of Macedonia. // Balkan Social Science Review. 2015. Vol. 5. Pp. 129-151.

202. Ham P. The Rise of the Brand State: The Postmodern Politics of Image

and Reputation. // Foreign Affairs. 2001. № 5. Pp. 2-6.

203. Ilievski B. The Fluctuation in the National Identification of a Part of the Muslim Population in the People's Republic of Macedonia (Statistical and demographic analysis). // Balkan Social Science Review. 2014. Vol. 4. Pp. 275-295.

204. Karadjoski M. Cross-border Cooperation between Macedonia and Greece as an Instrument for Good Neighbourhood Relations. // The Balkans Dialogue: Conflict Resolution and EU Accession Politics in the Balkans and Turkey. International Conference, 8–9 February 2013: Conference proceedings, Budapest, Institute for Cultural Relations Policy. 2013. Pp. 116-127.

205. Konidaris G. Examining policy responses to immigration in the light of interstate relations and foreign policy objectives: Greece and Albania. // The New Albanian Migration. / edited by R. King, N. Mai and S. Schwandner-Sievers. Brighton: Sussex Academic, 2005. Pp. 80-81.

206. Larrabee F.S. Long memories and short fuses. // International security. 1990. Vol. 15. № 3. Pp. 58-91.

207. Lefebvre S. The Former Yugoslav Republic of Macedonia (FYROM): Where to? // European Security. 1994. Vol. 3. № 4. Pp. 711-733.

208. Marolov D. The relations between Macedonia and Greece in the context of the name issue. // Balkan Araştırm a En stitü sü Dergisi Cilt. 2013. Vol. 2. № 1. Pp. 23-34.

209. Marolov D. The relations between Macedonia and Serbia. // Romanian journal of history and international studies. 2015. Vol. 2. № 1. Pp. 117-128.

210. Marolov D. The relations between Macedonia and Bulgaria. // Knowledge. International Journal. 2014. Vol. 4. Pp. 409-415.

211. Marusic D., Bedenbaugh S., Wilson D. Balkans Forward. A new US Strategy for the Balkan Region. // Atlantic Council. 2017. August №1. Pp. 16-18.

212. Matevska D. The relationship between the political and religious elite in contemporary Macedonian society. // Politics and religion. 2011. Vol. 5. № 1. Pp. 129-

140.

213. Meijer H., Brooks S.G. Illusions of Autonomy. // International security. 2021. Vol. 45. № 4. Pp. 7-43.

214. Miteva-Kacarski E. Analysis of the Trade Relations between Republic of Macedonia and Republic of Kosovo. // Journal of Economics. 2016. Vol. 1. № 1. Pp. 1-7.

215. Milanov V. The Bulgarian-Macedonian Conflict. // The Balkans Dialogue: Conflict Resolution and EU Accession Politics in the Balkans and Turkey. International Conference, 8–9 February 2013: Conference proceedings, Budapest, Institute for Cultural Relations Policy. 2013. Pp. 77-88.

216. Ortakovski V. 1995 Interim Accord and the name issue. // Меѓународна научна конференција «Македонија и Балканот 100 години од Првата светска војна: безбедност и евроатлански интеграции» Скопје: Факултет за безбедност. 2014. Pp. 17-36.

217. Ozerdem F. Europeanisation as a Tool of Border Conflict Resolution. // The Balkans Dialogue: Conflict Resolution and EU Accession Politics in the Balkans and Turkey. International Conference, 8–9 February 2013: Conference proceedings, Budapest, Institute for Cultural Relations Policy. 2013. Pp. 7-13.

218. Pendarovski S. The Balkan playground: Eastern «soft» power coming, Western not leaving. // Thirteenth annual international academic conference on European Integration «Europe and the Balkans» 17 May, 2018: Conference Proceedings, Skopje, University American College. 2018. Pp. 155-164.

219. Petreski A. Impact of globalization world on the Western Balkans. // International Scientific Conference «Towards a Better Future: The Rule of Law, Democracy and Polycentric Development» 11-12 May, 2018: Conference Proceedings, Bitola, St. Kliment Ohridski University. 2018. Vol. 2. Pp. 92-97.

220. Ripiloski S., Pendarovski S. Macedonia and the Ohrid Framework Agreement: Framed Past, Elusive Future. // Perceptions. Journal of international affairs.

2013. Vol. 18. № 2. Pp. 163-185.

221. Roudometof V. Nationalism and Identity Politics in the Balkans: Greece and the Macedonian Question. // *Journal of Modern Greek Studies*. 1996. № 14. Pp. 253-301.

222. Simonovski I., Ece Unsal Z. Balkan region – battleground for a clash of the centers of power in a creation of a new world order. // *Balkan Social Science Review*. 2016. Vol. 8. Pp. 139-153.

223. Sotirovic V.B. Nationalism and territorial claims of the Yugoslavs challenge to re-map the Balkans in the 21st century. Case-study. // *Journal of security studies and global politics*. 2017. Vol. 2. Pp. 69-81.

224. Stojanovski S. From «Balkanization» towards «West-Balkanization»: The Republic of Macedonia`s Euro-Atlantic prospects. // *Balkan Social Science Review*. 2013. Vol. 1. Pp. 201-216.

225. Stojanovski S., Marolov D., Ananiev J. Macedonian Question Reframed: Politics, Identity and Culture in Republic of Macedonia. // *Balkan Social Science Review*. 2014. Vol. 4. Pp. 295-323.

226. Stojanovski S., Marolov D. The Balkan Muslim discourse: Identity among the Muslims of Slavic origin. // *New Balkan Politics*. 2015. Vol. 17. Pp. 70-81.

227. Tatalovic S., Malnar D. Migration in the security policies of the Central and South European countries. // *Contemporary Macedonian defence*. 2019. Vol. 19. № 36. Pp. 25-48.

228. Troebst S. Germany and Macedonia – A 20th Century Special Relationship. // Thirteenth annual international academic conference on European Integration «Europe and the Balkans» 17 May, 2018: Conference Proceedings, Skopje, University American College. 2018. Pp. 25-30.

229. Valkov P. Policy of Russia and the «Albanian factor» in the Republic of Macedonia. // *Journal of European and Balkan Perspectives*. 2018. Vol. 1. № 1. Pp. 5-11.

230. Vlasidis V. We and the others: Greece's image in FYROM's press and education system (1995–2002). // Athens-Skopje: An Uneasy Symbiosis, 1995-2002 / ed. E. Kofos. Athens, Papazisis Publishers, 2003. Pp. 253-316.

231. Walt S.M. Alliance Formation and the Balance of World Power. // International Security. 1985. Vol. 9. № 4. Pp. 3-43.

232. Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. // International Organization. 1992. № 46 (02). Pp. 391-425.

233. Wimmer A. The Making and Unmaking of Ethnic Boundaries: A Multilevel Process Theory. // American Journal of Sociology. 2008. Vol. 113. №4. Pp. 970-1022.

234. Yanakiev Y. The process of evaluation of national interests as the basis for security policy-making and strategy development. // Contemporary Macedonian defence. 2019. Vol. 19. № 36. Pp. 9-24.

Интервью

235. Интервью Б. Ристовского Е. Колоскову. 23.11.2010. // Колосков Е.А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991-2001 гг.). М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 204-215.

236. Интервью Д. Димитрова Е. Колоскову. 07.12.2010. // Колосков Е.А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991-2001 гг.). С. 216-229.

237. Интервью Д. Мирчева Е. Колоскову. 15.11.2010. // Колосков Е.А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991-2001 гг.). С. 241-247.

238. Интервью Л. Георгиевского Е. Колоскову. 25.11.2010. // Колосков Е.А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991-2001 гг.). С. 230-240.

239. Интервью П. Лазаревского П. Смирнову. 19.11.2021-18.01.2022. // из личного архива.

240. Интервью Т. Гоцевского Е. Колоскову. 23.11.2010. // Колосков Е.А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991-2001 гг.). С. 248-274.

Электронные издания

241. Бондарев Н.В., Бондаренко О.В., Искендеров П.А., Энтина Е.Г. Три сценария для Косово [Электронный ресурс]. URL: <https://balkanist.ru/tri-stsenariya-dlya-kosovo>.

242. Внешняя торговля России. Динамика торговли России с Македонией в 2010 - 2017 годах [Электронный ресурс]. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2018-03/dinamika-torgovli-rossii-s-makedoniei-v-2010-2017-godah>.

243. Внешняя торговля России. Торговля между Россией и Македонией в 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiei-i-makedoniei-v-2020-g>.

244. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с ситуацией в Республике Македонии от 14.04.2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2233994.

245. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с ситуацией в Республике Македонии от 02.02.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2621894.

246. Небойша Павкович. Узник патриотизма. Рассказ из застенка [Электронный ресурс]. URL: https://www.fontanka.ru/longreads/uznik_patriotizma_pavkovic.

247. О консультациях заместителя Министра иностранных дел России А.Ю. Мешкова с заместителем Министра иностранных дел Македонии Д. Киприяновской, 08.06.2015 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-

/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1404017.

248. Филимонова А.И. «Великая Албания»: капкан для Сербии и России. // ИА Regnum [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3113968.html>.

249. Филимонова А.И. Страх Балкан: что такое «Великая Албания». // ИА Regnum [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3175007.html>.

250. Архиепископ Охридски и Митрополит Скопски Јован. Богословско-историски аспект на расколот на црквата во Р.Македонија и неговото надминување [Электронный ресурс]. URL: http://poa-info.org/mk/istorija/resavanje/Za_edinstvoto_na_crkvata.pdf.

251. Българската политика спрямо Република Македония. Препоръки за развитието на добросъседски отношения след приемането на България в ЕС и в контекста на разширението на ЕС и НАТО в Западните Балкани. / Разработени под ръководството на Л. Иванов [Электронный ресурс]. // Уикиизточник. URL: https://bg.wikisource.org/wiki/%D0%91%D1%8A%D0%BB%D0%B3%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B0_%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D1%81%D0%BF%D1%80%D1%8F%D0%BC%D0%BE_%D0%A0%D0%B5%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%8F.

252. Кочев И., Александров И. Документи за съчиняването на македонския книжовен език [Электронный ресурс]. // Съчиняването на т. нар. македонски книжовен език. Книги за Македония. URL: http://macedonia.kroraina.com/ik/ik_2.html.

253. Меморандум относно историческия спор между Северна Македония и България чрез стриктно спазване на духа и буквата на споразумението «Илинден» между двете страни от 01 август 2017 г. [Электронный ресурс]. // Бугарски културен клуб. URL:

http://bkks.org/docs/BKKS_Memorandum_BG_20201005.pdf.

254. Народна банка на Република Северна Македонија [Электронный ресурс]. URL:

https://nbstat.nbrm.mk/pxweb/en/Eksterni%20statistiki/Eksterni%20statistiki__Direktni%20investicii__Direktni%20investicii%20-%20Sostojbi/8_SostojbaDIVoRMPoZemjiSporedVrednostUcestvoEN.px/chart/chartViewColumn.

255. Activities. // Adriatic and Ionian Initiative [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aii-ps.org/activities>.

256. Belford A., Cvetkovska S., Sekulovska B., Dojcinovic S. Leaked Documents Show Russian, Serbian Attempts to Meddle in Macedonia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.occrp.org/en/spooksandspin/leaked-documents-show-russian-serbian-attempts-to-meddle-in-macedonia>.

257. Bougarel X. The Role of Balkan Muslims in Building a European Islam // European Policy Centre. 2005 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/32230189_The_Role_of_Balkan_Muslims_in_Building_a_European_Islam.

258. Conference on Yugoslavia Arbitration Commission: Opinions on questions arising from the dissolution of Yugoslavia. // The Arbitration Commission of the Conference on Yugoslavia [Электронный ресурс]. URL: https://www.pf.uni-lj.si/media/skrk_mnenja.badinterjeve.arbitrazne.komisije.1_10.pdf.

259. Kofos E. The Macedonian Issue: Solid arguments, not «blackmail». [Электронный ресурс]. URL: http://www.macedonian-heritage.gr/Opinions/BalkanDevelopments/comm_20050204Kofos.html.

260. Kofos E. Greece' s Macedonian Adventure: The Controversy over FYROM's Independence and Recognition. 1999 [Электронный ресурс]. URL: http://www.myriobiblos.gr/texts/english/kofos_adventure_3.htm.

261. Kokkolis G. How SlavMacedonians see themselves: birth and evolution of

the «Macedonian» national identity [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/415934/How_SlavMacedonians_see_themselves_birth_and_evolution_of_the_SlavMacedonian_nationalism.

262. Paunkovski V., Tashev S., Mladenov G. 5 Years of Independence — Human Rights in the Republic of Macedonia, 1991–1996 [Электронный ресурс]. // Книги за Македонија. URL: http://macedonia.kroraina.com/en/human_r/part1.htm.

263. Roudometof V. Collective Memory, National Identity and Ethnic Conflict: Greece, Bulgaria and the Macedonian Question [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/26041600/Collective_Memory_National_Identity_and_Ethnic_Conflict_Greece_Bulgaria_and_the_Macedonian_Question.

264. The Road to Thessaloniki. Cohesion and the Western Balkans. Berlin, 12.03.2003 [Электронный ресурс]. URL: https://www.esiweb.org/pdf/bridges/bosnia/ESI_RoadtoThessaloniki.pdf.

265. Vurušić V., Bajruši R. U tijeku je raskol kakav nije viđen od 1054. Uzdrmani su temelji pravoslavlja, a Podgorica i Skoplje mogli bi biti uzrok novog povijesnog razilaženja [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jutarnji.hr/vijesti/svijet/u-tijeku-je-raskol-kakav-nije-viden-od-1054-uzdrmani-su-temelji-pravoslavlja-a-podgorica-i-skoplje-mogli-bi-bit-uzrok-novog-povijesnog-razilazenja/9893347>.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

Интервью с профессором Института социологических и политико-правовых исследований Университета Св. Кирилла и Мефодия (Скопье) Панде Лазаревским
(Zoom, 18 ноября 2021 г.-19 января 2022 г.)

Петр Смирнов: Здравствуйте, уважаемый профессор Лазаревский. Спасибо за возможность поговорить с Вами.

Я начну с вопроса о текущей внешней политике Республики Северная Македония: как Вы ее оцениваете и какие проблемы Вы видите на данный момент, кроме спора с Болгарией?

Профессор Панде Лазаревски: Нет никакой конкретной внешней политики, кроме следования официальной позиции НАТО, Европейского Союза и иных крупных «покровителей». Республика Северная Македония, как и многие другие слабые (или «вассальные») государства, не имеет возможности проводить независимую внешнюю политику.

Столпами внешней политики, установленной первым президентом Республики Македония Киро Глигоровым (которого избрали 27 января 1991 года), были:

1. Членство в НАТО и ЕС в качестве ключевого стратегического приоритета (обеспечение безопасности и территориальной целостности), основанного на существующем политическом консенсусе между всеми политическими партиями в стране.
2. Политика равноудаленности (одинаково хороших отношений) со всеми соседними странами, без установления особых связей ни с одной из них.
3. Ориентация на США как на ключевого стратегического партнера

македонской республики в однополярном мире после распада СССР.

В декабре 1993 года Собрание Республики Македония приняло решение вступить в НАТО (просто отмечу, что Российская Федерация установила отношения с НАТО в 1991 году в рамках Совета Североатлантического сотрудничества, а в мае 1997 года подписала Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности).

Республика Македония присоединилась к Партнерству ради мира в 1995 году (Российская Федерация сделала это в 1994 году) и подписала Адриатическую хартию с Хорватией и Албанией в 2003 году для координации процесса вступления в НАТО.

В апреле 1999 года, во время саммита НАТО в Вашингтоне, Республика Македония получила статус страны-кандидата в НАТО (отмечу, что Москва выражала свою заинтересованность в вступлении в НАТО: впервые в 1990 году, а также согласно заявлениям президента Путина во время визита президента США Клинтона в Москву в 2000 году).

Во время бомбардировок Союзной Республики Югославии НАТО в 1999 году (без одобрения Совета Безопасности ООН) Республика Македония предоставила свою территорию и оказала материально-техническую поддержку силам НАТО, а также приняла около 360000 беженцев, бежавших из Косово.

На Бухарестском саммите НАТО 2008 года Греция наложила вето на вступление Македонии; однако государства-члены НАТО согласились с тем, что страна получит приглашение после разрешения спора о наименовании.

После соглашения с греческой республикой в июне 2018 года о переименовании страны представители государств-членов НАТО подписали протокол о вступлении Северной Македонии в НАТО 6 февраля 2019 года. В течение следующих месяцев все 29 государств - членов НАТО ратифицировали протокол, который вступил в силу 19 марта 2020 года, позволив Северной Македонии стать государством-членом НАТО 27 марта 2020 года.

Референдум (текст вопроса, напомним, звучал так: «Выступаете ли вы за членство в Европейском союзе и НАТО, приняв соглашение между Республикой Македонией и Республикой Греция?») был проведен 30 сентября 2018 года. Несмотря на то, что 94% избирателей проголосовали «за», явка избирателей была невысокой (составила около 37%), что меньше нормы, необходимой для подтверждения результатов. Президент Георге Иванов призвал избирателей бойкотировать предстоящий референдум о смене названия Македонии, но западные лидеры приветствовали результат как положительный, несмотря на низкую явку.

Насчет этого вопроса с Болгарией – он совершенно лишен смысла. Предоставьте историю историкам, а правительствам необходимо сосредоточиться на текущих проблемах и планах на будущее.

Я не вижу причин для каких-либо разговоров о добрососедских отношениях, соглашениях или чем-то подобном. Государства признают друг друга и устанавливают отношения между собой.

И я один из тех, кто считает, что нет смысла оставаться в этом странном положении – обсуждать историю и идти на какие-либо уступки или воспринимать это как препятствие для продвижения чьей-то конкретной позиции в споре. По этому вопросу (истории) вообще не предполагалось никаких дискуссий.

П.С.: Понятно, спасибо за ваш ответ. И у меня есть еще один вопрос: каково ваше мнение о соглашении с Грецией?

Проф. П. Лазаревски: Это очень хороший пример плохого решения. Довольно странным образом основные принципы ООН в то время, почти тридцать лет назад, были нарушены, когда страна была принята под временным «названием» Бывшая Югославская Республика Македония. Не другим решать,

как мы могли бы называть себя или как мы воспринимаем свою идентичность. Итак, это был очень плохой прецедент, и в конце концов он закончился так называемым «Преспанским соглашением», что тоже плохо, учитывая проблему идентичности. Кто такие северные македонцы и кто такие, например, южные македонцы? На каких языках они говорят?

Короче говоря, вопрос об этнических корнях и этнической идентификации остается открытым, и теперь у нас есть «болгарские претензии» – это законное требование с болгарской стороны, потому что более ста тысяч человек получили болгарские паспорта (утверждая, что имеют болгарское происхождение, даже если они являются гражданами Республики Северная Македония). С болгарской стороны одно из требований сейчас состоит в том, чтобы включить в официальный список национальностей Республики Северная Македония и болгар как этническое меньшинство с правом использования болгарского языка...

Каким может быть бесприоритетное решение в этих сложных «балканских делах»? Преодоление «этнической ловушки», возможно, конфедерация с Грецией и Республикой Сербия может быть хорошим решением для всех трех стран. В этом случае Сербия получает прямой доступ к порту Салоники. Греция выиграет от предполагаемого судоходного канала Эгейское море – река Аксьос (Вардар) – долина реки Пчинья – река Морава – Дунай (Китай заинтересован в строительстве этого судоходного канала).

Албанцам как из Северной Македонии, так и из сербской провинции Косово и Метохия (которая в одностороннем порядке провозгласила независимость, но, согласно международному праву, она подпадает под резолюцию 1244/1999 Совета Безопасности ООН) будет легче общаться между собой и с соседней Республикой Албанией (в качестве компенсации за мечту о Великой Албании). Республика Северная Македония получит доступ как к Эгейскому морю (порт Салоники), так и к Дунаю. Больше возможностей для бизнеса, больше рабочих мест, автомобильных дорог и высокоскоростных

железных дорог и более плодотворное сотрудничество с соседней Республикой Албанией и Республикой Болгария (а также с Черногорией и Адриатическим побережьем). Однако на данный момент это просто принятие желаемого за действительное.

П.С.: Звучит очень интересно. Вы упомянули о болгарском меньшинстве в Республике Северной Македонии, как Вы думаете, если болгарское меньшинство станет локально важным игроком (я имею в виду, станет оказывать влияние на внутримакедонскую политическую повестку) – как это может повлиять на болгаро-македонские отношения?

Проф. П. Лазаревски: По этому поводу я не знаю точной цифры, потому что последнее, что я слышал по телевизору из болгарского источника, было 140000 человек, македонских граждан, которые получили гражданство Болгарии. Многие люди объявляют себя болгарами, зная, что существует особая процедура и форма, в которой вы заявляете, что вы и ваши предки болгарского происхождения. Таким образом, они не только говорят, что являются болгарами, когда требуют болгарское гражданство, но и утверждают о наличии болгарских корней и о том, что их предки – болгары. Многие люди, даже те, кого я знаю, приняли болгарское гражданство, потому что Болгария является членом ЕС, и с болгарским паспортом они могли путешествовать в другие страны ЕС. Поэтому они приняли болгарское гражданство по очень практическим соображениям. У некоторых из них, возможно, есть какие-то особые чувства к Болгарии. Я не знаю, сколько таких людей в Северной Македонии. Но вопрос, который я хотел бы вам посоветовать (я намеренно использую это слово – посоветовать) – просто копнуть немного глубже, обратившись к периоду в конце османских времен. Почему? Ответ заключается в том, что во времена Османской империи этническая принадлежность была не так важна. Важно было, к какой религиозной

группе вы принадлежите, к какой церкви вы принадлежали: болгарской или греческой. Так что история здесь довольно сложная. Если же вы спросите меня о восприятии Болгарии в целом, то оно у нас не самое лучшее.

П.С.: Спасибо. Мой следующий вопрос связан с предыдущим – существует ли этнический вопрос и/или вопрос идентичности в современном македонском обществе?

Проф. П. Лазаревски: Когда мы говорим об идентичности, я напомним так называемую «политику антиквизации», приписываемую бывшему премьер-министру Груевскому.

Смысл ее был в том, что, если вы говорите, что вы македонец, вы должны выяснить, каковы ваши македонские корни, иначе почему вы называете себя македонцем? Иными словами, вы не могли бы сказать, что вы македонец только потому, что сейчас живете на территории Македонии, вы македонец потому, что у вас есть какая-то прямая связь с древнемакедонскими предками.

П.С.: Как македонские граждане восприняли Преспанские соглашения и изменение названия страны на Северную Македонию?

Проф. П. Лазаревски: Проблема не только в Преспанских соглашениях. После албанского мятежа в 2001 году Македония превратилась из национального (македонского) в бинациональное/двуязычное государство (2/3 македонского населения и 1/4 албанского). Никто не озабочен заявками всех других национальностей, упомянутых в Конституции, которые предполагают придать многонациональный колорит македонскому национальному государству.

П.С.: Говоря об албанском населении: существуют ли различия во мнениях между македонцами и албанцами в отношении членства в НАТО?

Проф. П. Лазаревски: Да. Согласно одному из опросов общественного мнения, существуют значительные различия между македонцами и албанцами относительно вопроса «Считаете ли вы, что членство Македонии в НАТО является хорошим шагом»: утвердительно ответили 89,1% албанцев и лишь 59,1% македонцев (а это разрыв в 30%).

П.С.: У меня вопрос такого, скажем, общего характера: что Вы можете сказать относительно последовательности как внешней, так и внутренней политики Скопье?

Проф. П. Лазаревски: Я не могу сказать, что Македония проводит последовательную политику, как внешнюю, так и внутреннюю, и в основном подвержена влиянию иностранных (западных) сил и политических притязаний этнических албанцев, которые достаточно сильны, чтобы повлиять на формирование правительства. Всякий политический вопрос является результатом ежедневных соглашений (на внутренней основе) с албанцами, а на международном уровне мы просто следуем основной линии так называемых “союзников”.

П.С.: У меня есть еще один вопрос, связанный с моей страной, с Российской Федерацией. Скажите, пожалуйста, какие перспективы Вы видите сейчас в отношениях между Северной Македонией и Россией?

Проф. П. Лазаревски: Российская Федерация – консолидированная великая держава. Россия присутствует на Балканах, но в первую очередь ее

интересует территория вокруг Черного моря. А также российское присутствие существует в Сербии.

С геополитической и исторической точки зрения Россию гораздо больше интересует восточная часть Балкан (точнее, Болгария) с Сербией и очень интересует Черное море, включая Босфор и Дарданеллы.

Македония (вне болгарского контекста) не представляла особого интереса для Российской Империи. Достаточно упомянуть Сан-Стефанский мирный договор 1878 г. о создании автономного княжества Болгария, который подразумевал территории Македонии в качестве болгарских территорий.

Что касается Вашего вопроса, я мог бы сказать, что все зависит от того, как будут развиваться события в контексте нынешнего противостояния Российской Федерации с коллективным Западом. Для некоторых знающих людей, которые смотрят, так скажем, за горизонт, евразийская перспектива не может быть исключена для балканских православных стран.

П.С.: Спасибо за Ваш ответ! Возвращаясь к «болгарскому вопросу», должен сказать, что в российской науке существует несколько глубоко исследуемых тем или концепций относительно македонской и болгарской истории. И одна из них, если говорить о Второй Мировой войне, одна из тем касается болгарской оккупации Македонии.

Проф. П. Лазаревски: Македония не могла быть оккупирована, потому что Македонии не существовало как государства. Болгария оккупировала часть Королевства Югославия, переданную Третьим рейхом Болгарии, а также часть Королевства Греция без Салоник. Итак, чтобы было яснее, Болгария оккупировала части Македонии, которые после Балканских войн 1912-1913 годов были аннексированы королевствами Сербия и Греция. Болгария не участвовала во вторжении в Югославию и Грецию 1941 года, но получила эти территории от

Третьего рейха и участвовала в Холокосте на оккупированных территориях (направляя все еврейское население властям Третьего рейха для «окончательного решения»).

П.С.: Понимаю. Скажите, пожалуйста, какое государство (балканское или не только балканское) можно назвать самым надежным союзником Северной Македонии?

Проф. П. Лазаревски: Если мы действительно говорим о государствах, то это значит говорить о политике. В политике нет любовных романов, есть только интересы. Большие державы имеют большие интересы и играют в большие игры. Местные страны гораздо больше интересуются тем, что происходит по соседству с ними. Процветающее и безопасное государство по соседству означает процветание и некоторые возможности для себя.

П.С.: Большое вам спасибо, профессор Лазаревский. Я очень надеюсь, что это не последний наш разговор.

Проф. П. Лазаревски: Желаю вам больших успехов в вашей диссертации!

П.С.: Еще раз большое спасибо, уважаемый профессор Лазаревский.

Приложение 2.

Периодизация внешней политики РСМ

Этап	Хронологические рамки	Приоритетная задача	Выполнение задачи	Участвующий в выполнении задачи внерегиональный актор	Воспринимаемый как угроза безопасности региональный актор
Первый	1991-1995 гг.	Получение признания, получение гарантий безопасности в контексте Боснийской войны	Присоединение к программе НАТО «Партнерство ради мира»	НАТО	СРЮ, Греция
Второй	1995-1999 гг.	Подтверждение гарантий безопасности в контексте Косовского кризиса	Получение статуса кандидата на вступление в НАТО	НАТО	СРЮ
Третий	1999-2005 гг.	Укрепление сотрудничества с НАТО, подготовка к интеграции в ЕС	Получение статуса кандидата на вступление в ЕС	ЕС	-
Четвертый	2005-2018 гг.	Подготовка к интеграции в НАТО	Подписание Преспанских соглашений	ООН, НАТО	Греция
Пятый	2018 г.-	Подготовка к интеграции в ЕС	Возобновление сотрудничества с Болгарией	ЕС	Болгария